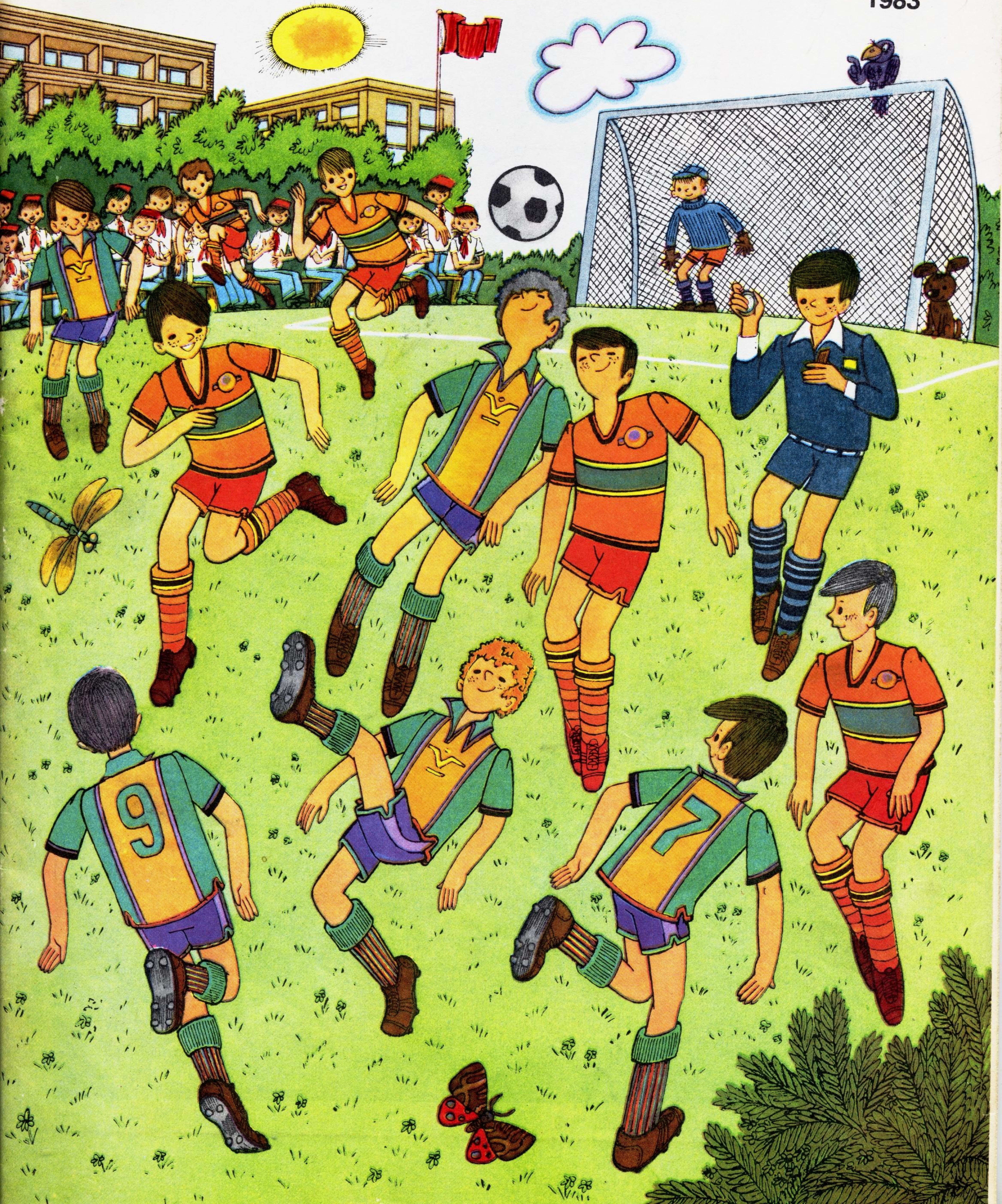
ПИОНЕР 6

1983



Пионерский марш мира продолжается!

СОЮЗ РАЗНОЦВЕТНЫХ ГАЛСТУКОВ

Е. ТОВМА,
ответственный секретарь
Комитета молодежных организаций СССР

Взгляни на карту нашей планеты. Если бы каждую страну, где есть пионеры, окрасить под цвет их галстука, то получилась бы яркая, разноцветная мозаика. Мало бы осталось на такой карте нераскрашенных мест. Только за последние пять лет новые пионерские и детские организации появились в Дании и Греции, Афганистане и Республике Острова Зеленого Мыса, в Никарагуа и Гренаде, в Кампучии и США. Ребят в пионерских галстуках можно встретить почти на всех континентах. И на всех континентах звучат сегодня детские голоса в защиту мира, против угнетения и войны, за счастливое будущее Земли.

«Наш лозунг — голубь мира — везде, где есть дети. Превратим ракетные полигоны в детские площадки!» Этот призыв особенно часто повторяли минувшей осенью дети ФРГ. Западногерманская организация «Юные пионеры» провела десятки антивоенных митингов и маршей в Гамбурге, Руре, Северной и Южной Баварии. Тысячи пионеров рядом со взрослыми шли по территории ФРГ в антивоенном марше «Нет американским ракетам!».

А вот пионеры Финляндии вместе с финскими трудящимися борются за превращение Северной Европы в безъядерную зону. Успешно по дорогам страны прошел недавно пионерский «Поезд мира», который организовал Демократический Союз пионеров Финляндии. В каждом городке на маршруте «Поезда мира» стихийно возникали митинги и концерты политической песни. «Поезд мира» стал большим событием в жизни финской пионерии. Сотни мальчиков и девочек по пути его следования вступили в пионеры.

Борьбу за мир объявили главным делом своей жизни и пионеры Африки. За последние годы на африканском континенте появилось много новых пионерских организаций. В Анголе и Мозамбике, Гвинее-Бисау и Республике Сейшельские Острова, на Мадагаскаре и на Реюньоне... — всюду можно сегодня встретить мальчиков и девочек в пионерских галстуках. Для пионеров Африки борьба за мир — это прежде всего борьба за счастливую жизнь коренного африканского населения. Сколько раз белые расисты Южно-Африканской Республики посылали самолеты бомбить мирные африканские селения! Войска ЮАР оккупировали Намибию и южные провинции Анголы, устраивают вооруженные провокации против

Выходит с 15 марта 1924 г.
ПИОНЕР
Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина
ИЮНЬ 6
Москва 1983 г.
Издательство «Правда»

Есть у польских харцеров хорошая традиция: в памятные дни выстраивать почетные караулы у могил советских солдат, погибших при освобождении Польши в годы минувшей войны.
На снимке: почетный караул на мемориальном кладбище советских воинов в городе Родоме.

Мозамбика, Зимбабве, Замбии и других независимых государств.

В уставах детских и пионерских организаций Ближнего Востока одним из главных требований записано: вести борьбу за мир для арабских народов. Недавние преступления израильских войск против палестинцев и ливанцев всколыхнули весь Ближний Восток. В Сирии, Алжире, Марокко, Ираке...—во всех арабских странах дети вместе со взрослыми гневно протестовали против агрессивной политики Израиля. Двенадцати-четырнадцатилетние подростки с оружием в руках защищали Бейрут от израильских солдат. Многие из них погибли под пулями и бомбами интервентов, многие и сейчас сражаются в отрядах палестинского Сопротивления.

Огромна армия юных борцов за мир на планете. И всех их объединяет СИМЕА—Международный комитет детских и юношеских организаций. СИМЕА—это штаб пионеров, детей и подростков, которые хотят сделать жизнь на планете счастливой. В него входят 65 детских и юношеских организаций из 50 стран мира. В начале этого года СИМЕА исполнилось двадцать пять лет. Своей главной целью СИМЕА ставит воспитание детей в духе мира и дружбы. Все мероприятия, проведенные комитетом за четверть века, и были подчинены этой цели. СИМЕА стал одним из организаторов Международного детского фестиваля «Пусть всегда будет солнце!» (1977 г.) и Международного года ребенка (1979 г.). Успешно прошли такие международные кампании СИМЕА, как «Нет нейтронной бомбе!», «За счастливое детство в мирном мире», «Дети хотят мира». **А в 1983 году СИМЕА проведет еще одну международную кампанию—«Эстафета мира детских организаций Европы».** В ней примут участие и советские пионеры.

На VI Генеральной Ассамблее СИМЕА в 1982 году была принята Программа действий «В защиту мира и прав ребенка». Программа призывает продолжить совместные действия детей планеты в борьбе:

— за обеспечение во всем мире основного права ребенка—права на жизнь;

— за воспитание юного поколения в духе мира, дружбы, взаимного уважения и сотрудничества.

Советские пионеры активно участвуют в Программе действий «В защиту мира и прав ребенка». Второй год пионерские отряды и дружины идут Пионерским маршем мира. Ребята собирают деньги в Фонд мира, направляют письма-протесты в штаб-квартиру НАТО, устраивают митинги в защиту политзаключенных, против агрессивных происков империалистов на Ближнем Востоке и в Латинской Америке. Миллионы советских пионеров участвовали, например, в операции «Кебрачо», организованной «Пионерской правдой». Советские ребята, верные ленинским заветам быть интернационалистами, с готовностью откликаются на все международные кампании солидарности: давно стало нормой жизни наших детей принимать чужую боль как свою.

Неспокойно сегодня на планете. То и дело силы реакции стремятся развязать термоядерную войну. Но международная солидарность всех людей доброй воли и мощное антивоенное движение заставляют империалистов сдерживаться. И как радостно, что в многомиллионном движении сторонников мира все сильнее звучат детские голоса.

«Вместе—мы сильны! Вместе—мы победим!» Эти слова из популярной песни пионеров Гренады могли бы стать девизом всего союза разноцветных галстуков.

Фотографии Б. ЗАДВИЛЯ, В. КРУПСКОГО.

Владимир ОРЛОВ

Слушайте все!

Слушайте все —
Начинается лето!
Первые горны
Пропели про это.

Первые тапочки,
Кеды, ботинки
Снова топочут
По каждой тропинке.

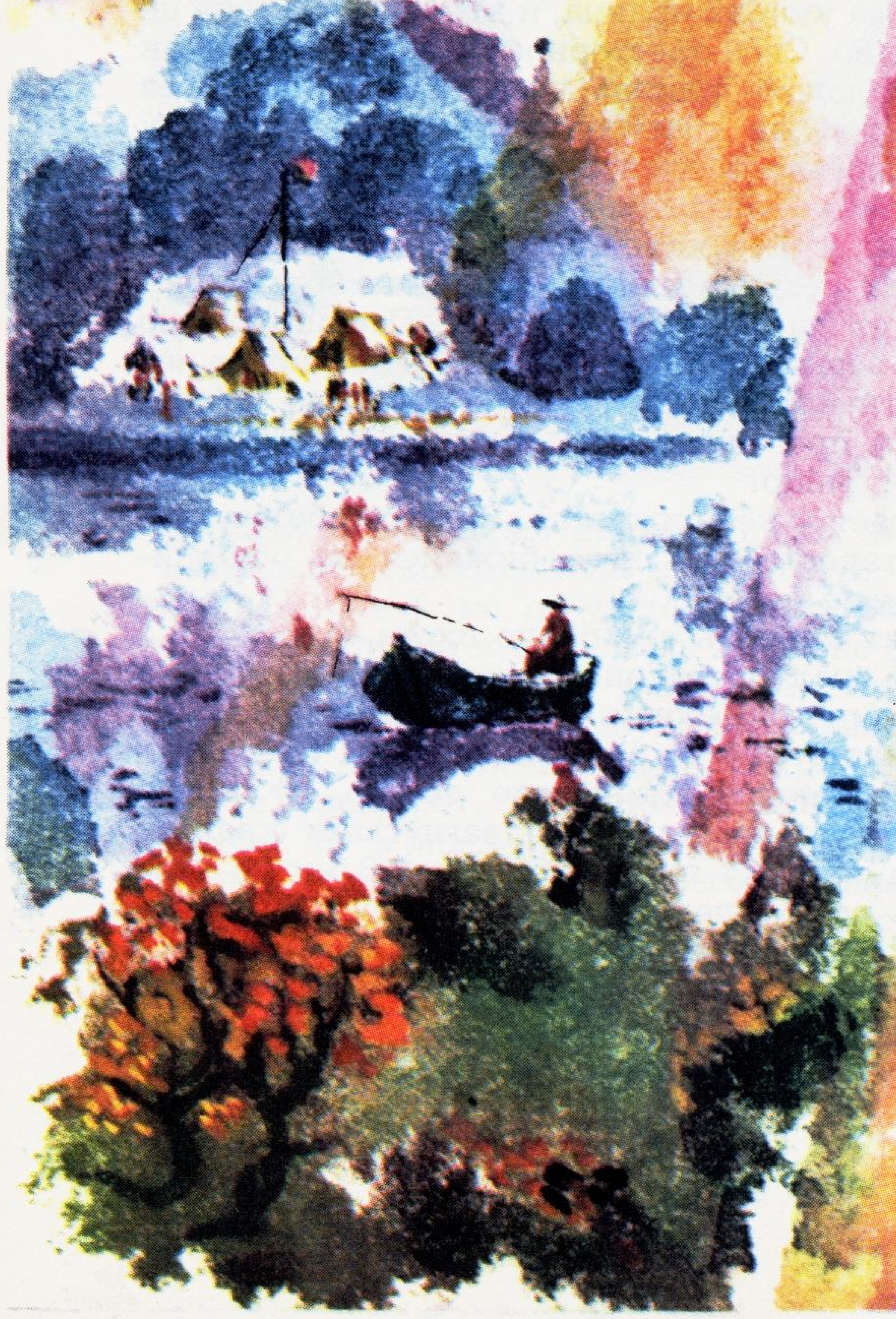
Первые песни
В лесах зазвенели,
Первые брызги
Над речкой взлетели.

Первая грусть
Разбежалась кругами,
Первые письма
Отправлены маме.

Первая помощь
Колхозному саду,
Первая всем благодарность
В награду.

Отдых на воздухе,
Свежее сено...
Здравствуй, веселая
Первая смена!

Первые старты,
Костры и походы!
Первая дружба
На долгие годы!



Зеленый патруль

Стрекочет, лопочет,
Хлопочет июль.
Идет по тропинке
Зеленый патруль.
Шагает вихрастый,
Глазастый народ.
В лесу у народа
Немало забот:
То ветку подвяжет,
То — чье-то крыло,
Расчистит родник
И поднимет стекло,
Погладит березку...
И лес на детей
Глядит из-под добрых,
Дремучих бровей.

Он видит, конечно,
Ребят не впервой.
Он потчует их
Ключевою водой.
То ягоды им
Он осыплет с куста,
То вдруг открывает
Такие места,
Где, может быть,
Сказочной, давней порой
Стучала Яга
Костяною ногой.

А то и не сказку
Поведает им,
Припомнив разрывы,
Осколки и дым.
Расскажет о том,
Как за каждым стволом
Встречали врагов
Беспощадным огнем.
Как раненных в битве
Спасала порой
Трава подорожник,
Трава зверобой.

Усталым бойцам
В партизанскую ночь
Он каждою веткой
Старался помочь.
Его и поныне
Тревожат во сне
Осколки в березе,
Осколки в сосне...

Стрекочет, лопочет,
Хлопочет июль.
Идет по тропинке
Зеленый патруль,
И лес благодарно
Глядит на ребят:
«Хорошие внуки
У старых солдат!»

Под водой

Над речкой —
Небо голубое,
И голубое —
Под водою.

В речной воде
Летают птицы,
И даже бабочка
Кружится.

А ниже облако
Плывет,
Еще пониже —
Самолет.

А ниже всех
С речного донышка
Из-под воды
Сверкает солнышко.

Сидит у речки
Рыбачок
И ловит солнце
На крючок.

Станислав РОМАНОВСКИЙ,
лауреат премии А. П. Гайдара журнала «Пионер»

СЕМЕЙНЫЙ ЭКИПАЖ

ПОВЕСТЬ

Рисунки В. ДУДКИНА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

От Адама

Голос орла-могильника походил на лай собаки:

— Тьяф! Тьяф!

Сам он из-за старости был не темным, а серым, как золой осыпанным, и круглая «шапочка» на темени смотрелась серебряной. Но глаза его по-прежнему наливались янтарным светом, когда орел с немыслимой высоты видел суслика, что таился в ковылях, или выводок утят на степном озере, чьи берега были белы от соли.

Он жил на свете много, много лет[1] и помнил степь нераспаханной, когда там — по брюхо в шелковых травах! — паслись атласно-карие литые лошади, а в их фиолетовых глазах играла воля-волюшка.

Он еще застал то время, когда в округе свистели стрелы, оперенные лебяжьими перьями, и одна стрела вонзилась в ствол одинокой лиственницы, недалеко от гнезда, в котором орел с орлицей жили испокон веков. Помнится, длинная стрела эта долго дрожала, словно озябла, а лиственница сочилась смолой, как плакала, пока железный наконечник не затянуло засмолком, а древко не отвалилось и не рассыпалось в прах.

Тогда много воинов с червонными щитами осталось лежать в степи. Их подобрали друзья и похоронили на кургане... Кроме одного, забытого в полыни. Он лежал лицом вниз в шлеме, в кольчуге, в кожаных рукавицах с металлическими нарукавниками, и орел с орлицей прыгали по нему, пытаясь расклевать стальную оболочку:

— Тьяф! Тьяф!

Все-таки витязь встал, прихрамывая, побрел к реке, отмахиваясь от птиц, захмелевших от красной крови его, что родничками просачивалась сквозь ячеи кольчуги. Он припал к воде, напился досыта, крикнул и не услышал своего голоса:

— Люди-ии!..

Девушка... откуда она взялась?.. в одну руку дала ему пастушеский батог, другую положила себе на спину и повела воина в селение своих отцов. А птицы покружились над живыми и улетели.

Плосколицые бабы-берегини, вырезанные из белого камня, смотрели на живых задумчивыми очами. Время и ветры отшлифовали их щеки и животы до смуглого телесного блеска, и девушка, сгибаясь под тяжестью спутника, говорила им нечто благоговейное, ибо это были могилы ее предков, и просила у них помощи:

— Дайте мне силы до дому его довести.

Покажите мне травы... Полынь?.. Девясил?.. Чернобыльник?.. Кермек?.. Покажите!

Покажите мне травы, чтоб вылечить воина.

Нашепчите мне песню, чтобы присушить его сердце.

По пути витязь то и дело дотрагивался до кожаного кисета на поясе: тут ли он?

— Табак? — спросила девушка.

Раненый ответил по слогам:

— Зер-ныш-ко!

Позднее орел увидел витязя без кольчуги и шлема. В чистой рубахе с закатанными рукавами, с открытой ветру головой он шел за плугом, впряженным в литую карюю лошадь, и пел. А вслед за ним тянулась черная, жирная, в свал полоса земли. Вдоль нее бежали дети, мал мала меньше, и шла женщина.

Как ты переменилась, степь!

Куда-то делись табуны темно-карих лошадей...

Потеснились к обочинам дорог струистые ковыли, полынь и многоглавый воитель-татарник в жестких малиновых башлыках... Вместо них по всей степи встали хлеба, да так плотно, колос к колосу, что не всякая птица-перепел выберется из них на белый свет: запутается в стеблях, и летит старый орел до добычи, зерном вскормленной, росой вспоенной:

— Тьяф! Тьяф!

Сладка добыча, да с годами стала горчить. У старого орла умерла орлица, и вторую семью он не завел: поздно. Свое просторное гнездо из сучьев он уступил молодой орлиной чете, а сам ночует без гнезда на той же лиственнице, поскольку других больших деревьев в степи нет. В ее ветвях, в дуплах и дуплышках гнездится много мелких птиц, и старый орел их не трогает: соседи все-таки. Бывает, он приносит суслика или перепелку птенцам молодой четы, когда родители в отлете. Птенцы охотно принимают приношение и даже требуют еще, а вот родители гневаются, если застают старика за кормлением, и прогоняют его с громкими криками:

— Тьяф! Тьяф!

Он улетает и не обижается. На кого обижаться-то? На старость? На нее обижайся не обижайся — толку не будет.

А внучат нянчить все равно охота.

Старый орел постоянно болеет. Ест он мало, а воды пьет много. Сегодня он полетел было на реку утолить жажду, но до реки не дотянул. Он увидел под собой такыр — глинистую землю, от жары растресканную на плитки с загнутыми краями, словно на плошки или на блюдца. В них с утра собралась роса. Орел опустился перед плошкой и принялся пить, закатывая глаза от старости.

Он не увидел и не услышал, как спереди к нему подошел Нурлан — мальчик лет шести, и стал смотреть, как старая птица пьет росу из глиняной

---

[1] По преданию, степные орлы-могильники живут несколько веков.

плошки. Когда орел близко увидел человека, он несколько сконфузился и ворохнул крыльями, чтобы улететь, но не улетел, потому что человек был без оружия и к тому же не выше его ростом.

Орел разглядывал мальчика, его черные-пречерные глаза под округлыми бровями, загорелые, как в коричневых перчатках, ладони и белые плечи, алый рот, в котором не хватало половины зубов... В черных-пречерных глазах жила Душа мальчика, таинственная и бесстрашная. Это орел понял сразу, что Душа у мальчика бесстрашная, и не потому ли робел перед ним?

А мальчик разглядывал белую, как в муке вываленную, огромную птицу и боялся неосторожным движением или голосом вспугнуть ее.

От орла пахло птичником, который давно не проветривали, и, слыша запах неопрятной от дряхлости птицы, мальчик вежливо чихнул, на что орел несколько подался назад и пробормотал:

— Тьяф...

И глаза у него стали закатываться от старости, уходить под веки, и мальчик, угадывая в нем Душу, таинственную, как у него самого, только натруженную временем, попросил:

— Скажи еще чего-нибудь.

Помолчал и прибавил с мольбой:

— Пожалуйста!

Старый орел понял, чего хочет от него человек. Он и в молодости не был словоохотливым, но умел без слов подолгу беседовать со своими детьми,

поправлять на них перышки, показывать, как вести себя в обществе и разделывать добычу... Сейчас он подбоченился, выпятил грудь, все еще достаточно широкую, вскинул голову, а глаза от воспоминаний налились янтарным светом.

Самое время состояться беседе, но вдруг орел взмахнул крыльями, и, превозмогая боль от резкого движения и почти теряя сознание от этой боли, он поднялся в воздух и полетел: ему почудилось, что по степи идет человек с ружьем.

А мальчик постоял, подождал и, когда орел пропал из вида, побежал вдоль такыров к саду. На бегу он наказывал себе: не забыть во всех подробностях рассказать дедушке про встречу с орлом.

Мальчик был родом из степного поселка, куда в незапамятные времена девушка вывела с поля битвы раненого витязя. В этом поселке, как повсюду на широкой нашей земле, в дружбе и согласии живут и работают русские, украинцы, казахи. Поселок этот зовут Адамовка. Одни говорят: по фамилии известного землемера. Другие: по имени Адам, в древних сказаниях — первого человека на земле...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Дедушка

Дедушка ходит по саду и, качая бритой головой, осматривает груши и яблони. Вообще-то он не дедушка, а прапрадедушка, но так его никто не зовет: очень длинно.

Запыхавшись, Нурлан спрашивает:

— Ты чего делаешь, дедушка?

Пока тот собирается ответить, Нурлан еще спрашивает:

— Меня никто не искал?

И еще:

— Ты поесть не забыл?

— Чай пил,— отвечает дедушка, достает из кармана грушу, носовым платком протирает ее до блеска и подает праправнуку.

— Начальники приходили,— говорит дедушка и надолго замолкает.

Нурлан рассматривает бело-золотую тяжелую грушу, и ноздри его, раздуваясь, слышат ее медовый, как на пасеке, запах. Груша эта прошлогодняя, и, пролежав зиму в соломе, в заветной дедушкиной спрятке, она вылежалась, выспалась, вытомилась и в яркости сохранила все соки степи и солнца, словно только что сорвана с райского дерева. Зажмурившись, мальчик вонзает зубы в сладостную мякоть и слышит несколько нетерпеливый голос дедушки:

— Начальники приходили.

— Большие начальники? — спрашивает Нурлан.

— Очень большие,— качает головой дедушка.

Нурлан съедает грушу и интересуется:

— Строгие начальники?

— Очень строгие,— уважительно говорит дедушка.

— О-о-о,— многозначительно тянет Нурлан в надежде, что у дедушки найдется для него еще одна груша.

Но тот, видимо, забыл о его присутствии. Сучковатыми пальцами старик ощупывает ствол яблони и разговаривает с ней:

— У тебя родители были очень хорошие. А ты в кого уродилась? В этом году опять думаешь прожить без детей?

Нурлан напоминает ему о начальниках:

— Зачем они приходили?

Старик подносит палец к губам, не мешай, мол, разговору, опускается на колени, прикладывает ухо к стволу яблони, и по лицу его невозможно понять, что он там слышит. Потом он поднимается, отряхивает колени от земли и говорит шепотом, словно боится, что яблоня его услышит:

— Я не проклинаю это дерево. Нынче оно принесет много плодов!

Он глядит на праправнука счастливыми глазами и вспоминает начало разговора.

— Начальники приходили и писали на бумаге,— рассказывает дедушка.— Они спрашивали меня: «Ольмэз-ага, будешь продавать народу груши и яблоки?»

«Не буду».

«Почему?»

«Я их буду отдавать бесплатно. Я старый человек и с собой в дорогу ничего не возьму».

«Почему не возьмешь?»

«Там все есть!»

«Ладно ли ты делаешь, Ольмэз-ага? — шибко сердились начальники.— В гражданскую войну тебя ранило на Лысых горах, и ты не ушел из окопов. Разве мы тебя не любим? У совхоза деньги есть, и ему не в убыток заплатить тебе за груши и яблоки».

Я говорю:

«Зачем мне деньги? У меня двое брюк и белья две пары».

«Купишь телевизор!»

А я шибко не люблю, сынок, когда люди ходят по стенам и все трещит... Ох, и строгие начальники!..

Дедушкина избушка в одно окошко обмазана глиной и побелена, как белое облачко посреди сада. Из нее дедушка в свое время наотрез отказался переехать в новые дома с удобствами и жалеет людей, которые не последовали его примеру, и теперь вот «дышат газом».

В избушке душновато. Пол застелен узорными красно-коричневыми коврами, так что половиц нигде не видно. Дедушка снимает ботинки, оставляет их за порожком и жестами велит Нурлану сделать то же самое. Обуви на мальчике нет. Он старательно вытирает босые ступни о порожек и с замиранием проходит вслед за дедушкой.

Избушка дышит недавно протопленной печью и печевом. На предпечье лежит холщовая сумка; на ней вышиты три зеленые птицы, и по очертаниям они образуют чашу тюльпана. Эта сумка — любимица мальчика: в ней он носит домой гостинцы.

Что-то дедушка даст сегодня?

Лицом дедушка показывает на единственную картину в избушке и произносит торжественным шепотом:

— Большой человек!

В застекленной раме изображен золотой полумесяц со звездой и синие причудливые буквы. А больше на картине ничего нет.

— Я его не вижу,— признается Нурлан.

— Не видишь, и не надо,— радуется дедушка.— Его и не надо видеть. Вот здесь по-арабски написано его имя: Магомет[1].

— А его фотокарточка у тебя есть?

Дедушка разводит руками:

— Чего нет, того нет.

— Почему?

— Как бы это тебе объяснить, сынок? — Дедушка

---

[1] Магомет — основатель магометанской религии, живший с 570 по 632 год нашей эры. Его рисованное изображение запрещено мусульманами.

оглядывается и снижает голос до самого тихого шепота:

— Он же большой человек!

Головой дедушка едва не касается потолка, и Нурлан спрашивает с некоторым недоверием:

— Больше тебя?

— Гораздо больше,— улыбается дедушка.

— И больше бригадира Ивана Пантелеевича Семибратова?— не верит Нурлан.— И его жены учительницы Натальи Николаевны?

— Конечно, больше,— отвечает старик.

Огорченный Нурлан отходит к окну. Оттуда тянет полынным ветром. В горячем воздухе, как белая горная вершина, дрожит элеватор на станции Шильда. В обычные дни его не видно, но если погода удается на особицу ясной, он выплывает, как видение.

И Нурлан осененно показывает на него рукой и кричит:

— И даже больше этого элеватора?

Из-под руки дедушка долго смотрит на элеватор, вздыхает и, не говоря ни слова, расставляет на полу, на ковре чайные чашки, сахарницу, белый чайник с алыми розами и мягко спрашивает:

— Ты, сынок, шибко хочешь есть?

— Недавно я хотел есть нешибко...

— А теперь?

— Теперь?..— вздыхает Нурлан.— Теперь, наверное, шибко.

Дедушка достает из печи блюдо с баурсаками — кусочками кислого теста, вареными в бараньем сале, и ставит посреди мазанки. Нурлан не спешит садиться и ждет, когда сядет хозяин.

Наконец дедушка опускается на ковер и кивком разрешает сесть праправнуку. Тот с достоинством устраивается напротив хозяина.

А дедушка кладет ему и себе на колени по белому полотенцу и говорит слабым голосом:

— Видишь ли, сынок, Магомет, конечно, не больше элеватора...

Баурсаки — теплые и непередаваемо вкусные — тают во рту, и Нурлан благодарно кивает.

— Не больше?— спрашивает он с набитым ртом.

— Не больше,— грустно подтверждает дедушка.— Магомет приходил к казахам в юрты, пил с ними чай и говорил о житье-бытье. Если бы он был больше элеватора, он бы не поместился в юрте. У него была жена Хадича...

Дедушка замолкает и настораживается. Нурлан перестает жевать и видит, как наискось через ковер толчками бежит рыжий таракан. Не с первого раза дедушка ловит его двумя пальцами за спину, относит к окну, отпускает в сад и, вернувшись, продолжает разговор:

— У него была жена Хадича, хорошая женщина! Дай бог каждому такую. Когда он очень уставал от работы, она брала его под руку. А если бы он был больше элеватора, какая нужна женщина, чтобы взять мужчину под руку? Таких женщин нет. Теперь он мало что может, а раньше многое мог! Он был, конечно, не больше элеватора.

Последнюю фразу дедушка произносит почему-то очень грустно, задумывается, забывает про чай и про баурсаки, и глаза его смотрят куда-то внутрь себя. Нурлану до слез жалко старика. Он трясет его за плечо.

Дедушка, очнувшись, спрашивает:

— А?..

— Ты ешь и пей, дедушка!— напоминает Нурлан.— У нас нынче дастархан[1].

— Ааа...

— Что же ты ничего не ешь, дедушка?

— Почему не ем? Я ем. Это потому, что ты ко мне пришел!— Дедушка гладит Нурлана по голове. Пальцы у него шероховатые и щекотные.— Вот когда ко мне никто не приходит, я не ем, а только пью чай.

— Почему?

— Почему? Потому что никогда не думал, что столько буду жить. Никто не знает, сколько мне нынче лет. И начальники тоже не знают!

— И ты не знаешь?— спрашивает Нурлан.

— В молодости я знал,— оправдывается дедушка.— А потом сбился со счету. Я пережил столько людей и столько яблонь. Яблоню тоже тяжело переживать, сынок!.. Разве я жалуюсь? Я только почти совсем не сплю. Когда я умру, я отосплюсь...

— Ты не умрешь, дедушка!— как заклинание произносит Нурлан и, наверное, очень громко, потому что старик с недоумением глядит на него.

Губы у Нурлана дрожат. Готовый разрыдаться, он до морщинки на лице, до трещинки на землистых руках, до «солнышек» на ногтях запоминает дедушку, закрывает глаза, открывает и опять запоминает...

И замирает: на порожке стоит мама и держится за сердце.

— Тебе нисколько не стыдно, Нурлан?— тихо выговаривает она.— Из детсада ко мне домой прибежали. «Где ваш сын?» У меня с сердцем стало плохо. А мне еще рано ходить в сердечницах... Ольмэз-ага, ты, наверное, опять говорил с ним о Магомете? Когда ты перестанешь сбивать ребенка с толку?

— Я?— теряется дедушка и полотенцем вытирает бритую голову. На ней крупно, как роса, тут же выступает пот.

— Он все груши и яблоки бесплатно отдает людям!— заступается за дедушку Нурлан и взглядом ищет поддержки у трех зеленых птиц на холщовой сумке.

— Ты впадаешь в детство, Ольмэз-ага,— говорит мама.

— Как?— глотнув, спрашивает старик.

— Так,— жестко отвечает мать, рывком поднимает сына с ковра и, высоко и больно держа за руку, ведет к поселку Адамовке. Мальчик то и дело оборачивается.

Дедушка стоит у калитки и смотрит вслед. Свободной рукой Нурлан украдкой машет ему.

Дедушка машет ответно.

А потом он пропадает из виду.

Под ногами хрустят хрупкие плитки такыра. И только тут Нурлан вспоминает, что он забыл рассказать дедушке о встрече со старым орлом, который пил из глиняной плошки.

Как же это он позабыл-то, а?

Да и была ли эта встреча? Ведь сейчас в глиняных посудинах нет ни капли влаги.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Victoria mea!

Дома мама в ванной в трех водах моет Нурлана и просит:

— Скажи что-нибудь.

Нурлан молчит: ему жалко дедушку.

Мать вытирает сына сухо-насухо и розового, распаренного, завернутого в мохнатое полотенце на

---

[1] Дастархан — праздничный стол.

руках приносит в гостиную, ставит на стул и любуется им, то так, то этак склоняя голову, отягощенную смоляным узлом волос.

А Нурлан хмурится: ему все еще жалко дедушку, и он не знает, что сделать, чтобы хмурость его прошла.

Мать тоже начинает хмуриться — только шутливо, чтобы развеселить сына, и от этого Нурлану становится еще тяжелее.

Он молча переодевается во все новое.

Они идут в школу, где сегодня в актовом зале концерт по случаю окончания учебного года.

В зале молодежь до десяти лет заняла все первые ряды, и ведет она себя пристойно: в поселке все друг друга знают.

Мать посадила Нурлана на первый ряд, поцеловала в макушку и ушла в глубину зала. Ряд был у самой сцены, так что смотреть на нее можно было, только задрав голову. А пока сцена была наглухо задернута занавесом из тяжелого синего бархата.

Нурлан принялся ворочать головой и обнаружил, что сидит он рядом с Богданом — товарищем по старшей группе. От Богдана сильно пахло духами. Выглядел он куда солиднее, чем в обычной жизни, и совершенно не узнавал Нурлана, хотя еще сегодня утром они вместе играли в чижика.

— Богдан, это я,— напомнил ему Нурлан.

Но тот, по-видимому, не расслышал.

Тогда Нурлан повторил громче:

— Я это!

И для доказательства своего бытия дернул Богдана за ухо. На удивление тот опять промолчал и не шелохнулся. Правда, на лице его появилось и пропало сложное выражение, которое можно было понять приблизительно так:

— Неужели и тебя сюда пустили?

Рядом с ним он увидел Светлану, тоже из старшей группы, и в душе Нурлана шевельнулась ревность, да он тут же забыл про нее, когда почувствовал, что занавес перед ним живет своей захватывающей жизнью.

Занавес колыхался, морщился, подрагивал. За ним роились голоса, стучали каблучки, железо брякнуло о железо. Между простенком и занавесом кто-то сделал из бархата окошечко, и оттуда за залом — и за Нурланом тоже! — наблюдал немигающий темный глаз!

Польщенный вниманием, Нурлан выпрямился, открыл рот от изумления.

Глаз исчез, и Нурлан услышал, как Богдан сказал своей соседке:

— Однако сегодня жарко.

Тут занавес задрожал-заерзал и поехал было в разные стороны. Правая сторона его, открывая сцену, уплыла к простенку, а левая, дергаясь, осталась на месте.

Зал засмеялся, и Богдан со Светланой тоже.

А Нурлан — нет.

Кто-то невидимый за сценой, чертыхаясь, дергал левую половину занавеса. Занавес угрожающе потрескивал, а смех в зале нарастал.

Мало-помалу Нурлан стал похохатывать вместе со всеми, и слезы закипели у него под веками, оттого что в душе он осуждает этот смех, а снаружи — смеется.

Обеими руками Нурлан схватился за низ занавеса, изо всех сил потянул его налево. За сценой кто-то невидимый едва не наступил на пальцы мальчика, а занавес, волочась по полу, поплыл влево и повлек за собой Нурлана.

— О-го-го! — закричал мальчик, пытаясь высвободить руки, но занавес проволок его до самого простенка, где малыш, поднатужившись, все-таки выдернул руки из топкого пыльного бархата и вернулся к своему месту.

Место было занято. Там сидела белоголовая девочка лет трех. Она сказала Нурлану:

— Дядя!

Польщенный, он сел, а потом лег на пол, как на ковер во время дастархана, и припоминание дедушки укололо жалостью душу мальчика.

Он посмотрел наверх, и сердце его обмерло от восторга и страха.

Нурлан увидел сцену.

Зал тоже увидел сцену и перестал шуметь. Было слышно, как зрители выравнивают дыхание.

Нурлан во все глаза смотрел на очарованный мир, озаренный прожекторами, где стоял королевский трон, никем не занятый, под большим зеленым деревом. У края сцены возвышался рыцарь в блистающих латах, с мечом и голубым щитом, на котором был изображен красный лев, свободно стоящий на задних лапах.

Лицо рыцаря было бледно от отваги и предчувствий.

— Как бы его не убили,— подумал Нурлан, бледнея, и стал успокаивать себя:

— Если его и убьют, то не по правде, а понарошку.

Однако это мало утешило мальчика. Как было бы хорошо, если бы рыцарь и в конце представления остался жив!..

Под полом что-то шуршало, шелестело и шептало. Это суфлер приставал к благородному рыцарю:

— Иван Пантелеевич, что это с вами? Кого вы стесняетесь? Начинайте! Сколько можно ждать? Вот слова... Повторяйте за мной.

Но рыцарь, наморщив лоб, сам вспомнил слова роли, вскинул левую руку без меча и в совершенной тишине прочитал:

Шелка на дорогу: идет Королева.
Victoria mea! [1]
Народ расступается справа и слева.
Victoria mea!
Веселье и пляски вкруг Майского Древа.
Victoria mea!
Отпито из чаши победного гнева.
Victoria mea!

Он читал раскатистым голосом, и голос его проникал, наверное, в самые дальние комнаты здания и летел по улицам поселка в степь. А из глубины сцены навстречу Нурлану все выбегали и выбегали средневековые люди и выстилали пол ветками карагача и белой акации. Вокруг зеленого дерева кружился хоровод и пел песню.

Какую?..

Сквозняк прошелся под рубахой у Нурлана: эта песня не раз снилась ему во сне! Во сне, как и сейчас, наяву, в ней было много женских голосов; они сплетались, обжигали душу не до ожогов, обнимали ее и уводили в дивные страны; и такая тайна, чистота и упование на счастье жили в этой песне, что когда Нурлан просыпался, то ладошками убирал со щек слезы и напрасно пытался вспомнить ее.

Песня навещала его сны и только сегодня пришла в его явь так ошеломляюще внезапно, что он не успел заплакать.

А из глубины сцены медленно шла королева в голубом платье, шитом серебром, облачно-белых

---

[1] Victoria mea! (*лат.*)— Победа моя! Стихи Елены Чудиновой.

туфлях и золотой короне. Обильные медно-рыжие волосы ее переливались и были в продуманном беспорядке рассыпаны по плечам, а лицо было неизъяснимо прекрасно и печально.

Нурлан лежал на полу, открыв рот, и боялся пропустить хоть одно слово или движение королевы. Он любовался ее осанкой и ее глазами — синими и далекими от этого мира. Не они ли смотрели на зрителей и на него тоже, когда занавес еще не был открыт?

За королевой шел паж в лиловом берете и держал на весу краешек ее шлейфа.

Нурлан позавидовал пажу:

— Почему это не я?..

Слегка повернувшись к Нурлану, но по-прежнему не замечая его, Богдан отозвался о паже:

— Эту роль предлагали мне.

— Да?! — не поверил Нурлан.

— Два! — отрезал Богдан и обратился к Светлане:

— На чем мы остановились?

Королева встала у края сцены и белой ладонью плавно обвела вокруг, ограждая сцену и никого не пуская в ее заповедные пределы, залитые лучами прожекторов.

К королеве подошел человек с засаленной косичкой, подведенными глазами, выщипанными бровями и замысловато поклонился.

— Это заречный посол, — зашептал Богдан. — Меня пробовали на эту роль...

— Не меша-аай,— простонал Нурлан, боясь пропустить хоть миг из роскошного действа.

— Роль очень трудная,— шептал Богдан, но Нурлан ладошками, как наушниками, прикрыл уши с обеих сторон, чтобы слышать только то, что говорят на сцене. Он так смотрел на королеву, что королева почувствовала его взгляд и, выслушивая медоточивые речи заречного посла, милостиво улыбнулась Нурлану.

У него запылали щеки, и он попросил взглядом:

— Ваше королевское величество! Будет свободное время, взгляните на меня еще раз...

Королева больше не смотрела на него. По государственным делам ей надлежало следовать к трону. Она величественно повернулась и — этого не заметил никто, кроме Нурлана! — наступила на край своего платья и, чтобы не упасть, схватилась за верительную грамоту заречного посла, свернутую в трубку и перевязанную шелковым шнурком.

Поскольку грамота должна была быть вручена только во втором действии, посол ни за что не хотел отдавать ее, пока королева не пообещала шепотом:

— Не бойся: я верну...

И с грамотой в руках быстро направилась к трону.

Все было хорошо, да паж забыл поднять шлейф. Конец шлейфа зацепился за сучок на полу. Королеву дернуло назад, она взмахнула руками и чуть-чуть не упала на спину.

— Раззява! — закричал пажу Нурлан, тут же обеими руками зажал себе рот и от страха закрыл глаза. Как он мог в присутствии королевы так выражаться?

Ой, что теперь будет?

Нурлан открыл глаза.

Королева по-прежнему махала руками, чтобы не упасть, а паж не знал, что делать.

Ни секунды не мешкая, Нурлан вскарабкался на сцену, ослепленный прожекторами, отцепил шлейф и, успев показать язык потрясенному пажу, под грохот аплодисментов вернулся на свое место.

Королева уже сидела на троне и, склонив голову, милостиво выслушивала толстого посла в треуголке из войлока.

— Заморский посол,— сказал про него Богдан.— Я просил эту роль, да мне не дали...

Заморский посол оказался веселым человеком. Он сыпал прибаутками, и королева, обмахиваясь веером, смеялась до слез. Посол кончил говорить, а королева, прислушиваясь к себе, все смеялась явно не по роли, и в глазах ее жила скрытая печаль.

Нурлан холодеет:

— Неужели ее убьют? За что?

И утешает себя, как может:

— Ее не за что убивать! Она такая красивая.

Королева успокаивается и опять смеется, откинув голову назад, и Нурлан незаметно для себя начинает смеяться вместе с нею.

Отчего так неистово весела королева? Оттого что дела в королевстве идут отлично? Или оттого, что окончился учебный год, и впереди каникулы для больших и для маленьких? Или еще отчего-то, не постигаемого Нурланом?

Кто знает?

Внезапно королева замолкает, опять прислушивается к себе, и слезы смеха в ее глазах блестят, как слезы печали.

— Неужели ее все-таки убьют? — опять холодеет Нурлан.— Но кто? Как? Надо отвести беду!

На сцену выкатывается пес в овчинном полушубке, вывороченном наизнанку, и лает искусственным басом:

— Гав! Гав!

— Прежде чем сыграть эту роль,— говорит Богдан,— актер три часа просидел в конуре. Чтобы все было по правде...

— Я бы сто часов просидел! — восклицает Нурлан, но восклицает мысленно, чтобы не вступать в лишние разговоры и ничего не пропустить из спектакля.

Между тем на виду у всего зала, но так, чтобы не видела королева, заречный посол сыплет яд в хрустальный бокал с газированной водой и несет его к трону.

Зал замирает.

Слышно, как шипит, пузырясь, вода в бокале.

Позади Нурлана на стуле проснулась и заплакала девочка. Ее взяли на руки и вынесли из зала.

И опять — тишина.

Королева с рассеянной улыбкой принимает бокал из рук заречного посла и собирается пригубить газированную воду. Нурлан непроизвольно вскрикивает:

— Не пейте-ее!..

Королева с укоризной глядит на него. Нурлан поясняет, потупившись:

— Там — яд.

— Не пейте! — кричат из разных мест зала.— Пожалуйста, не пейте!

— Выплесните!

— Пусть сам посол пьет!

— Пусть попробует!

— Отрастил косу-то!..

— Ни стыда, ни совести!..

А Нурлан, Богдан и Светлана скандируют, стоя:

— Не пейте! Не пейте! Не пейте!

Королева колеблется.

Она живет в ином мире, отделенном от этого кромкой сцены, лучами прожекторов, суровой чертой, переступать которую обыкновенный человек не имеет права.

И все-таки королева слышит крики из зала. Но что она может сделать? На сцене женщине надлежит прожить свою судьбу и не перечить ей. Это почему же не перечить? Кажется, сейчас королева выплеснет бокал в лицо отравителя. Зал затихает, и становится слышно, как скандируют послы:

— Пей до дна! Пей до дна! Пей до дна!

Только верный пес предостерегает:

— Гав! Гав!

Медленно-медленно королева выпивает бокал, ставит на поднос, успевает шепнуть слуге: «Не разбей, пожалуйста», белыми пальцами в перстнях расстегивает высокий ворот платья.

— Мне душно,— жалуется она.

Нурлан в ужасе закрывает глаза руками. Он слышит стоны королевы, крики послов, топот ног, властный голос рыцаря, визг собаки и звон стекла. Наверное, разбился вдребезги тот самый хрустальный бокал. Но что значит хрусталь по сравнению с жизнью королевы?

Не отрывая ладоней от глаз, большими пальцами Нурлан затыкает уши, чтобы не только не видеть, но и не слышать всей трагедии.

Щекам и рукам горячо. Это текут слезы.

Но что они изменят?

Он ждет долго-предолго и решается оторвать руки от лица только тогда, когда зал гремит от аплодисментов и топает так, что дрожат половицы.

Посреди сцены стоит живая разрумянившаяся королева, держит за руки заречного и заморского послов. Она кланяется залу, а вместе с нею волнами кланяются-колыхаются остальные артисты.

— Браво! — кричит зал.— Брависсимо!

— Бис!

— Ура-аа!..

Нурлану не верится, что сказка о светлом королевстве уже кончилась и начинается быль степного поселка Адамовки.

Зал долго не отпускает артистов, а после Нурлан бежит за сцену.

К королеве не подойти, не пробиться: ее плотно обступили зрители. Она снимает корону, встряхивает головой, и медно-рыжие обильные волосы ее, осыпанные блестками, как изморозью, рассыпаются по плечам. Королева не видит Нурлана: она отвечает на вопросы зрителей и улыбается измученной улыбкой.

Нурлан знает, что в жизни ее зовут Наталья Николаевна, что она — жена бригадира Ивана Пантелеевича, который на сцене играл средневекового рыцаря, и что она — учительница начальных классов. Через год, когда Нурлану стукнет семь лет, он будет учиться именно у нее в этой школе.

Как долго ждать, пока пройдет этот год!

Если бы кто знал, как долго!..

Дома мать включает телевизор и, взглянув на маленькие плоские фигурки, что с треском мельтешат на экране, выключает его. Она присаживается на краешек кровати сына, сидит молча и перед тем, как идти к себе, наказывает:

— Всегда жалей дедушку, сынок. Я ведь его люблю не меньше тебя. Конечно, он очень старый человек, с предрассудками, и в таком возрасте его вряд ли перевоспитаешь... Но он очень честный, работящий человек! Ты прости меня, сынок, что за руку увела тебя от него... Прости! Я переволновалась оттого, что долго искала тебя. Я же мать!..

— Да,— еле слышно отвечает Нурлан.

— Спать будем?

— Да.

Мать уходит. Прислушиваясь к ее дыханию, Нурлан лежит в темноте и, заложив руки за голову, смотрит в открытое окно на звезды. Они сегодня большие, как очи, и горят низко над самой степью.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Великое Движение

Сидя на вершине пятисотлетней лиственницы, орел-могильник слышит, как из ее корней, припадающих к родникам тысячелетий, проталкиваются и текут светлые соки жизни — по стволу, по ветвям, по малым веточкам, и жажда жизни охватывает его, как приступ радости. Он громко хлопает крыльями, так что они роняют перья, и, озирая окрестности, видит, что в степи затевается Великое Движение.

Оно было и прежде, на заре его юности, когда снимались с якорей, казалось, целые материки: катились тьмы кибиток, покрытых пахучими кошмами; осторожно, словно с завязанными глазами, ступали степенные верблюды; и тьмы и тьмы всадников в бронзовых седлах сходились в сражениях; и сухие травы вспыхивали от искр, что сыпались от сабельных ударов,— вспыхивали и гасли, затоптанные копытами. После сражений оставалась дочерна вытоптанная земля, выстланная телами убитых воинов; и тогда хищные птицы и шакалы отъедались так, что не могли ни летать, ни ходить, а только сидели и грузно отпрыгивали или отползали в сторону, когда, отыскивая сына, мужа или брата, по полю ходили скорбные женщины и заглядывали в лица воинов:

— Он?..

Очнувшись от воспоминаний, на склоне лет орел видит новое Великое Движение, куда более протяжное, чем прежде.

По грудь в колосьях, куда ни взгляни, плывут красные железные кони, грохочущие от страсти, и выстилают степь телами поверженной пшеницы.

Что она им сделала?

За что?..

Старый орел слетает с лиственницы. Он поднимается все выше и выше, туда, где воздух прохладнее и звонче, чтобы увидеть, где нынче кончается Великое Движение. Ведь в былые времена любая битва была обозрима. Надо только подняться как можно выше, и ты увидишь: посреди мира мечется битва, по краям его стелется млечная степь.

А сейчас?

Из-за разреженного воздуха трудно дышать и мутится сознание... Даже в пору своей отчаянной молодости он не забирался так высоко... Внизу повсюду плывут красные кони, и нет им числа и предела. А если с отдыхом полететь в один конец, сколько хватит сил?

Где он, очерченный предел Великого Движения?

Орел не знает, что оно размахнулось от одного соленого океана до другого, и не одолеть ему эти просторы. Орел еще не постиг, что на этой земле выстрадано самое прекрасное, чего достиг Человек за нелегкую историю свою,— сотворение Жизни, сотворение Хлеба.

Ночью Великое Движение не затихает. В темноте храпят железные кони. Светятся их огненные очи, гаснут и опять светятся ярче прежнего. Мучимый стариковской бессонницей, орел срывается с лиственницы и поднимается к звездам, что осыпали небо от росистых хлебов, не тронутых сталью, до вершины небесного купола. Звезды приближаются, крупнеют и перестают моргать. А внизу, теперь уже беззвучные, мигают и переливаются тьмы земных звезд.

Это идет Великое Движение, и красные кони, светом очей своих освещая путь, выстилают степь ворохами хлеба.

Звездное небо и звездная земля смыкаются, как створки раковины. Орел-могильник парит между ними, и холодный огонь касается его крыльев.

— Прежде в ночи горело множество костров,— вспоминает он.— Только я не помню, чтобы верхние огни смыкались с нижними.

Что-то будет дальше?

Пожить-посмотреть.

Одному?!.

Он находит лиственницу и сидит, нахохлившись, пока золотая звенящая корона солнца не поднимается над степью, над Великим Движением, и, осиянные ею, окутанные хлебной горячей пылью, по дорогам бегут голубые тяжеловозы. Они с краями полны крупным, как золотые яйца, снесенные Жар-птицей, зерном пшеницы. Их бег плавен: они боятся обронить хотя бы одно зернышко.

Орел-могильник провожает голубых коней взглядом, а иногда летит за ними, сопровождая до скально-серого огромного зернохранилища, на вершине которого в иную погоду отдыхают облака, ибо нет других вершин в этой ровной, как глинобитный пол, степи.

Он летит и слышит храп железных коней и людские голоса:

— Рыба — вода. Ягода — трава. А хлеб — всему голова!

— Как это писали в старинных книгах? Если зерно пшеничное, упав в землю, не умрет, то останется одно. А если умрет, то принесет много зерен!

— Богатый нынче урожай, что там говорить!

— Убрать бы вовремя.

— Стараемся!

— И мы, и дети наши.

— Что же, на жатве ни один серп лишний не бывает.

— Страда!

Старый орел отстает от разговоров, парит над скошенным полем, а впереди парит его тень. Темная и пушистая, она много моложе орла, и суслики и сурки прячутся в норы, как в бомбоубежища, не подозревая, что старик давно не тот, и летит он не за добычей, а чтобы понять и постичь тайну Великого Движения.

Он тяжело опускается на пшеничный валок и поводит головой в серебряной шапочке. В раскаленном добела небе пустельги трепещут крыльями, как бабочки, и окликают его:

— Кли! Кли!

— Раньше сталью поражали воинов. А теперь сталью срезают стебли. Чего люди находят в них? — думает старый орел.— Стало быть, находят нечто, неведомое мне. Люди никогда ничего не делают зря. Кто-кто, а я-то это знаю.

Крючковатым клювом, истертым до воскового блеска, орел-могильник ворошит пшеничные стебли под ногами. Подсыхающий валок хлеба не сопрел — он пышен и благоухан, и ноздри орла ощущают сухую благодатную прохладу между землей и стеблями, где идет еле уловимый желанный ток воздуха... Раскрыв клюв, орел жадно ловит этот ток и неохотно взлетает, слыша близкий грохот красного коня.

На крупе коня в кибитке, прозрачной, как кокон, орел-могильник видит женщину в рубахе, белой от соли. А рядом с ней — маленький мальчик, тот самый, с которым они когда-то беседовали на такыре.

У этого мальчика в черных глазах живет и никогда не умрет таинственная мудрая Душа.

Плавно набирая высоту, орел с приязнью глядит в эту Душу.

Мальчик машет ему рукой и кричит невыспавшимся голосом:

— Не узнал?.. Здравствуй, приятель!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Пробуждение

С субботы на воскресенье мама взяла Нурлана на полевой стан, а сама уехала на комбайне убирать хлеб, пообещав вернуться засветло.

Мальчик обошел стан и его окрестности: кирпичное здание, где в спальне, как в поезде, койки в два этажа, где жаром пышет кухня, а в столовой повариха Алевтина трижды кормила его. Он навестил артезианский колодец в акациях и баньку-землянку на берегу реки, где на выстывших половицах прыгала лягушка.

Что еще?

Стан обступили некошеные хлеба, еще бронзовато-зеленые, и каждый колос, граненый и неподвижный, окутан туманцем, словно дыханьем своим.

В безветрии слышен негромкий свист:

— Фью... Фью...

Нурлан идет на него. У грядки свежевырытой рыжей земли столбиком стоит суслик и, прижав лапы к песочному брюху, смотрит на солнце.

В круглых выпуклых глазах суслика — тихое изумление, и от изумления он издает зябкий свист:

— Фью... Фью...

Нурлан смотрит на солнце и тоже удивляется ему. Какое оно нынче ярко-желтое, сплюснутое и по краям схваченное румянцем!

— Фьють! — свистит Нурлан в два пальца. Суслик ныряет в нору, скоро высовывает голову, чтобы узнать, кто же это так бойко свистел.

Что за чудо-юдо такое?

Может, собрат? Или дальний родственник?

Но Нурлан уже забыл про зверька. Он бежит на берег реки — поближе разглядеть солнце и постараться задержать его закат.

Как?

Да уговорить его по-доброму. Пусть погостит до приезда мамы.

У кромки обрыва мальчик останавливается и замирает. Внизу лежит просторная вода в окружении камышей и тростников с серебряными бунчуками, и в эту воду, белую с червонными отсветами, загляделось солнышко, готовясь спуститься в камыши, как гладкая золотая утка, и свить из них гнездо.

Нурлан любуется солнышком, когда оно вьет гнездо из камышинок и серых тучек, и забывает уговорить его остаться, пока не приехала мама. Над ним загораются звезды, и самая большая из них светится голубым алмазом с отколотым краешком...

В степи сразу холодеет, и то тут, то там, то далеко, то близко гудят комбайны, и нежно пахнет пшеничной пылью.

Мама, наверное, приехала!

Нурлан бежит мимо артезианского колодца на перекрестье дорог и останавливается. У обочины лежит белый, как камень, череп быка с одним рогом и глядит на мальчика глубокими глазницами.

Нурлан пятится, не разбирая дороги, бежит к стану и попадает в руки матери. Вся она пахнет хлебом, свежестью вечерней степи и, радуясь встрече, высоко подбрасывает сына, так что звезды приближаются к глазам, сбегаются в пучок, а потом рассыпаются в разные стороны. Только одна — синий алмаз с неровными углышками — ныряет было в пшеницу, выныривает и утверждается на небосклоне.

— Солнышко ты мое! — говорит мама сыну и вдыхает его тепло.— Как я по тебе соскучилась! Ты ел?

— Я все время ел!

— Ты устал?

— Я?..

— Ты надышался хлебным воздухом и устал!

— Я?..

Ему почему-то сразу хочется спать. Глаза слипаются, и мальчик, не сопротивляясь и не стыдясь, что всё видят взрослые мужчины, дает маме взять его на руки, отнести на стан, раздеть и уложить на кровать. Рядом мама ставит термос и наказывает:

— Захочешь пить — пей. Отвар шиповника... Я у Алевтины буду ночевать. Спокойной ночи, сынок!

— Угу...

Утопая в прохладных простынях, Нурлан спит и не спит и слышит через дверь, как разговаривают за ужином комбайнеры. Мальчику чрезвычайно нравится раскатистый голос бригадира Ивана Пан-

телеевича Семибратова — средневекового рыцаря, который тогда на школьной сцене приветствовал королеву:

Шелка на дорогу: идет Королева.
Victoria mea!

Сейчас он говорит другие, порой более загадочные слова:

— Этот инкогнито из города так и не показывался?— Или:

— Какой это ремонт? И медведь-костоправ, да самоучка.— Или еще:

— Ох, и не нравится мне барометр! Прыгает, как Брумель...

Слушая его голос, Нурлан с наслаждением думает о королеве и засыпает. Ему снится песня — та самая, которая давно приходит в его сны, и только однажды, тогда, на спектакле, она навестила его наяву и забылась. В ней много женских голосов; они сплетаются, обжигают душу не до ожогов, обнимают ее и уводят в дивные страны...

Сквозь песню он чувствует, как мама поправляет у него подушку, и ему хочется привести маму в свой сон, чтобы и она послушала пение.

Среди ночи Нурлан просыпается, оттого что кто-то сильно кашляет во сне. По кашлю мальчик догадывается, что это приезжий из города. Нурлан вспоминает большую фотографию, настолько

большую, что она не помещается в домашнем альбоме и постоянно выскальзывает на пол.

На ней много народа — выпускников техникума, и лица очень похожи в ожидании птички, которая вот-вот выпорхнет из фотоаппарата. В верхнем ряду девочка с удивленно вздернутой губой — это мама. Она как будто меньше других и мало походит на сегодняшнюю маму, но это все-таки она, на веки вечные оставшаяся в третьем ряду. А рядом с ней — человек с волнистыми, укладкой, волосами и уверенным взглядом. Нурлан знает, что он сватался к маме и готов был ехать с ней на край света. Фамилия этого человека — Руденко. Сейчас он лежит на верхней койке, и его душит кашель.

Нурлан чувствует на себе чей-то взгляд. Это в окно заглядывает луна. У нее застывшая улыбка. Правда, если долго-предолго смотреть на лунную улыбку, луна станет шевелиться и улыбаться поиному, по-всякому.

Кашель наверху утихает. С верхней койки безвольно свешивается большая волосатая рука.

И луна, и рука кажутся Нурлану очень страшными. Он хочет закричать «Мама!», но кругом все дышат медленно, спокойно, без храпа, и, подлаживаясь под дыхание взрослых, человек засыпает.

Он просыпается в совершенной тишине. Все постели смяты и пусты. В спальне никого нет. В окне несутся черные, как уголь, тучи, подсвеченные снизу угарным огнем.

Луна или пожар?

Из двери проникает узкий, как лезвие, луч света и доносятся голоса.

Покачиваясь ото сна, Нурлан идет к лучу и видит в столовой за столом незнакомого человека в мокрой кожаной фуражке. Кто он, откуда, как его фамилия, Нурлан не знает. Перед ним бутылка бордового вина и два стакана.

— Алевтина, посиди со мной! — обращается незнакомец в пустое раздаточное окошко.

Оттуда слышится сердитый голос поварихи:

— Ты нынче не больно умный.

— Посиди: умный буду,— обещает незнакомец.

— Не будешь,— отрезает повариха.

— Это п-почему? — обижается незнакомец.

— Люди в ночь по тревоге пошли работать. Руденко — инженер... простуженный!.. поехал хлеб убирать. Тоже из города... А ты лодырничаешь, еще ни одного зернышка не поднял! Знаешь, как тебя главный назвал?

— Как? — настораживается человек.

— Инкогнито. А я бы тебя еще не так назвала!

— Как?!.

Дальше Нурлан не слушает — он видит термос, забытый у кровати. Мама в спешке забыла взять его на ночную жатву.

Термос с горячим отваром шиповника!

Один на двоих. Другого у нас нет.

Мамочка, ну что же это ты, а?

Разве так можно!..

Одевшись, Нурлан взваливает термос на плечо, словно снаряд, выходит в столовую и хочет тихонько проскользнуть мимо Инкогнито. Однако Инкогнито замечает его и, показывая пальцем на раздаточное окошко, спрашивает про повариху:

— Ее Алей или Аней зовут?..

Не отвечая, Нурлан выбегает на волю. Ветром его больно толкает в грудь и едва не сбивает с ног. Он бежит в затишье, за торец здания, и, отдышавшись, прислушивается.

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Конь

Однажды, когда мы с сестрой пришли домой, я увидела: около нашего дома пасется какой-то конь. Папа объяснил, что этого коня нам дал совхоз и вместе с ним все лето мы будем пасти совхозных телок.

Коня звали Орел. Я научилась хорошо на нем ездить. И по вечерам пасла телок. В хлев мы загоняли их ночью. Я, сидя на коне, часто смотрела на звезды. Несколько раз мы с папой видели, как звезды падают.

Я очень привыкла к Орлу. Когда мама приносила что-нибудь вкусное — конфеты, абрикосы, печенье, арбузы,— я обязательно половину давала Орлу. Он ел, а я гладила его по носу. И Орел громко фыркал.

Конь очень любил хлеб. Однажды я сидела на качелях и дремала, а в руках у меня была буханка хлеба. Сквозь дрему я слышала какое-то чмоканье. Когда я открыла глаза, то увидела, что рядом стоит Орел, а в руках у меня осталось полбуханки.

Я очень люблю коней и лето.

Надя ПУЧКОРЮТЕ,
г. Калининград.

Мама, папа, шесть сестер и я — дружная семья

Часто я слышу от своих одноклассников, что им неинтересно и скучно справлять праздники в своих семьях. А я хочу рассказать о праздниках в нашей семье.

У мамы и папы нас семеро дочерей. Самой старшей, Люде, двадцать один год, а младшей, Женьке,— три года. На Новый год, седьмое ноября, Первое мая мы стараемся собраться все вместе. Мы с Любой и Ирой показываем концерты и спектакли. Жанна надевает самодельную чалму и на несколько минут превращается в факира. Люда и Оля играют на пианино. А на Новый год они становятся Дедом Морозом и Снегурочкой. Однажды, когда Люда играла роль Деда Мороза и сорвала с себя бороду, наша самая младшая сестра Женька была так поражена, что спросила: «Дед Мороз, а ты настоящая Люда?»

После выступлений Оля и Жанна приносят из кухни сладкий «сюрприз» — торт. Он бывает большой и очень красивый.

Не обходится ни один праздник и без подарков. Но мы никогда не просим денег на них у родителей. Сами делаем. Жанна шьет фартуки, вяжет носки. Я сочиняю слова, Оля — музыку. И мы дарим песню маме, папе и сестрам.

Вечером Оля берет гитару и запевает русские и украинские народные песни. А мы подхватываем песню. Только маленькая Женька внимательно слушает и молчит.

И я думаю: «Разве праздники в нашей семье можно назвать скучными?»

Таня ИЛЬИНА,
с. Юца, Ставропольский край.

Давид САМОЙЛОВ

«Стих надо холить и лелеять...»

Михаилу Светлову было четырнадцать лет, когда произошла Октябрьская революция. Его юность совпала с героическими и тяжкими годами гражданской войны. Он принадлежал к первому поколению комсомольцев.

Тогда люди рано определяли свое призвание. Светлов рано стал писать и печатать стихи. Его имя зазвучало среди имен комсомольских поэтов — была тогда, в двадцатые годы, такая молодая и шумная ватага.

Михаил Светлов создал многие известные стихи — «Рабфаковка», «Песня о Каховке», «Итальянец». Но самым знаменитым стало стихотворение «Гренада». Я не стану его пересказывать, потому что вообще хорошие стихи пропадают в пересказе. К тому же «Гренаду» знают почти все. А кто не знает, должен прочитать. Стихотворение это замечательно своей простотой, задушевностью, песенностью. Оно, кстати, и положено на музыку. Но одних этих качеств было бы мало. В «Гренаде» глубоко запечатлелись черты незабываемого времени, когда люди нашей Родины воевали за права простых людей всего мира. Она оттого и сохранилась надолго, что люди бескорыстные, с высокими стремлениями не перевелись и никогда не переведутся.

Поэт, написавший стихотворение, не всегда сам его может оценить. Многие склонны любоваться даже слабыми своими созданиями. Не таков был Светлов. Он был скромен. Он сперва и не понял, что написал замечательное стихотворение.

«Гренаду» открыл Владимир Маяковский, найдя ее на страницах газеты. И на ближайшем своем выступлении впервые прочел с эстрады. А читал он превосходно. Так началась слава «Гренады».

Если знать несколько стихотворений Михаила Светлова, потом легко отличить его стихи от других, как отличают один голос от другого. Это называется — иметь свой поэтический голос, свою интонацию. Обладают этим свойством только незаурядные поэты.

Михаил Аркадьевич по виду был человек глубоко штатский: худой, сутуловатый, без выправки. Но он был храбрым воином. Он прошел всю войну армейским журналистом и, как говорят его однополчане, в трудных обстоятельствах, частых на фронте, сохранял присутствие духа, выдержку и чувство юмора.

Его отличали доброта к людям, щедрость, приветливость, доброжелательность. И людей тянуло к нему. Простота его обращения, мягкость, доступность иногда сбивали с толку не очень умных, но самоуверенных знакомцев.

Однажды некий молодой человек разбежался к нему в Доме литераторов.

— Здравствуй, Миша! — издали закричал он, готовый броситься на шею Светлову.

— Знаешь что, старик, — отстраняясь, сказал Светлов. — Ты со мной не церемонься. Называй меня просто: Михаил Аркадьевич.

Фамильярный молодой человек ретировался.

Светлов обладал неповторимым чувством юмора и высоко ценил это свойство в других людях. Люди без юмора около него не удерживались.

Он острил часто и с удовольствием. Его меткие слова запоминались, расходились, записывались и сохранялись во многих воспоминаниях о поэте. Есть целая книжка художника Игина, его друга, посвященная юмору Светлова.

Светлов умел быть строгим, но чаще был снисходителен. Ему часто читали стихи, хотели узнать мнение. Он слушал внимательно. И если ему не нравилось, никогда не обижал автора резкой оценкой. Старался отделаться шуткой. А если понравилось, не произносил громких похвал, а коротко, с особенной расстановкой говорил: «Ни-че-го!» Это была высокая похвала.

Светлов умел дружить. С ним хотели дружить многие. Но он умел выбирать друзей, чем-то похожих на него: добротой, чувством юмора.

Светлов был не из тех, кто пишет много. Стихи свои, песни, пьесы он долго вынашивал, искал слово, интонацию, образ.

— Стих надо холить и лелеять, ухаживать за ним, — говорил он.

В этом году Михаилу Аркадьевичу было бы восемьдесят лет. Он умер почти двадцать лет назад.

Все, кто знал его, — помнят. И, собираясь, часто вспоминают легенды о Светлове, его рассказы, его остроты. Он как будто присутствует среди нас.

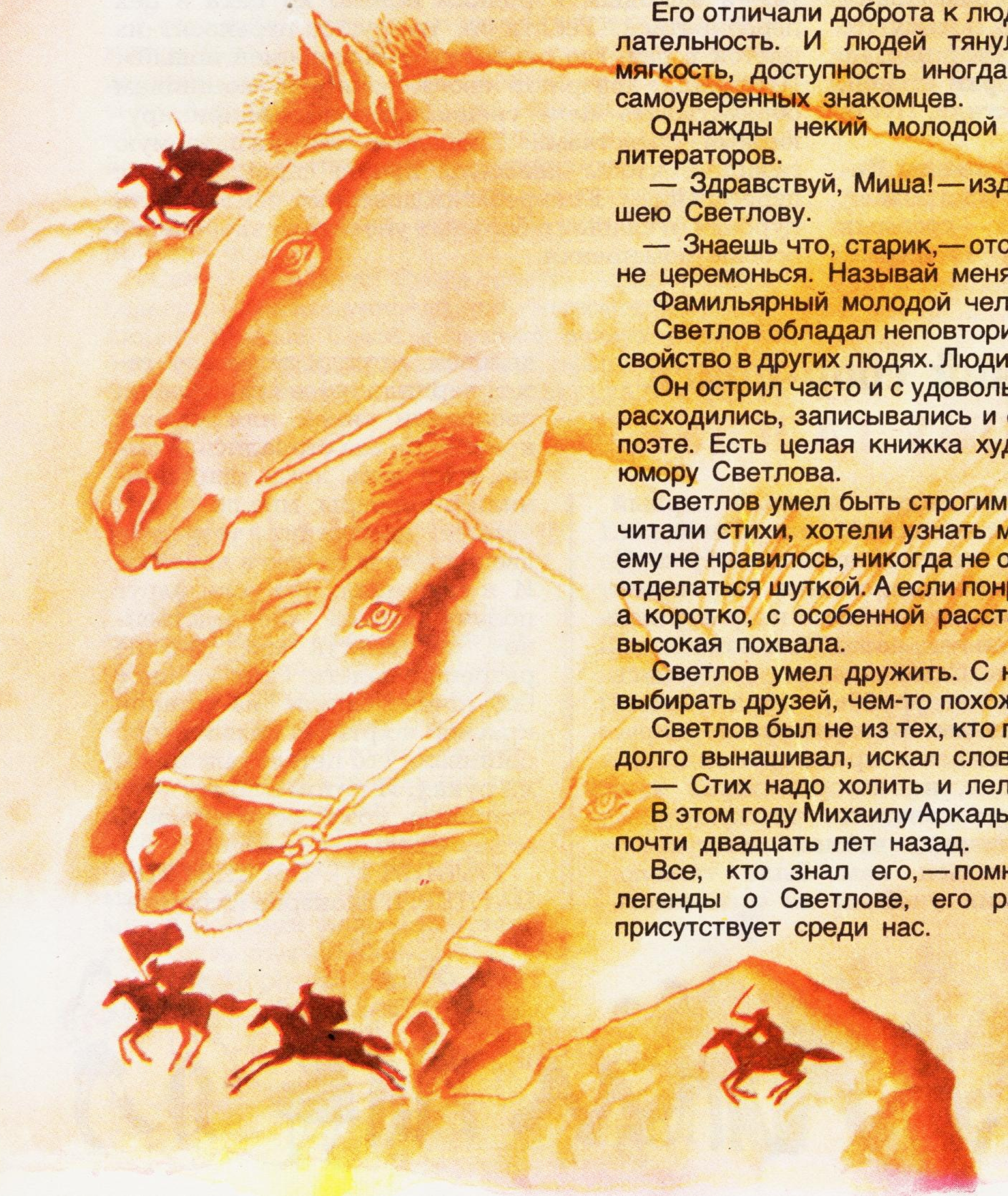


Рисунок А. БОРИСОВА.

Фотография Н. КОЧНЕВА.

ОТРЯД ГОВОРИТ С ОТРЯДОМ

ДЕЛО, КОТОРЫМ МОЖНО ГОРДИТЬСЯ

Помогите ребятам создать ПИОНЕРСКУЮ БИОГРАФИЮ СЕМЬИ

Есть у твоего отряда дело, которым можно гордиться? — спросили мы у ребят в 1-м номере журнала. И рассказали о том, как помогают взрослым выполнять Продовольственную программу пионеры Стрижевской восьмилетней школы Житомирской области. Они создали свою крольчеферму и выращивают кроликов.

Летом, когда у ребят времени побольше, а привычных школьных дел поменьше, можно помочь на полях и фермах. Тем более наукой совершенно точно установлено, что человек лучше всего отдыхает, когда меняет, чередует свои занятия.

ИЛЬЯ ВАСИЛЬЕВ из г. Чебоксары Чувашской АССР написал нам, что он с товарищами обсуждал опыт ребят из Стрижевской школы, и им тоже захотелось сделать что-то такое, чем можно было бы гордиться. И они посадили около школы деревья и стали за ними ухаживать, выращивать их. А потом создали команду, которая принялась охранять парк и лес. «Каждое воскресенье,— пишет Илья,— я хожу с друзьями в лес, и мы решили его защищать. Лес тоже помощник урожаю. И лес сохраняет людям здоровье. Не все это понимают. Однажды мы пошли в лес за грибами и увидели мальчишек, которые разрушали норку. Мы сказали им, что никому не нравится, когда разрушают его дом. И природе это тоже не нравится, потому что в природе одно с другим связано. Они нас не слушали. Тогда мы встали вокруг норки стеной, взялись крепко за руки и их не пропустили. Пусть лесу хорошо живется».

ОЛЯ ЯНКУН из Далекской средней школы Витебской области Белорусской ССР рассказывает, что в их школе все пионеры четвертых — восьмых классов, родители которых трудятся на ферме, создали животноводческую бригаду. Пионерская бригада согласна выполнять любую работу, которая ребятам по силам, а колхозу имени Ворошилова на пользу. В бригаде — пять звеньев, звенья соревнуются и от этого работают еще лучше.

ТАМАРА НАУМЕНКО из села Лемеши Черниговской области Украинской ССР так рассуждает: «Летом у наших родителей работы хоть отбавляй, кто же им поможет, если не мы?» Пионеры села Лемеши и на ферме помогают, и в поле, и в саду. И яблоки собирают, и свеклу, и початки кукурузы, и овощи в теплице. Но пока до сбора урожая дойдет черед, еще и потрудиться приходится до пота, пропалывая, да окучивая, да выхаживая. Рассказывают, что Света Горбач, председатель совета дружины, так сказала однажды: «Растем мы медленно, а руки наши нужны уже сегодня. Продовольственную программу сегодня надо выполнять. А поля у нас вон какие огромные!»

СВЕТА ФРАНКО, председатель совета дружины 2-й средней школы Кенгирского опытного хозяйства Джезказганской области Казахской ССР, ведет экскурсии по птицефабрике. Она говорит, что взрослые призывают ребят, когда нужно тепло человеческих рук. «Пусть всюду механизация, автоматизация и организация,— поясняет Света,— а молодым курочкам боязно из цеха в цех перебираться. Ребята их на руках переносят из клеток в цех, где режим другой и рацион новый». Птичницы доверяют своим юным помощникам обрабатывать цеха специальными дезинфицирующими средствами, проводить так называемую газацию, чтобы новоселы лучше справлялись с переселением. Еще ребятам доверяют осматривать курочек и слабых и больных уносить от здоровых в особые помещения.

Всесоюзный пионерский сбор-поиск «ВЕРНОСТЬ КРАСНОМУ ГАЛСТУКУ»

Мы, пионеры 7«а» класса 264-й школы г. Ленинграда, прочитали обращение «Пионера» и решили принять участие во Всесоюзном пионерском сборе-поиске «Верность красному галстуку». Мы записали ПИОНЕРСКИЕ БИОГРАФИИ НАШИХ РОДИТЕЛЕЙ и сделали альбом. Для будущего музея. Посылаем вам самые интересные рассказы.

ГАЛИНА ФЕДОРОВНА БАРАНОВА: Я стала пионеркой в 1946 году. Тяжелый первый послевоенный год. Голодали. Не хватало одежды, обуви. И нам тогда хотелось бы учиться музыке, кататься на фигурных коньках, но не было возможности. Сами пионеры оставались после уроков, придумывали разные физкультурные пирамиды, а в праздники под гармонь, на которой играл наш преподаватель физкультуры, инвалид войны, выступали. Учиться нам было тяжело. Один учебник на пять-шесть человек, тетради делали из газет, чернила готовили из сажи, добавляли синей или черной краски. Но мы старались. Помню, в тот день, когда меня приняли в пионеры, мне подарили четыре настоящих тетрадки, две в клеточку и две в линейку. И я подумала, что если вдруг получу теперь «посредственно», то галстук мне уже не разрешат надеть. Галстук мы с бабушкой сшили из старой красной кофты. И целый вечер обшивали его петельным швом на руках. И потом всю жизнь я старалась сохранять верность этому красному галстуку.

ГАЛИНА ЕВГЕНЬЕВНА ВАГНЕР: Я пионерка пятидеся-

Расскажите, чему научила ВАС пионерская организация.

тых. У нас был очень дружный отряд. Все время мы проводили вместе. Учили много стихов. Ставили спектакли. В живом уголке у нас жили морские свинки и кролики, мы за ними ухаживали. На пришкольном участке работали с ранней весны до глубокой осени. Под руководством учителя ботаники выращивали цветы и яблони разных сортов. Занимались гимнастикой и акробатикой. Выпускали газеты, фотомонтажи к праздникам. Вели пионерский дневник. Я мечтала тогда о шелковом пионерском галстуке, но так и проходила все пионерские годы в стареньком сатиновом, доставшемся мне от сестры. Концы его вечно закручивались в трубочку, но я помню его всю жизнь. До сих пор переписываюсь и встречаюсь с друзьями по отряду, и всегда у нас есть что вспомнить.

НАТАЛЬЯ ВЕНИАМИНОВНА БАБАШКИНА: Меня принимали в пионеры в день рождения В. И. Ленина — 22 апреля 1956 года. Это был солнечный счастливый день, и я на всю жизнь запомнила, как мы шли из школы пешком по улицам к Дворцу пионеров. Помню наши спортивные соревнования, которые проводились в ЦПКиО. Помню, как осенью и весной ездили мы всем отрядом на юннатскую станцию в Озерки, ухаживали за кроликами, выращивали цветы. Я часто болела, пионеры нашего отряда помогали мне не отставать в учебе. Мы везде и всегда были вместе. Собирали металлолом, озеленяли город, сажали деревья в Таврическом и Михайловском садах. Ходили в кино, в музеи, в театр, а какие новогодние праздники устраивали! У нас был свой КИД. Я переписывалась с девочкой из Венгрии, а профессор Погодин, дедушка нашей пионерки Вики Погодиной, учил нас иностранному языку... Вместе с Верой Бурденко мы были делегатами городского слета, который проходил в Смольном. Мне особенно запомнилось, как весь зал стоя пел нашу любимую пионерскую песню «Взвейтесь кострами». Я люблю ее до сих пор.

ОТ РЕДАКЦИИ: «Пионер» благодарит вас, ребята 7 «а»! Вы записали прекрасные пионерские биографии своих родных, интересно начали создавать музей пионерской славы. Теперь вам остается попросить своих родных и близких стать старшими друзьями вашего отряда, привести их в отряд.

ЕЩЕ РАЗ обращаемся и ко всем взрослым, пионерам прошлых лет! ПОМОГИТЕ РЕБЯТАМ СОЗДАТЬ ПИОНЕРСКУЮ БИОГРАФИЮ СЕМЬИ, РАССКАЖИТЕ, ЧЕМУ НАУЧИЛА ВАС ПИОНЕРСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ, ОРГАНИЗУЙТЕ ВМЕСТЕ СО СВОИМИ ДЕТЬМИ ОБЩИЕ ДЕЛА и напишите нам об этом.

Всесоюзный сбор-поиск «ВЕРНОСТЬ КРАСНОМУ ГАЛСТУКУ» посвящается 60-летию присвоения пионерской организации имени В. И. Ленина.

Расскажите нам о мужественных поступках будней, которые сродни подвигу.

ПОСТУПОК

Когда приходит лето, и взрослые, и ребята стремятся быть у воды. И порой до такой степени вдохновляются, что ничего вокруг себя не видят. В селе Айрум ребята забыли, что их река Дебед «бешеная». Прыгали в холодные волны и плавали **без памяти.** Я специально подчеркиваю эти слова, потому что не помнили ребята, как страшен водоворот Дебеда и в этих местах нельзя купаться. И пришла беда.

«Света! Помогите! Света тонет!» — закричали на берегу. И тут все увидели, как беспомощно размахивает руками Света и хватает воздух ртом. Ни секунды не раздумывая, Эмма прыгнула в воду. Эмма с силой схватила Свету, толкнула ее к берегу. Все начали суетиться вокруг Светы и не заметили, что начала тонуть Эмма. Разъяренный водоворот набросился на Эмму и схватил ее в свои лапы.

Говорят о подвигах на войне, но и в мирное время красивые люди совершают подвиги. Эмме было всего 14 лет...

Анаида Хачикян, г. Кировакан.

ОТ РЕДАКЦИИ: Дорогие читатели «Пионера»! Думали вы когда-нибудь о том, что красивые люди, настоящие люди и в простой, самый мирный и будничный день живут мужественно и гордо, совершая сбой жизненный подвиг? Расскажите нам о мужественных поступках будней, которые сродни подвигу. О мужестве тех людей, которым удается преодолеть жизненные трудности, победить самих себя. Ждем писем!

КАК НАМ БЫТЬ?

«КАК МНЕ БЫТЬ? — спрашивает Вика З. (фамилии своей она не написала) из г. Дергачи, Харьковской области.— Сейчас каникулы, но у меня почему-то все равно ни на что не хватает времени. Ни на чтение книг, ни на домашнюю работу. Занимаюсь баскетболом, а заниматься прыжками так хочется, но времени не хватает. Что же это? А мне в восьмом классе хочется еще быть отличницей».

Света Морозова из г. Барнаула Алтайского края ОТВЕЧАЕТ: «Нет времени? Как часто произносим мы эти слова и убеждаем себя, убаюкиваем — времени действительно нет. Надо освободиться от магического действия этих слов. Сказать себе: «Неужели и вправду у меня нет времени?» и хорошо продумать, что ты хочешь сделать, и взвесить, сколько на каждое дело точно нужно часов или секунд, и все распланировать. Конечно, это сложная задача, но, когда привыкнешь, все будет получаться. Если не верите, проверьте сами. И сразу почувствуете облегчение. Как приятно самому чувствовать себя точным и обязательным человеком и как приятно другим иметь дело с обязательными людьми, которые не опаздывают, все делают в срок, не подведут».

Татьяна КОТЕНЕВА

МЫ ЕДЕМ по БАМу

Репортаж в стихах и прозе

Все в этой поездке было необычно: и маршрут, и транспорт, и путешественники. Нам предстояло побывать в краях, которые до недавнего времени были пустынными и дикими. От ближайшего большого города — Комсомольска-на-Амуре — их отделяло полтысячи километров...

Но вот несколько лет назад пришли сюда люди. Они приехали из разных уголков страны — из Таджикистана и Поволжья, из Молдавии и с Украины. Здесь, среди сопок и болот, на вечной мерзлоте, им предстояло проложить часть огромной трассы, которую назвали **восточным участком Байкало-Амурской магистрали.** Именно здесь и пролегал наш маршрут.

В Ургале и Алонке

Сегодня Восточный БАМ уже существует, по нему идут поезда. А вдоль всей трассы стоят построенные бамовцами поселки — красивые и разные. Разные, потому что строителям предстоит теперь здесь жить и работать, и, конечно, им очень хочется, чтобы в этих суровых краях, далеко-далеко от родных мест, все было как дома.

Тысячи и тысячи километров лежат между Украиной и таежным поселком Ургал. Но вот идешь по улицам Ургала и сразу видишь — здесь живут украинцы. Обычные многоэтажные дома, которые есть почти в каждом городе, украшены здесь национальными орнаментами. И улицы выглядят нарядными и чуточку южными. Школа в Ургале — одна из самых больших на Восточном БАМе. В ней учатся не только ребята-ургальцы, но и старшеклассники из маленьких поселков, расположенных вдоль трассы. Ребята и живут в интернате при школе. Здания интерната и школы, оранжерея и бассейн образуют целый школьный городок, красивый и удобный. Особенно понравился мне бассейн, даже стихи о нем захотелось написать.

Заплыв

Я волновался. Я не спал.
Не ел, хоть папа и пугал,
Что нет на мне лица.
Соревнования у нас:
Заплыв,
сто метров стилем брасс,
За званье лучшего пловца
На станции Ургал.

И я за свой четвертый класс
Плыву сегодня в первый раз.
Но это не беда.
Беда в другом:
я стилем брасс
Не плавал никогда.

Плыву и слышу шум и свист.
Мне все кричат: «Эй ты, брассист!
Что ж ты все время отстаешь?
Где твой азарт спортивный?

Как сонный хариус плывешь.
Смотреть и то противно!»

Совсем я выбился из сил.
Решил тонуть. И вдруг... приплыл.
А тренер, поздравляя нас,
Сказал: «Пусть это был не брасс,
Но все вы молодцы.
Никто заплыв не проиграл.
Вы — настоящие борцы.
И все вы — лучшие пловцы
На станции Ургал».

А в молдавском поселке Алонка, неподалеку от школы, недавно построили необычный детский сад. Посмотришь на него, и весело становится — «пряничный домик»! Окна блестят, как леденцы, на крыше — башенки. Но домик только кажется игрушечным. На самом деле стены отнюдь не пряничные, а толстые, кирпичные, в «леденцовых» окнах — тройные рамы, пол в комнате с подогревом. Иначе нельзя, пятидесятиградусные морозы в здешних местах — обычное явление. И все же, несмотря на суровый климат, молдаване не чувствуют себя здесь оторванными от родных мест. Республика помогает им и заботится о них.

Посылки в Алонку

Алло — алло! Алонка!
Алонка! Я — Молдова!
Алло — алло! Алонка!
Ответьте Кишиневу.

У нас весна!
Встречаем март
Веселый и пригожий!
Вы семь часов тому назад
Его встречали тоже?
Пускай у вас растает снег
Еще не очень скоро,
Мы поздравляем всех, всех, всех!
И шлем вам мэрцишоры![1]

Алло — алло! Алонка!
Таежная сторонка!
У нас богатый урожай,
Мы поделиться рады.
Давай, Алонка, принимай
Вагоны с виноградом.

Алло — алло! Алонка!
Вы слышите, Алонка?
Вам выслали овчины
На шубы и дубленки.
Мы верим, будет вам тепло
В любой мороз суровый.
Желаем счастья вам! Алло!
Алонка! Я — Молдова!

Когда мы приехали в Алонку, на дворе стоял сентябрь, самый «фруктовый» месяц в году. И так же, как в Москве, Кишиневе или Киеве, здесь повсюду

[1] Мэрцишоры — маленький букетик цветов, нарядная ленточка, которые прикалываются к воротнику в первые весенние дни.

продавали виноград. Не только в Алонке, но и в Ургале, в Солони, в Джамку... Всем хватило молдавского винограда.

Красный эшелон

Мы были на Восточном БАМе, когда пассажирское движение еще не было открыто. Исключение сделали только для нашего поезда, потому что это был действительно необыкновенный поезд. Издали он похож на колонну праздничных флагов: семь ярко-красных вагонов с лозунгами и эмблемами на алых боках. Так выглядит агитпоезд ЦК ВЛКСМ «Комсомольская правда».

Агитпоезд... В самом звучании этого слова — музыка далеких и славных лет. «Комсомол», «буденовка», «агитпоезд» — слова-ровесники, слова, рожденные в первые годы Советской власти.

Самый первый агитпоезд был создан по указанию Владимира Ильича Ленина в 1919 году и назывался «Октябрьская революция». Руководил им бессменно Михаил Иванович Калинин. В районах, только что освобожденных от белогвардейцев, Михаил Иванович выступал на митингах и рабочих собраниях, рассказывал о ленинских Декретах, помогал устанавливать Советскую власть.

Конечно, у агитпоезда «Комсомольская правда» совсем другая судьба. Его ждут в далеких бамовских поселках — там, где люди живут совсем недавно, где нет еще ни музеев, ни театров, да и кинотеатров пока не так уж много. В эти края мчится агитпоезд и везет с собой все самое новое, самое лучшее, чем богата культурная жизнь страны.

Мы ехали по трассе, когда строители готовили к сдаче последние триста километров железнодорожного пути. На каждой станции нас встречало традиционное табло: «ДО ПУСКА — 42 ДНЯ», «ДО ПУСКА — 40 ДНЕЙ»...

В каждом поселке люди радовались агитпоезду, как старому доброму другу. Эти алые вагоны каждый бамовец видел уже не раз, и даже дети знали: пришел агитпоезд, значит, будут концерты, лекции, встречи, выступления...

Все хотели побывать на концерте, и не раз случалось, что он шел поздно ночью, когда освобождались после смены строители...

Второй концерт

Клуб для поселка слишком мал.
Он не вмещает всех.
Идет концерт. И полон зал,
Как осенью орех.
Аплодисментами певца
Встречают в тесном зале.
А полпоселка у крыльца
Вздыхает: «Не попали».
Здесь новый клуб наверняка
Построят скоро. А пока...
Да что там долго говорить,
Концерт решили повторить.

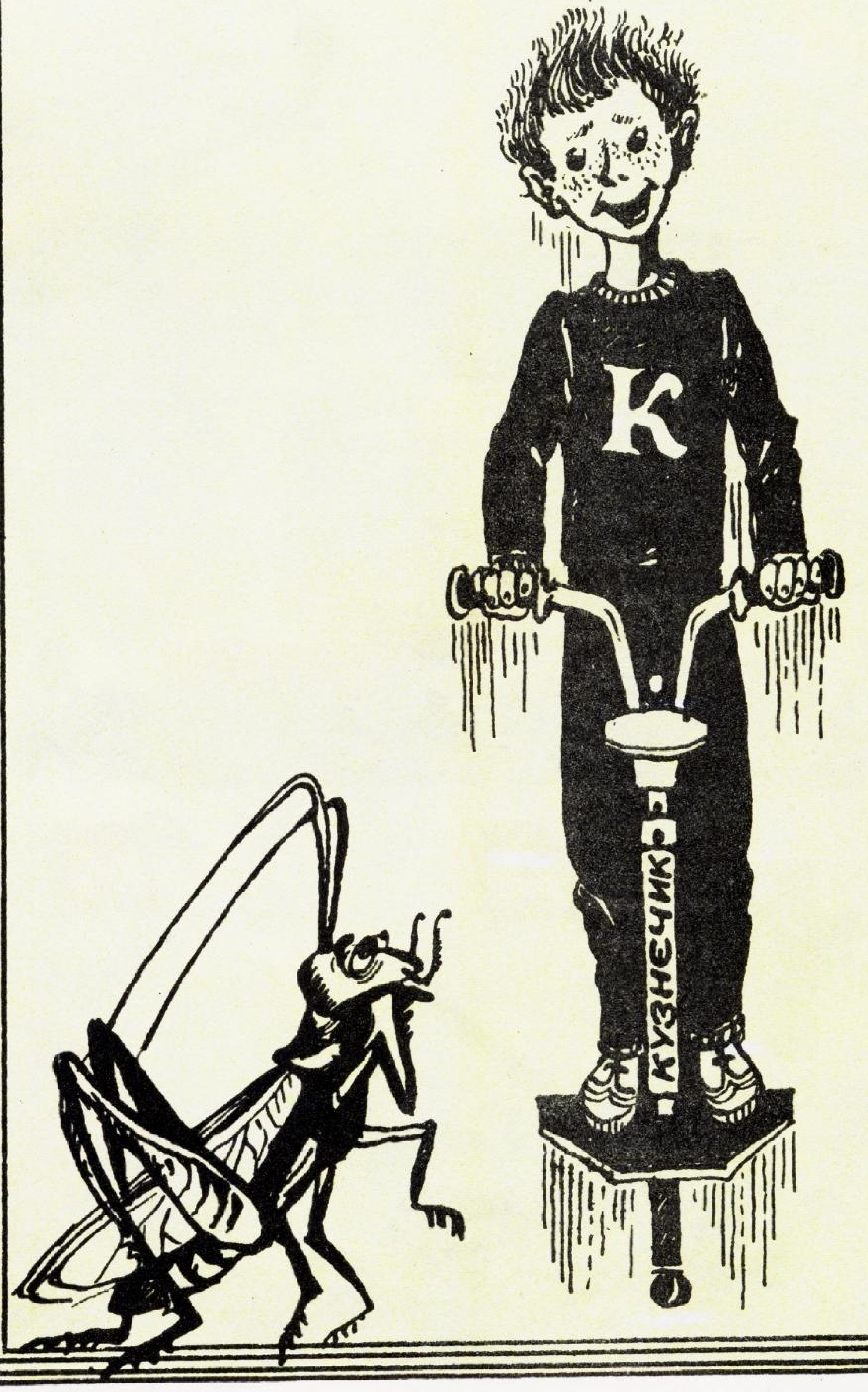
В таежном клубе, в тесном зале —
Он снова полон и притих —
Аплодисментами встречали
Артисты зрителей своих.

Семь лет проработал на трудных бамовских дорогах комсомольский красный эшелон, и за это время его вагоны пробежали путь, равный шести земным экваторам!

«Кузнечик» учит прыгать

«Кузнечик» — это новый пневматический тренажер, который помогает развитию мышц брюшного пресса, ног и чувства равновесия. На «Кузнечике» можно заниматься не только одному, но и вместе с товарищами, не только ребятам, но и взрослым. Лучше всего установить тренажер в спортивном зале или на спортивной площадке. Стоит «Кузнечик» двадцать восемь рублей и продается в специализированных спортивных магазинах.

Центральное рекламное агентство «Реклама».



Альберт ЛИХАНОВ,
лауреат Государственной премии РСФСР и премии Ленинского комсомола

МАГАЗИН НЕнаглядных пособий

ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в № 5.

Рисунки А. ДУГИНА.

«Все мечты сбываются, товарищи!» — такие слова в песенке есть. «Если только очень захотеть» — так, кажется, дальше. Справедливо это. Действительно, сбываются, если очень пожелать. Даже иногда кажется, кто-то нарочно подкарауливает твои желания — давай только пожелай.

Той весной в городе открывался Дворец пионеров в красивом таком старом доме за витой железной оградой на берегу реки. И везде висели фанерные объявления — какие там открываются кружки. Был в этом объявлении и фотокружок. Но вся загвоздка — я еще не пионер. Никто в нашем классе не пионер. Через лето, осенью, под октябрьские праздники примут всех, а пока что еще не доросли, и мой поход во Дворец пионеров окончился первой весенней пылью, размазанной по щекам: слезы высохли, а грязь осталась.

Времени миновало уже немало с тех пор, как бабушка и мама искали меня через милицию, острота позднего возвращения притупилась, и мои опекунши слушали внимательно и с сочувствием стон моей души. Да куда это годится? Фотоаппарата у меня нет, во Дворец пионеров не пускают, не дорос, видите ли, каких-то шести месяцев до пионеров, и вот, нате вам, целое лето пропадает, а я так и не научусь фотографировать! Может, во мне пропадает дарование!

Мама хмыкала, видно, в душе соглашалась со мной, бабушка откровенно мотала головой, выясняя подробности:

— Это в каком же дому Дворец-то пионерский? А-а! В архиерейском!

Махусенькие карточки, которые я принес на другой день после того, как припозднился, — они свободно умещались на ладошке, но были блестящие, как из настоящего ателье, — убеждали маму и бабушку, что прошлялся я, видно, все-таки не зря и что толк из меня может выйти. Подробности сформулировала бабушка. Прямо мне в лицо, простодушно и откровенно, сразу. Говорила она маме, но в лицо глядела мне:

— Польза есть: хоть шляться впустую не будет. А то ведь из школы до дому битый час. Где это видано?

Магазин ненаглядных пособий помог мне! Время, которое я толкался в нем каждый день, пошло на пользу. Мама взяла паспорт, меня, и двинулись во Дворец пионеров, прямехонько к директору.

Директором оказалась большая грудастая тетка с пионерским галстуком на шее и пискливым девчоночьим голосом. Она говорила бодро, по-пионерски, поэтому разговор происходил какой-то несерьезный: мама ей объясняла про меня строго и внушительно, а директор в галстуке несолидно пищала и со всем соглашалась.

Дело кончилось тем, что мама написала бумажку, называемую поручительством — поручалась, выходит, за меня, — и тетка в галстуке пропищала мне торжественно:

— Ну вот, Коля, и сбылась твоя мечта! Ты зачислен в начальную группу фотокружка! — встала и отдала мне пионерский салют. Но я ведь не был пионером, не мог же салютовать в ответ и поэтому глупо поклонился.

Когда мы сидели у директора, я обратил внимание на полукруглые, сводчатые потолки ее кабинета и подумал, что тут, наверное, была спальня архиерея. Фотокружок же разместился, видно, в архиерейских чуланах.

То справа, то слева от комнаты, где мы занимались, всхаркивали канализационные трубы и по ним гулко неслась вода. Речь руководителя, таким образом, заглушалась, он повторял фразу сначала.

Впрочем, вполне вероятно, Родион Филимонович повторялся совершенно по иной причине, и трубы просто помогали ему, создавая, как говорится, подходящую обстановку — ведь бывало, что и без труб, в тишине и покое, он вдруг беспричинно задумывался, начинал блеять: «Э-э, как я говорил, м-мм, ну-да, кха-кха, так на чем мы остановились?» — и только с трудом отыскивал свою мысль. Позже мы узнали, что Родион Филимонович — фронтовик, контуженный, и стали снисходительно относиться к провалам его речи.

Я, наивная душа, думал, нам тут же дадут по фотоаппарату, снабдят пленкой и скажут: дуй, ребята, поглядим, кто талантливей. Ха-ха! Аппарат на весь кружок был один — довоенный «Фотокор», с мехами, как у гармошки, матовым стеклом, по которому наводили на резкость, кассетами и штативом — недалеко ускакала эта техника от бандуры из фотоателье, поснимай таким! Витькин «Лилипут» казался в сравнении с «Фотокором» просто пределом изящества и совершенства.

Я думаю, этот единственный «Фотокор» и стал причиной развала фотокружка. Если бы Родион Филимонович повел нас снимать, показал, как проявлять и печатать, может, дело бы изменилось. Но он читал нудные лекции, проходил с нами теорию, проваливаясь в своих речах под гул и без гула канализационных труб, а большинство народа ведь не видело захватывающих химических процессов, зато в гробу видело — ходило тогда такое выражение — всякую теорию, мало, что ли, школьных уроков, и постепенно пять или шесть групп превратились в одну.

Это была презабавная группа. Ведь прежние-то собирались из ребят одного возраста, включая даже десятый — вот несправедливость, непионеров из малышей так не брали, а непионеров из старших классов брали запросто, какие там пионеры, в десятом-то! И вот самые стойкие — от третьеклассников, то есть меня, до дуботолков, десятиклассников,— сбились в одну группу для начинающих и на равных правах — никто не умел снимать, все только учились.

Да, видно сильное впечатление произвел на меня Витькин «Лилипут» и все, что за ним последовало — я сидел всегда рядом с Родионом Филимоновичем с непременной тетрадкой, преданно глядел ему в рот, даже когда он издавал блеющие неопределенные звуки, записывал рецепты проявителей и закрепителей, а иногда отваживался вставлять знакомые уже словечки, выдающие мои тайные знания: экспозиция, чувствительность, гидрохинон, эмульсия, так что Родион Филимонович сперва стал поглядывать на меня внимательнее, чем на других, затем стал мне улыбаться, а потом — я почувствовал душой,— полюбил меня тайной любовью учителя к первому в жизни ученику.

Что там говорить! Не только ученик навеки запоминает своего первого учителя, но и учитель накрепко запоминает своего первого ученика, которому он смог, в отличие от многих бестолочей, быстро и точно передать свои знания.

Я оказался таким.

Я был самым маленьким, с большим отрывом от двух довольно рослых четвероклассников, да еще ходил в ботинках с галошами, потому что у ботинок отставала подметка, в серых широких шароварах, отчего низ у меня делался как бы коренастее — в увес тонким рукам и впалой груди, прикрытым тонкой вязаной кофтой. Вид мой напоминал усеченный конус, оттого я и казался еще меньше, чем был на самом деле, и вот мне-то, самому маленькому, Родион Филимонович поручил быть старостой кружка.

Я приходил раньше других, садился возле учительского стола, строго взглядывал на входивших, отмечал в журнале и ко мне обращались с уважением — не то что в школе: сколько бы получил я там щелчков и насмешек, не то что от десятиклассников, а даже от тех, кто постарше совсем на год или даже вовсе не старше, потому что в школу-то я все-таки припозднился!

Нет смысла описывать наше учение. Следует только сказать, что я рассказывал о фотокружке Витьке Борецкому, звал его с собой, но он с необъяснимым упрямством мотал головой, может, считал, что и без кружка все умеет? Однако скоро я начал понимать, что догнал Витьку, а потом, что решительно перегнал его. Он, например, представления не имел, что такое глубина резкости, как пользоваться экспонометром, какая разница между номерами фотобумаги.

Я обогнал Витьку, который еще недавно потряс меня, и обогнал всех в фотокружке. Поэтому, когда настало лето и многие разъехались из города, Родион Филимонович вручил мне «Фотокор», показал гвоздик, на который вешал ключ от шкафа с фотоматериалами, а вахтеру при входе во Дворец объяснил, что я староста и могу приходить в кружок самостоятельно, когда мне захочется, чтобы проявлять пленки и печатать фотографии.

* * *

Но вернемся пока назад, в начало весны, когда я, потрясенный открытием таинства фотографии, днем и ночью помню о достойном человеке Витьке Борецком, к которому так несправедлива судьба. Потому что Вовка Крошкин продолжает бесчинствовать.

Ах, как безжалостна ревность, как несправедлива, мстительна и зла, если даже добряка Крошкина превратила в упрямо ненавидящего человека! В ответ на крохотные глянцевые карточки, которые я по неосторожности показал в классе, воспев «Лилипут» и его хозяина, Вовка придумал Борецкому смертельную кличку: «сыкун».

— Что? — спросил громко Вовка, не обращаясь ни к кому, после того, как мельком посмотрел снимки.— Что, этот **сыкун** умеет фотографировать?

Конечно, Анна Николаевна сильно старалась пробудить в нас благородство, давала специальные указания, да и Нинка Правдина обзывала бессовестными всех, кто вспоминал про грех Борецкого, но хитро придуманное словцо может пробить самые нравственные преграды. Мешок, так тот просто повалился на парту, мальчишки дружно заржали, а девчонки прыснули в ладони так, точно чихнули. Даже моралистка Правдина отвернулась в сторону — значит, улыбалась.

Не смеялся один я да еще, понятное дело, Витька, но ему, пожалуй, не о чем было думать, он просто пребывал в отчаянии — сжал кулаки, покраснел, свесил голову,— а вот я призадумался.

Что же это выходило! Ведь Крошкин злобствует из-за меня — мстит, видите ли, нашел способ бить другого человека из-за того, что я пересел к нему на парту! Ясное дело, теперь кличка пристанет к Витьке надолго, может, до самого десятого класса, и ему впору хоть в другую школу переводиться.

Но ведь я обязан Борецкому! Противноватое слово — обязан! Просто Витька совсем другой! Живет на барже, умеет грести, фотографирует, а, главное, он хороший человек. Не ругался, хотя мы чуть не погибли из-за моего неумения под красным колесом парохода, не смеялся, когда я не понимал про негатив, дал сфотографировать мне первый раз в жизни.

Да чего там рассусоливать! Я должен был вмешаться! Должен прижать Крошкина к стенке, если потребуется, и по носу дать!

Но я был от рождения мирный человек, и мне не хотелось давать Вовке по носу. А кроме того, нас многое связывало! Дружба с первого класса! Мне

Мы с Витькой стояли на самом краю света, у обрыва в никуда...

хотелось, чтобы мой старый приятель Вовка и новый товарищ Борецкий подружились между собой! Чтобы Вовка покатался на Витькином ялике, научился фотографировать. А Витька пожал бы ему руку, и все дела. Пусть позорная кличка, изобретенная Вовкой, умрет, канет в вечность и Витька навсегда забудет свой нечаянный позор.

Но добиться этого должен я!

В какой-то книжке мне попалось выражение — яблоко раздора. Это когда два человека одно яблоко поделить не могут. Надо бы пополам его разрезать — оба довольны! — но каждому хочется целое яблоко заиметь, принципиальная публика. И вот они за это яблоко друг друга ненавидят, сражаются, кровь проливают. Выходило, таким яблоком между Вовкой и Витькой теперь оказался я. Раздора! Весь раздор из-за меня!

И я стал придумывать, как бы устроить так, чтобы меня поделили? А вернее, как сделать, чтобы помочь Витьке Борецкому стать нормальным человеком, без унизительных кличек, ведь еще немного, и мальчишки станут тыкать в него пальцем: «Смотрите, этот пацан...» И так далее, в том же духе.

Ну, Вовка!

А Вовка стал какой-то развязный, независимый, у него даже, кажется, глазки хищно щурились, когда он смотрел на Витьку. Меня он пропускал

своим взглядом, не удостаивал внимания, не замечал.

И я решил начать с хитрости. Борецкий нечаянно помог мне набрести на нее.

Однажды он сказал мне:

— Хочешь, покажу край света?

Ну, дает! Край света! Но Витька в моих глазах был человеком серьезным, и я не мог, не имел права насмехаться над ним. А он пояснил:

— Его видно вечером.

Мы сговорились, я наврал маме и бабушке, что иду к Витьке проявлять пленки — к тому времени мне удалось вернуть временно утраченное доверие,— и явился к барже. Витька уже ждал меня.

Чтобы увидеть край света, непременно требовалась тихая, безветренная погода, как объяснил Витька, и нам фартило: стоял душноватый весенний вечер, все замерло, как во сне. По-моряцки сунув руки глубоко в карманы и подняв воротник куртки, Витька молча шел впереди. Мы двигались вдоль по берегу, вверх по течению реки, к излучине, где река расширялась чуть ли не втрое и как бы замирала: течение ускользало куда-то в глубину, а верхняя вода зеркально блестела.

Показалась белая лестница. Кто-то построил ее еще до революции здесь — вся она состояла из шести-семи ступеней, правда, очень широких и длинных, уходящих прямо под воду, а сбоку лестницу украшали белые перила, которые удерживали бутыльчатые, как у рояля, но только белые, ножки.

Неподалеку от лестницы горел единственный фонарь, и Борецкий торжественно взял меня за руку.

— Сначала,— сказал он,— надо посмотреть на свет, прямо в лампочку.

Я уставился на фонарь, пока не зарябило в глазах.

— А теперь вперед! — скомандовал Витька.

Мы подошли к лестнице и встали на верхней ступеньке.

— Гляди! — шепнул он.

Я обомлел.

Прямо над головой свисало черное небо, усыпанное близкими звездами. Но дело в том, что это же небо было и под ногами! Мы с Витькой стояли на белом выступе, на самом краю света, у обрыва в никуда — и вверху, и внизу, без всякого перехода, без разделяющей черты, сияло звездное небо, и я отшатнулся назад, чувствуя, как обливается чем-то горячим мое сердце.

— Здорово! — выдохнул я.

Умом все было объяснимо и чрезвычайно материалистично, темное небо отражалось в черной воде, уснувшей и неподвижной, с низким и далеким противоположным берегом, небо и вода сомкнулись, образовав полусферу перед белой лестницей, мы увидели край света, что ж, Витька оказался прав. И мне показалось, подсказал путь к сердцу Крошкина, человека в душе доброго и впечатлительного.

На другой же день я остановил Вовку в конце коридора, чтобы не засек Борецкий, и как ни в чем не бывало сказал ему:

— Могу показать край света.

— Я тебе покажу! — не понял Вовка. Пришлось объяснить, что говорю я это в буквальном смысле. Вовка сопел носом, недоверчиво оглядывал меня, не зная, как понять мое предложение: возвращение дружбы, перемирие, попытка исправиться?.. Его, наверное, подмывало сказать мне какую-нибудь чепуху, отказаться, повернуться спиной или еще что-нибудь в таком же роде, но Вовка был добрым пацаном — это проверила жизнь.

Он кивнул, я объяснил ему условия: если будет тепло, звездно, безветренно. И назначил встречу на берегу возле заброшенной лестницы.

С этой лестницы днем удили рыбу, народ ее знал, ходили даже слухи, будто тут в стародавние времена утопилась от любви красавица. И этот ее любимый построил лестницу, чтобы красавица по ней вышла из воды, если захочет. Впрочем, в подобную чепуху никто не верил, просто лестница — чья-то старинная блажь или, может, ее построили, чтобы для купания было удобнее в реку сходить — прямо по лестнице с красивыми перилами. Как уж там было давно — неважно, главное, Вовка при словах о лестнице оживился, на него подействовало.

С Витькой же снова поглядеть край света я договорился отдельно. Он отнекивался, удивлялся, зачем это мне каждый день смотреть, надо изредка, только тогда получишь удовольствие, но я его все-таки уломал.

Вовка и Борецкий встретятся на лестнице, Вовка увидит край света, открытый Витькой, оценит, как человек впечатлительный, и они подружатся. Вот и все. Вовка перестанет дразниться этой унизительной кличкой...

Мне везло. Погода повторилась вчерашняя. Звезды так же, как накануне, сливались с водой, я заприметил это краем глаза, когда мы с Витькой подходили к лестнице.

Но дальше все пошло кувырком.

Едва только Борецкий заметил Вовку, стоявшего под фонарем, он попятился назад и наступил мне на обе ноги: это нехорошая примета. Но мне было уже некогда наступать в ответ на Витькины ботинки, я бежал к Вовке, чтобы не смылся он — боже, до чего может дойти совершенно неоправданная вражда!

С трудом, тратя сотни торопливых слов, я заставил их сблизиться и подойти к воде. Вовка весь выражал собой полнейшее недоверие — большая его голова, похожая на воздушный шарик, покачивалась, руки нахально упирались в бока, да и шел он как-то бочком, словно подозревая нас в том, что мы утопим его, покажем край света в прямом смысле.

Я ругал его про себя на все лады — за упрямство, непонятливость, тупость, нежелание помириться с Витькой, но выразить это вслух не решался.

— Глянь сперва на фонарь,— сказал я,— а потом туда!

Вовка по-прежнему мотал головой, но пока молчал. Все-таки его проняло, не могло не пронять, я же знаю этого упрямого Вовку с самого первого класса. Но когда он заговорил, я готов был надавать ему по его круглому упрямому кумполу.

— Ну и что-о-о! — протянул Крошкин.— Подумаешь, край света! Суеверные фанатики! — откуда и слова-то такие выкопал.— Не маленькие уже, должны бы знать, что никакого края света не бывает!

Он спустился по лестнице, наклонился, поболтал рукой в воде, отчего, понятное дело, пошли круги, звезды в воде заколебались и небо тотчас отделилось от нее, превратив воду в воду.

— Вот и все! — сказал Вовка, стоя на колене, а мне страшно хотелось подскочить и столкнуть его в реку.

— Кто придумал этот детский сад,— не мог успокоиться Крошкин,— обращаясь ко мне, как бы вовсе не замечая Витьки. И проскрипел, зловредно выделяя слова.— Твой сыкун?

Я не успел ничего сообразить, как Витька бес-

шумной черной тенью метнулся на ступеньки, схватил за грудки Вовку Крошкина и они завозились там, обмениваясь выразительными междометиями:

— Ну!

— Ты!

— Фу!

— Эх!

Я кинулся разнимать врагов, но то ли действовал чуточку медленнее, чем требовалось, то ли соперники потеряли осторожность, но я опоздал. Оба рухнули в холодную весеннюю воду, слава богу, на последние, подводные ступеньки. Вода тотчас разомкнула их объятия, они, дрожа, выскочили к фонарю.

— Всякий тут сыкун будет хвататься! — кричал Вовка.

— Трус! — отвечал ему Витька.— Давай реку переплывем. Слабо? Все вы такие — злобные негодяи.

— Я — негодяй? — кричал Вовка.

— Негодяй! Негодяй! Негодяй! — срывая голос, орал Борецкий.

— Перестаньте! — кричал я, стараясь перекрыть их обоих. Но они не замечали меня.

Они стояли друг против друга, и их разделял, точно мишень, круг света от фонаря. Я вбежал в эту мишень, встал на самую середину и раскинул руки в стороны, как рефери на ринге, разводя друзей по разным углам.

— Стой-те! — крикнул я что было мочи с надеждой объяснить им обоим, как они глупы, бессердечны, жестоки друг к другу, а особенно Вовка, что так нельзя, что это в конце концов неблагородно, но намерениям моим не суждено сбыться.

— А ты иди к черту! — крикнул мне мой друг Вовка Крошкин.

— Иди к черту, Колька! — крикнул другой мой друг, Витька Борецкий.

Они скрылись в темноте, а я остался в круге света. Ну и дела! Хотел как лучше, хотел, чтобы они подружились, а вышло...

Я двинулся к лестнице. Небо соединялось с водой. И край света все-таки был!

Наверное, я походил на Галилея, который, признав перед судом, что земля не вертится, воскликнул после суда: «Она все-таки вертится!»

Галилей наоборот.

* * *

Лето разбросало ребячий народ, точно ветер листья,— кого куда. Кого в лагерь, кого к бабушке в деревню. А у меня лето оказалось черно-солнечным, если можно так выразиться. Я пропадал в фотокружке, сидел возле ванночек перед красным фонарем, печатал карточки, а когда, напечатавшись до одури, надышавшись парами проявителя и фиксажа, выбирался на белый свет, солнце резало глаза, и приходилось постоять у дворцовой ограды, подержаться за теплый чугун, пока день не проникнет в тебя окончательно, не выйдет из тела чуланный холод, который забирался глубоко, даже в самые пятки.

Аппарата у меня по-прежнему не было, с ним без конца исчезал куда-то Родион Филимонович, и тогда меня надоумило обследовать окрестности фотоателье. В зарослях крапивы я обнаружил целую гору стеклянных негативов. Верхние были поломаны, покрыты пузырями, поцарапаны, но пониже, в глубине стеклянного холма, я обнаружил, будто какой археолог, целый слой целехоньких, словно только что из проявки, пластинок. Жмурясь на солнце, я выбрал штук сорок, замотал их в рубаху и явился к вахтерше Дворца пионеров в одной майке, взмокший от нелегкого груза.

Со сладостным трепетом вглядывался я в фотобумагу, на которой возникают неизвестные мне лица — точно выплывают из плотного белого тумана, неторопливо выступают из неизвестности, внимательно, даже с удивлением, вглядываясь в меня, какого-то незнакомого мальчишку, который вздумал потревожить их. Седой мужчина с пушистыми бакенбардами, но лысой, блестящей головой усмехался мне довольно добродушно — еще минуточку, и подмигнет,— молодая девушка в панаме и с подведенными губами испуганно посматривала из проявителя, потом шел угрюмый, насупившийся толстяк, глядевший из-под бровей, старушка с провалившимися щеками...

Негативы, похоже, были довоенные, сейчас люди так не одевались, и получалось еще интереснее. Вот молодой наголо остриженный парень в косоворотке напряженно смотрит на меня — где он, интересно? Что делает? Меня ударило! А может быть, его нет, он же не зря, наверное, подстригся под нулевку, шел на фронт, а там его могли убить.

Убить?

Теперь я иначе разглядывал лица людей, особенно мужчин, возникавших из глубины кюветки. Эти люди фотографировались когда-то, вовсе не думая при этом, что скоро, совсем скоро их может не стать! И вообще: война навертела всякого, гоняла народ с места на место, морила голодом, холодом, пулями и бомбами, и, может, даже фотографий этих людей не сохранилось — они потерялись, пропали, сгорели, а я вот вытаскивал их из ниоткуда. Суеверный холодок обдал спину: «Может, не надо?»

Но я не мог остановиться, наоборот, словно кто-то толкал меня под локоть — мальчишечье любопытство вообще сильнее любопытства взрослого человека.

Я лихорадочно, торопливо печатал портреты, один за одним, один за одним, щелкая выключателем копировального ящика, и едва успевал бросать бумагу в проявитель: в кюветке плескалось сразу несколько отпечатков, целая толпа людей. Словно торопясь выбраться из неизвестности, обгоняя друг друга, они возникали передо мной, и вдруг я словно врезался лицом в стекло — отец.

Мой отец — точно такая карточка была у нас дома: полосатая рубашка, галстук в крапинку, светлый пиджак — строгий, задумчивый смотрел на меня в упор, словно молча спрашивал: ну зачем ты это делаешь? Хорошо, что я жив, а если бы меня убили? Ты напечатал бы мой портрет, вытащил негатив из старого стеклянного хлама возле ателье? Что было бы тогда? Как бы было?

Как пришлось бы самому тебе? И представь, что бы случилось с мамой и бабушкой?

Я вытащил отцовский портрет в воду, потом в закрепитель, включил свет, вынес из темной комнаты на свет и притих.

Отец укорял справедливо. Память не надо корябать, словно коросту, особенно просто так, без дела.

Я смотрел на отца, разглядывал лица незнакомых мужчин и женщин, и в голове, возле затылка, наливалась тяжесть, а в сердце скоблило.

Было неудобно, необъяснимо неловко, точно я нарушил какой-то святой обет.

* * *

Родион Филимонович так и застал меня — над веером мокрых лиц.

Постукивая сапогами, прошелся у меня за спиной, внимательно вглядываясь в портреты, повздыхал. Потом с грохотом положил на стол «Фотокор» со штативом и весело проговорил:

— Ну, хочешь поснимать по-настоящему?

Я дернулся от неожиданности. Сердце оказалось с крылышками. Оно выпорхнуло из меня, потрепыхалось где-то над головой и вернулось назад: поснимать! По-настоящему!

— А чем? — спросил я.

— Будем снимать с тобой на пару! — говорил мне Родион Филимонович.— Ты бери «Фотокор», а я, а я...— Он достал ключик, открыл стол и вытащил блистающее линзой объектива и стеклышками видоискателя, сверкающее хромированным металлом и полированными черными боками настоящее великолепие.

— Что это? — воскликнул я, потрясенный.

— Немецкая «Экзакта»! Купил на рынке! Представляешь, отдал хромовые сапоги и еще тысячу рублей!

Елки-палки! Такую ценность надо хранить за семью печатями, а он в своем столе — ну как утянут?

Раскачиваясь на волнах восторга — идем снимать что-то серьезное! — я заряжал кассеты — целых два десятка! — вспоминал хромированную «Экзакту», невиданное чудо трофейной техники, возвращался мыслями к старым негативам и портрету отца, рассказывал об этом Родиону Филимоновичу, коренастому, круглолицему доброму энтузиасту фотоискусства — тот охал и ахал, совсем как мама или бабушка, поражался, подтверждал, глядя на снимки, что негативы, кажется, действительно довоенные, и эта радостная суета, счастливая взволнованность совершенно выбили из моей головы самое главное: а что снимать-то будем, куда идем?

Родион Филимонович шел со мной рядом, и я удлинял шаг, чтобы не отстать от крепыша в военном полувыцветшем френче с тремя красными нашивками на левой стороне груди — три тяжелых ранения. По дороге мы оживленно разговаривали, обсуждали, какую выдержку и диафрагму надо устанавливать, если снимать при солнце, а какую в тени. Родион Филимонович пояснял, что работа будет срочная и нужно отнестись к делу внимательно, особенно когда я буду наводить «Фотокор» на резкость через матовое стекло — снимать придется со штатива,— не забывай про композицию, не торопись, следи, чтобы на лица не падали глубокие тени, есть ли у нас в запасе все химикаты и все такое, о чем всегда говорят взволнованные и не до конца уверенные в себе фотографы, идущие на важную съемку.

Замысел Родиона Филимоновича состоял в следующем: он обновляет «Экзакту», а я, поскольку работу нельзя провалить, дублирую его, и хотя он уверен в прекрасной камере — немцы, что ни говори, мастера в аппаратуре, особенно оптической,— снимаю нашим простым советским «Фотокором» на наши простые довоенные пластинки, набиваю, так сказать, руку, учусь мастерству.

Я не успел оглянуться, как мы оказались в городском парке, торопливо прошли тенистыми березовыми аллеями к старому деревянному театру. Зимой этот театр без печек, ясное дело, вымерзал насквозь, тараканы и те, небось, околевали, но вот всякую весну его подкрашивали — подмалевывали, как могли, и зазывали сюда разных разъезжих артистов.

Тем летом в деревянном — но с белеными колоннами, а оттого солидном — здании выступал театр музыкальной комедии: об этом извещали на каждом углу афиши с аршинными буквами. Однако я не совсем понимал, при чем тут мы с Родионом Филимоновичем. Почему мы движемся к театру, заходим во дворик за спиной у деревянного дома с белыми колоннами, устраиваемся на ящиках под тополем?

За деревянными стенами гремела музыка, слышались арии или как их там.

Сперва во дворе никого не было, потом выскочили трое здоровенных кудрявых мужиков в ливреях, расшитых золотом, и с накрашенными помадой губами.

Родион Филимонович поднялся с ящика, навесил на грудь блестящую «Экзакту» и, солидно посверкивая хромировкой, не спеша, явно сдерживая шаг, двинулся к ним.

Белокурые здоровые кудряши окружили моего коренастого учителя — он не доставал им до плеча,— вежливо склонили головы, потом дружно закивали, опять помолчали мгновение и, опять закивав, поправляя парики, двинулись к тополю. Родион Филимонович шел впереди, и лицо его показалось мне одновременно измученным — виноватые глаза, щеки в румянце, потный, мелким бисером, лоб — и оживленным.

— Вот сюда, пожалуйста! — указал он рукой патлатым верзилам и шепнул мне: — Ну чего ты! Действуй!

Торопясь, дрожащими руками, я начал раздвигать штатив, устанавливать «Фотокор», наводить аппарат на артистов, а Родион Филимонович, склонясь над зеркальным видоискателем своей солидной «Экзакты», щелкал затвором. Наконец изготовился снимать мужиков в ливреях и я — уже заправил кассету! — но тут из открытых настежь боковых дверей, откуда вывалились эти трое, кто-то заорал громоподобным басом:

— Эй! Кушать подано! На сцену!

Мужики сорвались, кинулись к дверям, обгоняя друг друга и всхохатывая, а я стоял как дурак: одна рука поднята — внимание, дескать, снимаю,— вторая держит тросик. Я чертыхнулся, но Родион Филимонович успокоил:

— Невелика беда! Подумаешь! Кушать подано!

Я спросил, что это значит.

— Да ерундовые артисты это, значит,— улыбнулся Родион Филимонович.— Только и слов у них, как на сцену выйдут: «Кушать подано!»

Мы дружно рассмеялись, лицо моего учителя успокоилось, даже казалось радостным. Будто своим сочинением про ерундовых артистов он сам себя утешил.

Музыка в театре делалась все громче и пронзительнее. Мне даже показалось, что деревянные стены начинают дребезжать от напряжения, того и гляди что-то там в зале лопнет — и действительно прямо-таки рухнули аплодисменты, в дверь по-сумасшедшему выскочила расфуфыренная дамочка в розовом, до земли, платье, толстоватая, правда, но все-таки видная такая, довольно красивая и заорала во всю мочь:

— Ах! Какой позор! Какой позор!

— Да что вы! — кричал, смеясь, бежавший за ней мужик в лакированных, похожих на галоши, низких ботинках и в сиреневой забавной одежке вроде камзола.— Аделаида Петровна! Вы гений! Душка! Молодец!

— Позор, позор!— кричала, не соглашаясь, Аделаида Петровна, точно хотела в речке утопиться, окажись тут речка, но уже во все глаза смотрела на хромированную «Экзакту» моего учителя.

— *Давайте фотографироваться!*

— Да что вы! — кричал мужик в камзоле и галошах.— Чудесно! Неповторимо! Великолепно!

— Вы меня успокоили! — моментально согласилась розовая артистка.— Значит, все-таки ничего?

— Выше всяких похвал!— Вслед за розовой дамочкой и камзолом из распахнутых дверей перли и перли разряженные, в золотых и серебряных одеждах артисты, многие, в том числе и женщины, тотчас закуривали, кричали о чем-то, перебивая и не слушая друг дружку, будто попугаи, и я растерялся, подумав, что это все похоже на какой-то невиданный базар, но только не мы пришли на него, а базар вбежал во дворик. Розовая дамочка тем временем громко воскликнула, указывая на нас пальцем:

— Это фотографы! Давайте фотографироваться! — Ей, видно, все время хотелось, чтобы на нее обращали внимание.— Слышите, — закричала она громко, оглядывая двор.— Давайте фотографироваться!

На нее обратили внимание, но только по-разному. Одни тотчас бросились к нам, а другие хихикали, подмигивали, показывали головой на розовую артистку и отходили в стороны. Но она не обращала ни на кого внимания. Она уже стояла посреди разноцветной толпы, покрикивала, чтобы артисты располагались вокруг нее симметрично, следила, чтобы центр не переместился куда-нибудь в сторону, смеялась, шутила, забыв начисто про какой-то позор, который еще недавно ее так огорчал.

Я опять действовал замедленно, и Родиону Филимоновичу, быстро щелкнувшему своей сверкающей техникой, пришлось удерживать публику.

— Для главного кадра,— говорил он,— для главного кадра.

Мне ко всему пришлось поворачивать головку штатива, устанавливать аппарат боком для горизонтальной съемки, и когда я, взмыленный, наконец изготовился нажать спуск тросика, чуть не свалился со смеху. Каждый артист кого-то из себя изображал — один вытянул гордо голову, второй скособочил брови одна выше другой, а красотка в розовом мучительно удерживала на лице приторную, совсем конфетную улыбку. Один только мужик в кафтане, который гнался за ней и уговаривал ее, снял с головы мохнатый, до пупа, парик и весело блестел лысиной, ничуть не заботясь о выражении лица.

Что началось потом!

Расписная группа рассыпалась, и мы с Родионом Филимоновичем только успевали поворачиваться: каждый хотел сняться отдельно. Ну, вдвоем на худой конец. Но большинство — отдельно. Мой учитель выхлопал всю свою пленку, я тянулся дольше, «Фотокор» все-таки не позволял таких скоростей. Но и у меня скоро кончились кассеты. Загремел звонок, потом заиграла музыка, театрик проглотил со двора всех артистов, снова стало пусто.

Родион Филимонович, как землекоп, например, отирал со лба пот, неуверенно, как-то робко улыбался, и я подумал, что искусство, оно действительно требует жертв.

* * *

Ровно через сутки произошла торжественная встреча двух моих учителей — Анны Николаевны и Родиона Филимоновича. Мы с руководителем кружка не успевали напечатать множество карточек, припозднились, зато шли с пухлым черным пакетом из-под фотобумаги, который оттопыривал карман Родиона Филимоновича, словно бумажник, и появились перед театром в антракте, так что пришлось продираться сквозь толпу зрителей, которые неторопливо прохаживались возле белых деревянных колонн. Тут-то мы и столкнулись с Анной Николаевной.

Она была нарядная, в строгой черной юбке, таком же пиджачке и белой кофточке, казалось бы, ничего особенного, но на белой кофточке, у горла, топорщился белый бантик — с бантиком Анна Николаевна в школу никогда не ходила. Я смутился, Анна Николаевна, по-моему, тоже — а в смятении я почему-то становился торжественным и официальным — и высокопарно представил Родиона Филимоновича, резко произнося слова и отрывая их друг от друга:

— Мой! Руководитель! Из Дворца! Пионеров!

Родион Филимонович, неуклюже прикрывая локтем оттопыренный карман с фотографиями, протянул Анне Николаевне руку и произнес:

— Так сказать, э-э-э, встреча двух педагогов.

Анна Николаевна смотрела на фотографа приветливо, доброжелательно, действительно, как хорошо, когда встречаются преподаватели из школы и из кружка, замечательно просто, но загремел спасительный звонок, и она заторопилась, сказав на прощание:

— Правда, замечательно поют?

Я хотел объяснить, что мы тут по другой причине, но Родион Филимонович опередил меня, торопливо подтвердив догадку учительницы:

— Просто великолепно!

Мы потоптались, не зная, о чем еще говорить.

— Знаешь, Коля, а Виктор Борецкий уходит от нас! — вдруг сказала Анна Николаевна.

Прямо громом меня оглушило. Витька уходит! Черно-солнечное лето исчезло, сгорело в один миг, вместе со всеми его чудными проявителями, фиксажами, печатанием с чужих негативов и отцовской карточкой, и даже вместе с «Фотокором» и целым веером портретов разряженных артистов, которых мы нащелкались досыта. Значит, Витька уходит! И всему виной Вовка Крошкин?

А я! Хорош друг, ничего не скажешь, попытался соединить двух своих товарищей, ничего не вышло, и я успокоился. Бросился в свою фотографию, запрятался в темноту и наслаждаюсь, про все забыв! Как же так?

— А ведь вам говорили о благородстве! — сказала Анна Николаевна. Я бестолково кивнул башкой. Говорили!

— Жаль, — вздохнула Анна Николаевна, — хороший мальчик, а главное, уйдет в другую школу с тяжелой душой. Как ты думаешь?

Это верно, с тяжелой. Оставалось во всем соглашаться, больше ничего.

— Вот что! — сказала вдруг, просветлев, Анна Николаевна. — Нашу школу делают восьмилетней. И нам дали деньги на оборудование. Много денег. Я завтра пойду в магазин учебно-наглядных пособий. Помоги мне! И Виктора позови. Может, еще уговорим?

Я глядел на Анну Николаевну не как на живого человека! Идти за покупками в магазин, где никто ничего не покупает, да еще с Витькой! Такое мог предложить только, только — не знаю кто!

Анна Николаевна чинно кивнула нам, прощаясь, скрылась за колоннами. Родион Филимонович внимательно посмотрел на меня, опустил голову, будто его за что-то отругали, и мы двинулись в знакомый дворик.

Он был еще полон, и мне казалось, артисты тотчас узнают нас, кинутся навстречу — мы же принесли им снимки! И недурные, надо сказать, снимки, хорошо получилось не только у Родиона Филимоновича, но и у меня, единственное отличие, он печатал с узкой пленки через увеличитель, у него карточки были тринадцать на восемнадцать, а мои при контактной печати, с пластинок в половину меньше.

Мы вошли во дворик, но никто не бросился нам навстречу. Я удивленно взглянул на учителя и ничего не понял — лоб его снова покрылся потной росой. Хотел было взять на себя инициативу, крикнуть во все горло: «Налетай, карточки принесли!» — но все-таки постеснялся, да и к месту: у Родиона Филимоновича, оказывается, были другие намерения.

Он решительно подошел к тополю, опрокинул ящик, на котором мы вчера сидели, поджидая артистов, вынул из кармана пакет и дрожащей рукой начал раскладывать карточки. Дул легкий ветерок, снимки шуршали, наезжали друг на дружку, колыхались, а то просто падали в пыль, и мой руководитель клал на них камушки. Он взглянул на меня каким-то жалким, затравленным взглядом, и сердце мое оборвалось: уж не продавать ли он собрался эти снимки?

Теперь вокруг нас сбилась толпа, послышались радостные возгласы, но никто не спешил брать фотографии. Все восхищались:

— Ах, какая чудная карточка!

— А это я, подумать только!

— Впечатляющий портрет!

— Нет, смотрите, как Репкин похож на Мефистофеля!

Наконец кто-то спросил:

— Сколько стоит?

— Пять рублей,— не проговорил, а какими-то жерновами проскрипел Родион Филимонович.

— Ха, бесплатно! — воскликнул тот же голос, но деньги не посыпались на Родиона Филимоновича. Неохотно расставались артисты с денежками, хотя сниматься так любили!

Постепенно, как бы нехотя, но все-таки карточки покупали. Родион Филимонович понемногу успокаивался. Совал пятерки, трешки, рубли в карман своих широких галифе, но сколько ни совал, не оттягивало этот карман, как булыжником. Больше всех карточек набрала старуха в синем, опять до пят, платье. Как всякая старуха, привередливо торговалась, уговаривала Родиона Филимоновича отдать ей по трешке. Он не спорил, согласно кивал, не жалея, расставался с нашей продукцией. Голос у старушки был молодой, казался знакомым. Я пригляделся к ней — вот так да! Это была вчерашняя розовая артистка. Ничего себе, умеют же переделываться, поразился я, но загремел последний звонок, и артистов как ветром смахнуло.

Снова за стеной барабанила музыка. Мой учитель угрюмо стоял возле ящика, на котором лежали карточки под камушками, ковыряя сапогом землю, и не смотрел на меня. Я вздохнул: да, дела, ничего себе. И подумать не мог, что Родион Филимонович снимал за деньги. Знал бы...

А что, если знал бы, не пошел с ним, отказался поснимать «Фотокором» вволю, первый раз по-настоящему? Пошел бы, только вот эта торговля получилась какая-то неловкая. Стыдная, что ли...

— Ты, Коля, иди-ка, пожалуй, а я останусь,— проговорил Родион Филимонович хрипло, словно со сна.— У тебя вон дела завтра в школе. Еще зайти за кем-то надо...

Я обрадовался: не нравился мне этот театр с напомаженными мужиками. Им бы, честное слово, в армию, хоть и война кончилась, а они тут ошиваются, тоже мне «кушать подано». Таланты!

Я подошел к повороту и обернулся. Мой учитель снова помотал головой и с досадой плюнул на землю. Плохо брали карточки, в самом деле.

* * *

Витька был дома, точнее, плавал на ялике вокруг баржи, и мне снова удалось погрести. Хороший бы из Борецкого разведчик вышел, думал я, поглядывая на приятеля,— ни звука про другую школу. Значит, даже мне не доверяет.

Меня так и подмывало на Витьку насесть изо всех моих сил — обругать как следует, укорить до слез и вообще надавить на его психику. Но с психикой у меня плоховато получалось — встреча у края света вспоминалась снова и снова: я посреди светлого круга, а оба моих товарища разбегаются в темноту, посылают меня к черту — вот кто, оказывается, виноват.

— Анна Николаевна,— говорю я почти что официально,— велела прийти нам с тобой завтра в школу к двенадцати часам. Она собирается в магазин ненаглядных пособий. Покупать оборудование. Просила помочь.

Прием удается, Витька порывается сказать что-то, отказаться, может быть, но под каким соусом он откажется? Признается мне, что собрался в другую школу? Ну-ка?

Он вовремя спохватывается, нехотя соглашается:

— Приду!

«Придешь, конечно! Как миленький»,— соображаю я и снова кляну про себя Витьку: «Значит, решил все сделать втихаря! Даже от меня!» Но обижаться на Борецкого все-таки не могу. Гляжу на баржу, вспоминаю прокуренный голос Витькиного отца, мое открытие фотографии.

— Ну как твой «Лилипут»? — спрашиваю Витьку.— Неужели не снимаешь?

— Пленки нет,— мрачно отвечает Витька.

— Ерунда! Хочешь достану? И вообще, давай в наш кружок,— зову его не первый раз, но он мотает головой. Неужели все сербы такие упрямые, приходит мне мысль, и я излагаю ее Витьке.

— А ты не знал? — оживился он.— Не упрямые, а гордые!

Мы с ним немножко спорим, я толкую Витьке, что гордый каждый человек, не только сербы. Он соглашается, но твердит, что из каждых самые гордые все же сербы. Я молчу, обдумывая свои слова и поступки. Если горячиться, можно поссориться не по существу, Витька завтра не явится в школу, и я подведу Анну Николаевну.

Простившись с Витькой, иду домой, но моя дорога заворачивает к Дворцу пионеров, и я заглядываю туда на всякий случай. Вахтерша удивляет меня, сказав, что Родион Филимонович в кружке. Я открываю знакомую дверь.

Мой контуженый учитель сидел за своим столом, взявшись ладонями за уши, а его челюсть медленно опускалась и медленно же возвращалась на место, совершая по дороге чуть заметное вращательное движение — так жует сено лошадь. Перед Родионом Филимоновичем стояла столбиком буханка хлеба, с нее срезано куска два широких, поперек всей буханки, и один такой кусман, посыпанный солью, лежал рядом. Учитель задумчиво разглядывал этот кусище, дожевывал предыдущий и все держался за уши.

— Голова болит? — спросил я.

Родион Филимонович вздрогнул всем телом, быстро вскинул глаза, потом жалобно улыбнулся мне.

— Хочешь? — кивнул он на кусок.

Я не отказался.

— Вишь как получилось! — сказал Родион Филимонович, показав на пакет.— Сколько наших снимков пропало!

— А! — попробовал я успокоить его.— Задрипанный театришко!

Родион Филимонович покивал согласно.

— А я еще продовольственные карточки потерял, понимаешь, какое дело,— проговорил он, внимательно оглядывая меня.— Купил эту «Экзакту», продал сапоги, отдал все деньги и тут же потерял.

Вот в чем было дело! Всякому теперь понятно, почему он решил на деньги снимать.

— Хоть продавай аппарат! — вздохнул Родион Филимонович, тоскливо поглядев на «Экзакту». Она лежала рядом с буханкой, такая неуместная тут, блестящая, нарядная, хромированная.

— Ни за что! — воскликнул я.

— Конечно! — обрадованно улыбнулся Родион Филимонович. — Ни за что! Только вот с тобой,— вздохнул он,— нехорошо получилось. Да еще учительница твоя. Встреча двух педагогов,— замотал головой он,— ничего себе! — Опять вздохнул: — А учительница твоя, видать, хорошая. Вся такая чистенькая.

Я принялся рассказывать про Анну Николаевну, а съехал совсем на другое — жевал черный хлеб с солью, разглядывал фотографии дорогого учителя и вспоминал всякие школьные дела, какие в войну были: про раненых рассказывал, про госпиталь — там в маминой лаборатории я учил таблицу

умножения и видел кровь под микроскопом, лейкоциты и эритроциты; про то, как нам давали маленькие булочки на большой перемене, величиной с детский кулачок, и мы, чтобы булки стали побольше, засовывали их в учебник, чтоб не запачкать, совали под парту и партой их давили — получался широкий блин, хоть и тонкий, но зато плотный, так что вроде еда получалась увеличенного размера; про то, как уроки в войну начинались при свечах и коптилках, а писали мы на тетрадках, сшитых из газет, прямо по печатным буквам, и это выходило довольно удобно — как пишутся некоторые слова, можно было вычитать в газете; про то, как ходили на уроки с поленьями — это Вовка Крошкин всех заставлял, печку топили казенными дровами, но, чтобы стало потеплее, подбрасывали еще своих, и Вовка со своим упрямым характером собирал дань — каждое утро по полену...

Родион Филимонович слушал меня как-то странно: сперва весело и улыбчиво, потом опустив голову, сжав кулаки. Скулы у него напряглись — мне показалось, ему нехорошо, я спросил его об этом.

— Н-ничего! — ответил он.— Пустяки!

Я решил его отвлечь, дубина стоеросовая, спросил, в каком бою его ранило, как это было, но он махнул рукой и грубо сказал:

— Гордиться нечем. Страха да гноя куда больше гордости.

Он помолчал.

— Никогда не думал об этом! — сказал он горячо, как будто даже не ко мне обращаясь. Да и смотрел Родион Филимонович поверх меня, куда-то в потолок.— А ведь вы-то, ребятня, тоже войну прошли! Мы воевали, вы, понятное дело, нет, но войну прошли вместе, всяк по-своему.

Я глядел на фотографа, не очень-то понимая его. Как это прошли? Прошли они, отец, Родион Филимонович, а мы жили просто-напросто, вот и все. Но мужик он хороший!

Я смотрел на толстый пакет с фотографиями. Вот дундуки эти погорелые артисты!

Я вспомнил, как шел мой Родион Филимонович, имеющий три нашивки за тяжелые ранения, к кудряшам в ливреях, как сдерживал нарочно шаг, чтобы быть посолиднее, как собирал, потея, трешки да пятерки за наши карточки, будто какой-то торгаш, тыловая крыса, а не фронтовик и герой. Эх, жизнь, все путает, мутит, все переворачивает с ног на голову; разве же так должно быть, если человек купил «Экзакту» за сапоги и тысячу рублей в придачу и тут же потерял карточки? Разве так?

Я готов был броситься немедленно, побежать к деревянному театру с солидными колоннами, выскочить прямо на сцену и крикнуть: да знаете ли вы, какой человек перед вами тут унижается?

* * *

А ровно в двенадцать на другой день началось совершенно невероятное.

Возле школьного крыльца стояла запряженная в телегу школьная кобыла Машка, и школьный сторож Кондрат Иванович клевал носом, дожидаясь, как выяснилось, нас с Витькой.

Вчера Анна Николаевна сказала, что школе дали много денег для оборудования, и я думал, нам придется тащить целый мешок с тысячами, но учительница ждала нас налегке.

— Молодец, Витя,— похвалила она одного Борецкого,— ты пунктуален.— А мне, едва он отвернулся, чуть заметно кивнула. Я улыбнулся: мне доверяли. Больше того, я должен вместе с учительницей отговорить Витьку от другой школы. Но начинать этот отговор, ясное дело, не мне. И я лишь понятливо улыбнулся.

— Сначала,— говорила Анна Николаевна, шагая между мной и Витькой,— я думала обойтись без подводы, но денег действительно много, видите, страна после войны сразу отдает свои средства вам, детям, и я решила пригласить их.

Мы хихикнули. Приглашенная Машка и соловый от дремоты Кондрат Иванович двигались сбоку по мостовой, даже не предполагая, что их, оказывается, пригласили.

— Там есть спящая старушка,—пошутил я,— нельзя нам купить такой экспонат?

Витька и Анна Николаевна прыснули.

— По какому же предмету это пособие? — спросила учительница.

— По скучному,— нашелся Витька.

— Нет,— улыбаясь, ответила Анна Николаевна,— таких предметов не бывает. По крайней мере не должно быть. Это во-первых, во-вторых, народные деньги следует беречь. А в-третьих, — она покосилась на лошадь и Кондрата Ивановича, который опять клевал носом,—у нас один уже есть!

Возчику пришлось проснуться от нашего хохота. Настроение у нас было отличное и, смеясь, мы открыли дверь магазина. Спящая старушка, однако, не очнулась от наших голосов. Анне Николаевне пришлось постучать согнутым пальцем по прилавку.

— Ничего не продается,— шепнула ей спящая старушка, мельком взглянув сонным глазом.— Только школам.

— А мы школа! — громко проговорила Анна Николаевна, гораздо громче обычного.

— Школа?— Старушка разогнулась, проснулась, заблестела глазками, будто никогда и не дремала, будто это нам привиделось, мало ли, однако в глубине ее взора еще плавал туман.— На какую сумму станете брать?— воскликнула она бодро.

— На большую! — в тон ей воскликнула Анна Николаевна и обернулась к нам.— Ребята,— проговорила она такое, что мы ушам не поверили, во всяком случае, не поверил я.— Ребята, выбирайте, что вам нравится!

Что мне нравится? Легче спросить, что мне не нравится, да и то, что мне не нравится, тоже надо купить. Змеи в запаянных стекляшках, например. Вот бы сунуть в парту, а еще лучше в портфель кое-кому из отсутствующих здесь! Я напрягался, изо всех силенок пыжился представить себе то, что раньше воображалось само собой, без всяких усилий, но странное дело — теперь это не выходило, я не мог вообразить, как суну змею даже Мешкову, и не то что за шиворот, а хотя бы в парту. Было жаль Мешка, хоть он и обалдуй. Жаль, и все тут.

Витька занялся картами, шкафами с разной там геометрией и химией, и Анна Николаевна восклицала каждую секунду:

— Молодец, Витя! Молодец!— повторяла то, что называл Борецкий, и вконец проснувшаяся старушка бойко, с какой-то такой лихой оттяжкой, щелкала костяшками счетов.

Я же толокся у шкафов с ненаглядными естественными пособиями, возле жуков, бабочек, змей, черепахи и всей остальной роскоши и даже холодел сердцем, взглядывая на скелет, но ничего не мог выбрать определенного: мне нравилось все поголовно. Я, конечно, понимал, что скелет купить невозможно, да и не нужно — следует беречь народные деньги! — а все остальное, с моей точки зрения,

Еще вечером мы забрались на высокий тополь, чтобы снять восход...

заслуживало решительного внимания, я так и сказал Анне Николаевне, в глубине души полагая, что она засмеется. Но она не засмеялась, а стала говорить старушке продавщице, чтобы та посчитала змей, лягушек, бабочек и все другое. Стоило это, оказывается, очень дорого, старушка называла большие деньги, но Анну Николаевну совершенно ничего не пугало, она только посмеивалась, вообще у нее было сегодня превосходное настроение.

Старушка нащелкала кучу денег, я все думал, где же они у Анны Николаевны, это же действительно целая куча, но вместо денег учительница вынула бумажки с печатями, продавщица довольно замурлыкала и повела всех нас на склад.

Мы, как дрова, таскали на телегу стеклянные пирамиды, циркули, банки со змеями и лягушками — никогда не думал, что стану охапками носить такие ненаглядные учебные пособия. Кондрат Иванович крякал, огорошенный, даже кобыла Машка удивлялась — всегда стояла спокойно, понуро, а тут переступала с ноги на ногу, покатывала чуточку телегу то взад, то вперед и косила глазом, оборачиваясь на странные предметы.

Возле нашей телеги на улице постепенно скапливался народ, в основном пацанва. Они тыкали пальцами в наши сокровища, и нас с Витькой разглядывали так, будто мы тоже учебные пособия, а не живые люди.

Неведомо как, не обронив друг другу слова, Борецкий и я, не сговариваясь, и лицом и поступью старались походить на учителей — медлительных, солидных, по пустякам не лыбящихся — в таком вот духе.

Я подумал, что сбылось мое желание: еще чуть-чуть, и народ станет показывать на меня пальцами.

Только что говорить будут — слова не придумывались.

«Вот пацаны, которые носят пособия?» — глупо, по-деревянному. «Эти пацаны закупили змей?» Так ведь для школы и не пацаны, а Анна Николаевна. Что будет говорить публика, это у меня не придумывалось никак, к покупке учебных пособий, делу, конечно же, необыкновенному, отношение мы имели, но пока что в не очень-то почетном качестве грузчиков, так что народ мог бы и помалкивать, ничего не говорить — какая это заслуга, скажи любому, с радостью оттаранит на телегу змей и лягушек.

Путь к славе назначила Анна Николаевна. Когда мы зашли в магазин за новыми охапками пособий, она вдруг задумчиво проговорила:

— Деньги-то еще остались. А не истратим — пропадут. Чего бы еще купить?

Мы начали лихорадочно соображать, куплено всего по экземпляру, кроме... я не успел подумать об этом страшном, самом страшном для меня во всем магазине, как Анна Николаевна воскликнула, смеясь:

— Скелет продается?

Старушка посмотрела на нее внимательно.

— Вы серьезно? — спросила она.

— Конечно, для уроков анатомии.

Сердце мое колотилось от ужаса. Неужели Анна Николаевна купит? А спящая старушка продаст?

— Дело в том,— проговорила старушка, смущаясь, — что он у нас последний.

— Ну и что? — удивилась учительница.

— Как же! — удивилась теперь старушка.— Придает магазину определенный вид!

— Какие пустяки! — Анну Николаевну задело: такие непедагогические рассуждения.— Тут он у вас просто пылится, а в школе дети станут изучать важный предмет.

Старушка обидчиво рассмотрела Анну Николаевну, осторожно перевела взгляд на ощеренную челюсть, вздохнула и вынула из-под прилавка ключик от стеклянного шкафа.

— Ребята! — обернулась к нам с Витькой учительница.— Вы как, не побоитесь донести его до телеги? А то можем и мы со сторожем.

Витька дернулся назад, и я быстро понял, что знающий, умелый Витька способен отступить.

В ту же секунду меня озарило: а ведь этот скелет спасет Витьку!

Я еще не знал, как он спасет его, но уже был абсолютно уверен, что самое страшное пособие поможет Витьке остаться в нашей школе, помириться с Вовкой и забыть свою позорную кличку.

— Нет, конечно,— громче обычного проговорил я, подступая к Борецкому, крепко беря его за локоть и чувствуя, как облегченно расслабляется напряженная фигура Витьки.

Старушка отомкнула внутренний замок шкафа, Витька, зажмурясь, ухватил скелет за ноги, Анна Николаевна и старушка — обе с закаменелыми, чрезмерно волевыми лицами, за позвоночник и ребра, Борецкий двинулся, я занял удобное место и с остановившимся сердцем обнял страшилище.

Женщины отпрянули в стороны.

Я думал, упаду под тяжестью костей, но они оказались очень легкие, почти невесомые — я запросто бы выволок скелет и в одиночку, будь он хоть немного поудобнее, пожалуй. Борецкому приходилось тяжелее, ведь ноги пособия прикреплялись к деревянной подставке.

Шаркая ботинками, пятясь, Витька двинулся к выходу и в такт ему, озирая белый свет сквозь ребра, передвигался я.

Страх исчез. Сердце билось неровно, но оно билось так от радостного предчувствия — я это знал точно.

Я вообще знал теперь многое наперед.

Как, всхрапнув, дернется в сторону кобыла Машка, закинув голову, взирая с ужасом на нашу чрезвычайную ношу, и Кондрат Иванович не прикрикнет на лошадь, не натянет вожжи, а будет глядеть на нас, открыв рот и пятясь бочком вслед за телегой, так что нам придется выйти чуть ли не на середину дороги и там под взглядом толпы грузить скелет.

А толпа! Она шарахнулась вместе с кобылой, потом прихлынула назад, мгновенно поплотнев и прибавив в росте — теперь уж не только пацанва, но и взрослые взирали на нас, народ гудел, самые маленькие взвизгивали, точно щенята, одни мы, сохраняя спокойствие — впрочем, это казалось только одному мне! — шли, держа скелет на весу — негнущееся, жуткое, редкое пособие!

Кондрат Иванович отошел, кинулся к телеге, сдвинул остальные пособия на край, и мы уложили скелет в сенцо. Подумав, Анна Николаевна кивнула мне на рулон географических карт. Я отмотал верхнюю — это оказалась цветная карта мира на двух полушариях, Витька ухватил ее за один край, я за другой, мы зашли по разные стороны от телеги и укрыли скелет полушариями Земли.

Не спеша, с чувством и толком оглядывал я толпу, внимая каждому ее звуку.

И услышал долгожданное.

Не мог не услышать.

— Глядите, какие пацаны,— сказал молодой солдат, улыбаясь нам с Витькой.— Глядите, какие смелые пацаны. Я бы побоялся!

Не знаю, что там чувствовали чкаловцы и папанинцы, когда их встречали как героев. Я чувствовал спокойствие. И подъем.

Мне казалось, я как бы подрастаю — на глазах! — голова моя выше других голов, даже взрослых, и я вижу макушки мальчишек, кепки мужчин и даже одну шляпу и свободно разглядываю цветы на платке какой-то очень высокой женщины.

Я как будто ухожу в вышину, медленно отлетаю без всяких там двигателей и моторов, а чем выше, тем чище пространство, шире видно вокруг, яснее слышны звуки.

— Ой, грех-то какой! — проговорил явственно старушечий голос.

— Какой грех, старая?! — не согласился мужицкий хриплый бас. — Не грех, а учебное пособие!

— Глядите, эти пацаны несли на руках скелет,— послышался мальчишеский голос.

Я увидел палец, протянутый в мою сторону.

Грязный мальчишечий палец, с заусенцами.

* * *

Толпа не расходилась, и наша телега уже стала походить на катафалк, где лежит покойник. Похожесть усилилась, когда кучер тронул лошадь: какое-то время за телегой шла вся толпа. Потом отсеялись взрослые, наконец растаяли и мальчишки. Несколько самых упорных шли за телегой до конца, и их упорство вознаградилось.

Взявшись за скелет возле школы, чтобы переместить его в класс, мы были уже не одиноки. Нам помогали посторонние пацаны.

Наконец сутолока утихла, смолкли голоса в

пустынной гулкой школе, а мы втроем с Анной Николаевной стоим в классе на втором этаже, где временно будет находиться скелет. Тишина кажется густой и осязаемой, она обволакивает нас, затягивает в глубокий омут, надо вырваться из нее, иначе страх снова одолеет нас.

Я разрываю тишину.

— Анна Николаевна,— спрашиваю я,— а как делают скелеты?

— Их не делают! — бойко отвечает Анна Николаевна и сама же обмирает.

— Не делают? Значит...

— Это настоящий скелет,— говорит она приглушенным голосом, видно, в ней борются женщина и учительница. Потом решительно кивает головой.— Да, настоящий.

— Выходит, был человек! — потрясенно вскрикивает Витька. — Кто он?

Анна Николаевна начинает расхаживать между нами и пособием. Наверное, движение помогает ей излагать вещи, о которых нечасто говорят.

— Дело в том, видите ли! Некоторые люди еще при жизни продают свой скелет науке. Или жертвуют бесплатно. Но какое это имеет значение?

Тишина, мы молчим, но шарики в наших шарабанах вертятся со страшным скрипом: ха, не имеет значения! А кто именно этот? И как он — бесплатно или за деньги? Почем, интересно, скелетик? И где их покупают? Если прижало, можно и загнать! Ничего себе шуточка, загнать самого себя!

Есть вещи, думать о которых ужасно, но не думать просто нельзя — так уж устроено все человечество, особенно в детстве. Думать о скелете было немыслимо и интересно.

Вопросы, которые вертелись в голове и которые я тут же, без передыха, задал Анне Николаевне, остались безответными. Впервые я видел, что наша учительница не знает подряд так много!

Неожиданно меня озарило:

— Зря старушка из магазина расстраивалась!

— А что такое? — спросила Анна Николаевна.

— Теперь у нас скелетов навалом будет!

— Почему? — удивился Витька.

— Фашистов мы сколько набили,— брякнул я,— теперь вот скелетов наделаем!

— Коля! Коля! Коля! — крикнула Анна Николаевна, каждый раз громко хлопая ладонью по парте. Она выглядела какой-то ошарашенной.— Запомни, запомни навсегда. Этого не будет! Не может быть! Это невозможно. И, наконец, кощунственно, мы не фашисты, чтобы... чтобы...

Голос Анны Николаевны заело, точно старую пластинку на патефоне.

— Дурак! — вдохновенно воскликнул Витька.— Какой же ты дурачина!

Но я не сдавался.

— Пусть хоть какая-нибудь будет от них польза!

— Не-надо-нам-от-них, — проговорила, четко произнося все звуки, учительница,— никакой-пользы-ты-понял? Не-надо-нам-от-них-ничего-ничего-ничего!

Анне Николаевне делалось нехорошо, не по себе, я это почуял и быстро закивал головой, соглашаясь закончить щекотливый и, выходит, зряшный разговор.

— Можно,— попросил я, выходя из класса и прислушиваясь к утихающему дыханию учительницы,— мы зайдем еще раз? Я хочу сфотографировать... это... его...

Анна Николаевна колебалась. Похоже, она ни за что не разрешила бы фотографировать скелет, но мы ведь таскали его, а значит, имели право на уступку, да и просьба при всей ее странности не выглядела ужасной.

— Придете вместе,— сказала она, не столько спрашивая, сколько утверждая.

А план уже давно отчеканился в моей голове. Десять минут ходьбы до Дворца, десять на зарядку кассет, десять обратно.

Через полчаса я устанавливаю треножник «Фотокора» напротив скелета.

Витька всюду следовал за мной послушной тенью. Он был оживлен, хохотал надо мной, впрочем, я хохотал с ним за компанию, вспоминал, какие лица были в толпе, когда мы возникли на пороге магазина со своей ношей, как Витька сперва хотел сигануть, отказаться нести скелет — кто обязан таскать скелеты! — но как я ухватил его за локоть, вцепился, точно краб, это уж сравнение из Витькиных морских мыслей. Словом, Борецкий хохотал, и я хохотал с ним, опять и опять переваривая приключение, по достоинству увенчанное славой, но у меня-то в голове было еще одно дельце, до которого Витьке, ясное дело, невдомек, это уж мой личный замысел.

Я достал из кармана картонный экспонометр, поражая Витьку, определил выдержку.

Солнце удобно падало в угол класса, где стояло ненаглядное пособие, и я как бы невзначай предложил Витьке:

— Хочешь сняться вместе с ним?

— С ним! — закричал он, но тут же успокоился.— А почему бы и нет?

— Становись! — приказал я.

Уж теперь-то мне известно, кто тут полный хозяин событий. Мой голос был звонок, отдавал металлом. Борецкий подошел к скелету, но стал на таком расстоянии, что, оживи наше пособие, рукой до Витьки оно бы не дотянулось.

Решительным шагом я подошел к Борецкому, придвинул его к скелету. Потом я взял костлявую кисть и положил Витьке на плечо.

— С ума сошел,— сказал он неуверенным, севшим голосом, но руку скелета с плеча не сбросил, так и стоял, окаменев.

— Внимание! — командовал я.— Приготовились! Снимаю!

Камера щелкнула, Витька выскочил как ошпаренный из-под костлявой руки, чудак! Не понимал, дуралей, что я уже спас его.

* * *

Он не понял, куда я клоню, даже когда три шедевра фотографического искусства отскочили от стекла — роскошно глянцевые, полированные произведения, не уступающие по качеству никакому самому замечательному ателье.

Одну карточку я тут же отдал Витьке, а две, как он ни клянчил, положил в свой карман.

Теперь требовался Крошкин, и я предложил Борецкому прогуляться, таким естественным и нехитрым образом поискав желанной встречи с Вовкой. Но не зря говорится: на ловца и зверь бежит.

Вовка чуть не наехал на нас чьим-то велосипедом — своего у него не было.

Он слез с него, гордо улыбался: велик в ту пору был большой редкостью, и Вовка молча хвастался чужим имуществом. Ну, ничего! Ему недолго осталось улыбаться!

Неторопливым движением я достал фотографию и протянул Вовке:

— Посмотри!

Он нехотя взял карточку, и глаза у него поехали на лоб. Вовка был добрый человек, а добрые не умеют скрывать своих чувств, даже если очень хотят этого.

— Ну дае-ешь! — прошептал он и уставился на Витьку.— Ну дае-е-ешь!

Я ликовал!

Я салютовал самому себе из тысячи артиллерийских орудий!

Пусть попробует теперь Вовка повторить позорную кличку, выдуманную для Витьки! Как у него повернется язык?!

А у Вовки язык и не поворачивался. Он глядел на Борецкого с ярко выраженным уважением, и Витька — это было трудно не заметить — потихоньку приосанивался: наливал грудь, выпрямлял спину, приподнимал подбородок.

Настоящий серб, гордый, как все сербы!

— Вот так вот! — не утерпел я, но Вовка даже не среагировал на мою реплику. Он все смотрел на Витьку, и взгляд из уважительного постепенно превращался в восторженный.

* * *

Ну вот и все.

Вся история моего магазина ненаглядных пособий. Пожалуй, вся.

Я повернулся к своим приятелям спиной и молча пошел в сторону.

— Ты куда? — испуганным дуэтом крикнули они.

— Снимать! — остановился я. Меня распирало от счастья.— Фотографировать!

— Мы с тобой,— опять враз крикнули пацаны. Вовка сел на седло велосипеда, а Витька, растопырив ноги, устроился на багажнике.

Они медленно катились рядом со мной, и я сказал улыбаясь:

— Вот так я вас и сниму!

— А давайте снимем самое красивое, что есть на свете! — сказал Вовка возвышенным тоном.

— Откуда здесь море? — проговорил Борецкий.

— Восход солнца! — ответил Вовка.— Самое начало, видали? Солнце красное, будто спелое яблоко.

— И огромное, вполнеба,— кивнул я.

— Только надо не проспать,— сказал деловито Витька.

— Одну-то ночку можно и пожертвовать! — крикнул Вовка.

— Для искусства! — подтвердил я.

* * *

Ночь выдалась парной, теплой.

Еще вечером мы забрались на высокий тополь, чтобы снять восход с вышины, увидев красное яблоко раньше всех — устроились в удобной развилке дерева капитально, даже затащили стеганое одеяло для мягкости.

Всю ночь мы болтали, вспоминая, как водится у мальчишек, страшные истории и, наверное, не давали спокойно спать воронам на верхних ветвях: они испуганно вскаркивали во сне, точно всхрапывали от жутких снов, навеянных нашими рассказами.

Разговор крутился возле скелета. Мы все выдумывали, кто был им раньше — безденежный бродяга, ученый, подаривший себя науке? Витька упрямо настаивал, что это моряк, только одни моряки, видите ли, не боятся ни черта, ни кочерги.

— Сербский моряк,— ехидничал я,— бесстрашный и гордый! — И Витька хлопал, смеясь, меня по макушке.

Солнце выползло таким, каким мы его ждали.

Торжественно алый круг сиял нам в глаза, и я щелкнул тросиком «Фотокора». А днем нас ждало разочарование. На карточке вместо алого великолепия был блеклый недопроявленный круг сквозь черные трещины тополиных ветвей. Только и всего.

Цвет исчез на черно-белой фотографии, оставив одни контуры. Затея не удалась.

Мир, который мы видели, был ярче и красивей того, что могла остановить тогдашняя фотография. Жизнь оказывалась ярче искусства!

Впрочем, это не казалось мне важным. Вовка и Витька перестали быть врагами — вот что нравилось мне...

* * *

Человек радуется, когда он взрослеет. Счастлив, что расстается с детством — как же, он самостоятельный, большой, мужественный, и поначалу эта самостоятельность кажется очень серьезной. Но потом, потом становится грустно.

И чем старше взрослый человек, тем грустнее ему: ведь он отплывает все дальше и дальше от своего единственного детства.

Вот снесли дом, в котором ты рос, и в сердце у тебя возникла пустота. Вот закрыли школу, в которой учился,— там теперь какая-то контора. Куда-то исчез магазин ненаглядных пособий. А потом ты узнал, умерла учительница Анна Николаевна.

В сердце все больше пустот — как бы оно не стало совсем пустым, страшным, точно тот край света возле белой лестницы в тихую ночь: черно перед тобой, одни холодные звезды!

Без детства холодно на душе.

Когда человек взрослеет, у него тускнеют глаза. Он видит не меньше, даже больше, чем в детстве, но краски бледнеют, и яркость не такая, как раньше.

Мое детство отлично от других, и все-таки детства всегда похожи весенней яркостью.

В детстве есть похожесть, но нет повторимости. У всякого детства свои глаза.

* * *

А магазина нет.

Многое уже известно в этом мире. Мало осталось вещей, которые удивят.

Вот в этом вся разница: когда стал взрослым, таких вещей становится все меньше.

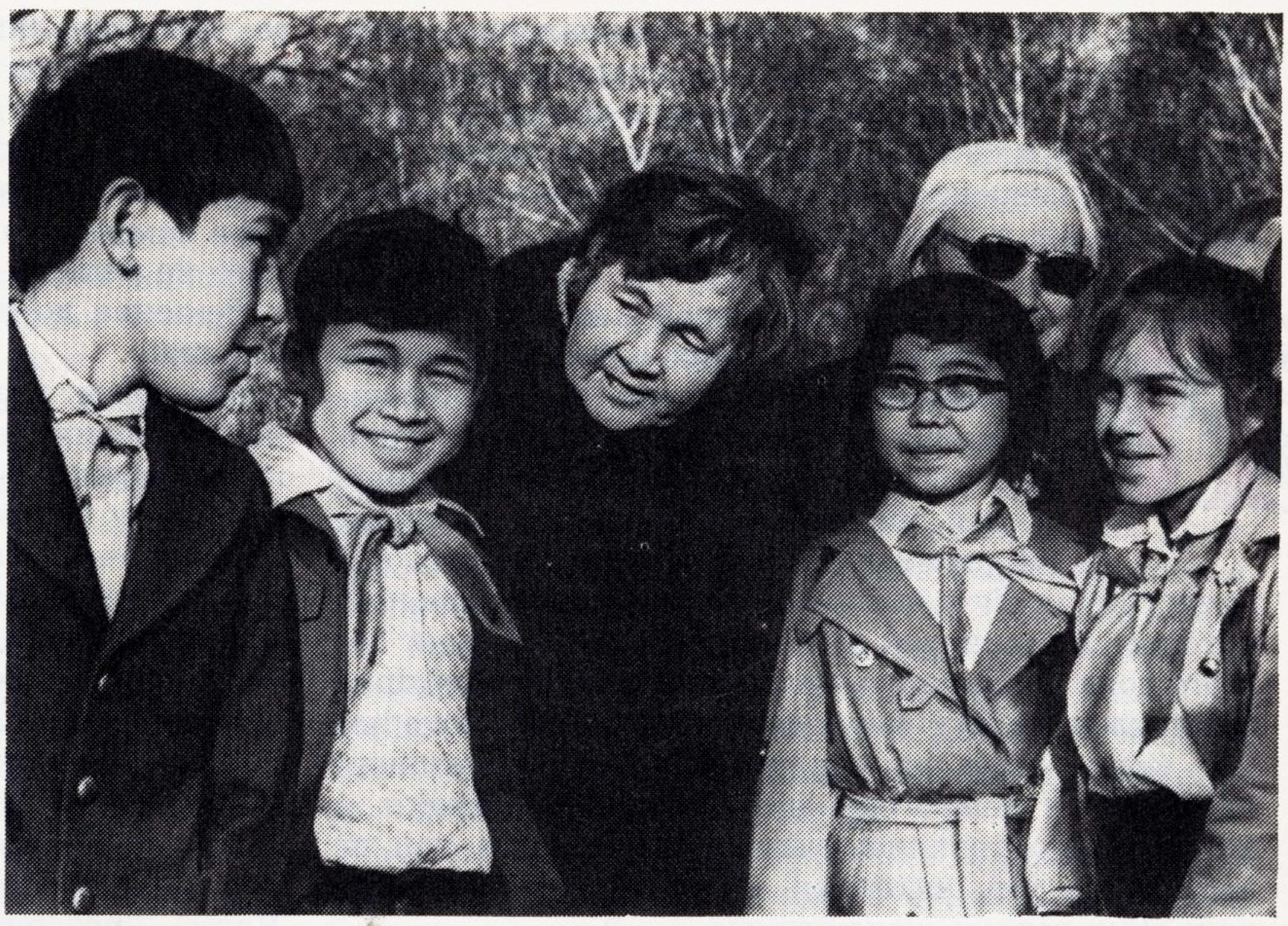
Как бы сделать так, чтобы, несмотря ни на что, мир остался по-детски ненаглядным?..

Как бы сделать?..

Неужели нет ответа?

КОНЕЦ.

Журнал «Пионер» и его многочисленные читатели поздравляют старейшего члена редколлегии, лауреата Государственной премии РСФСР дорогую Марию Павловну Прилежаеву с днем рождения! Счастья Вам и новых творческих свершений.



Время и пространство Марии Прилежаевой

Хорошую книгу нельзя пересказать, как нельзя пересказать живописный портрет или симфонию. Книга не исчерпывается тем, что в ней происходит. Это мир, творимый писателем.

Хорошую книгу вспоминаешь как кусок собственной прожитой жизни: возвращаешься к размышлениям, которые она в тебе вызвала, в душе снова являются чувства, с нею пережитые,— тревога, страдания, радость; встают перед глазами знакомые образы, краски, звучат в ушах знакомые голоса, шумы.

Хорошая книга остается в тебе подобно памяти о городе, где побывал однажды,— с его домами, улицами и переулками, заборами, садами, рекой, голубым небом, отраженным в лужах, оставшихся после ночного дождя, свежим запахом влаги, красной гроздью рябины, легкими палевыми дымами, поднявшимися над трубами.

Два хороших живописца никогда не напишут с одного и того же человека одинаковый портрет, не напишут одинаковый пейзаж, запечатлевая на холсте одну и ту же местность. Каждый видит жизнь вокруг, людей, предметы, природу, события по-своему и передает в творчестве это свое видение.

Положения, характеры, картины, которые высматривает, отбирает в непрерывном потоке жизни Мария Павловна Прилежаева, ее отношение к тому, о чем она пишет, образы, в которых является то, о чем она хочет сказать, создают особый, неповторимый творческий мир, тотчас захватывающий читателя.

Книги Прилежаевой называются: «Удивительный год», «Три недели покоя», «Семиклассницы», «Юность Маши Строговой», «Осень», «Всего несколько дней»... На переплет — заголовком — прорывается нечто особенно важное и дорогое писателю в собственной его книге. Прилежаева любит в одном или немногих словах названия отмечать время, в которое укладывается действие повести.

Время в повестях Прилежаевой наполнено до предела. Пожалуй, сверх предела. «Иной год десяти стоит»,— говорит один из ее героев. В книгах Прилежаевой всякий год становится удивительным — так много открытий, радостных и горьких, совершают ее герои в жизни, о которой, казалось им, немало знали и о которой привычно думали. Да только ли год? Несколько месяцев осени, и три напоенные солнцем июньские недели, и всего несколько дней у Прилежаевой десяти лет стоят.

Героиня «Зеленой ветки мая» — юная учительница Катя узнает из книги об искусстве преподавания, что настоящий педагог обладает особым дарованием: «пониманием положения каждой минуты». Это только кажется, что на уроке ничего не происходит: ученики послушно решают задачки, пишут диктант или слушают рассказ учителя. На самом деле за каждой партой каждую минуту совершаются события огромной важности: люди радуются и страдают, ссорятся и мирятся, ошибаются, находят решение, вспоминают что-то очень нужное. Кому-то в ответственный момент, когда он выходит к доске, вдруг является мысль, которой суждено повлиять на все его будущее.

Среди героев Прилежаевой не случайно много учителей. Мария Павловна сама была учительницей, работала в сельской школе и городской, про-

жила со школой трудные годы становления молодой Советской республики и суровую военную эпоху. Она учитель по призванию и обладает даром понимать и ценить каждую минуту не только как единицу измерения времени, но и как значительный отрезок в жизни человека.

Повести Прилежаевой начинаются с крупных, решающих событий, властно вторгающихся в жизнь героев. Писательница не облегчает трудности, тяготы, страдания, выпадающие на долю людей, иногда на долю одного человека, не спрямляет сложности пути, который предстоит пройти человеку, не упрощает решений, которые приходится ему принимать. В жизни без этого года, стоящего десяти, без напряженнейших, ответственнейших месяцев, недель, дней, которые «до конца след на сердце оставляют», немного обретешь и немногому научишься; мир книги, в котором не отозвались такие годы, месяцы, дни, не даст пищи уму читателя, не тронет его душу, не наполнит сердце сочувствием.

Война, голод, холод, смерть и болезни близких, несправедливость, разрушение семьи, ложь — вот с чем встречаются юные, еще не закаленные опытом, «необстрелянные» герои Прилежаевой, мудрено ли, что из труднейших испытаний они не выходят «чистенькими» и невредимыми, что в поисках решений путаются и обжигаются, делают глупости, впадают в отчаяние, идут ложной дорогой.

Писательница отстаивает для своих героев право на собственный опыт. Опыт дорог, когда он не навязан, а выстрадан.

Антон из повести «Всего несколько дней» пришел в ПТУ не потому, что соблазнился разговорами о преимуществах профессионального образования: умер отец, мать тяжело заболела, он столкнулся с непониманием, лицемерием, подлостью, вдруг показалось, что деваться некуда, к тому же без одного рубля семи копеек в день, которые дает ПТУ, ему теперь не протянуть. Убежденность, что решение принято правильно, начинает укрепляться на последних страницах повести, когда преодолено чувство безысходности и одиночества, когда человеческая гордость побеждает уколы самолюбия, когда вновь обретена вера в людей, когда яснее увиделись замечательные возможности выбранного дела.

И Настя из «Пушкинского вальса» поступила на часовой завод не в порыве восторженного энтузиазма, который звал ее ехать с классом на целину, а вопреки ему; она повернула к заводской проходной оттого, что «жизнь нарушилась», «вышибло из седла на полном скаку».

«Зачем жить?», «Зачем живут люди?», «Что такое цель жизни?», «Смысл жизни в чем?» — в поисках ответа герои Прилежаевой преодолевают тяжкие испытания и находят верный путь. Но человек, однажды задавшись вопросом: «Смысл жизни в чем?», уже не может постоянно не спрашивать себя об этом. Время потому так напряжено, так насыщено в книгах Прилежаевой, что всякая минута, прожитая с думой о смысле и цели жизни, обретает огромный вес и глубину.

«Счастливый конец» в повестях Прилежаевой вовсе не означает, что все сложное и горестное у героя позади, что отныне годы его будут благополучно катиться по ровной, усеянной цветами дороге. Писательница не боится оставить героев на распутье, перед новыми и многими трудностями, но когда человек серьезно и неотступно размышляет, зачем живет на свете, он не бывает несчастлив. «Пушкинский вальс», повесть о Насте, заканчивается замечательными словами: «Она думает: «Ничего не решено в моей жизни». И ей не страшно».

Решение до конца правильно, когда ты принял его сам.

Взрослые герои Прилежаевой вмешиваются в жизнь своих младших товарищей не насилием, не многословным назиданием, а примером. Чехов в статье о путешественнике Пржевальском писал про «доброкачественную заразу подвига». «Подвижники нужны, как солнце»,— писал он: людям, особенно вступающим в жизнь, необходим пример «подвига, веры и ясно осознанной цели».

Воин Великой Отечественной, политрук Спивак из «Семиклассниц», председатель сельсовета Петр Игнатьевич Смородин из «Зеленой ветки мая», старый часовщик из «Пушкинского вальса», директор ПТУ из «Всего несколько дней», дед из «Третьей Вари» — все они и многие другие взрослые герои Прилежаевой живут и действуют в ее повестях, не требуя подражания, но тем, кто живет и действует рядом, хочется подражать им. Они мужественно встречают горе, свое и общее, взваливают на плечи свои и чужие утраты, они не отступают перед силой зла, не сдаются перед обстоятельствами, воюют до победы или гибнут в борьбе с врагами во имя торжества справедливости на Земле. Пример их высокой, чистой жизни помогает людям вокруг поверить в великую Правду Истории.

Человек, в котором воплотилась эта великая Правда,— Ленин. Марии Павловне Прилежаевой посчастливилось написать несколько книг о Ленине. Впрочем, не посчастливилось — писательница завоевала это право неутомимым трудом, пытливым изучением, верностью теме, страстной убежденностью, что эти книги необходимо написать.

Жизнь Ленина, его дела, думы, замыслы безбрежны и глубоки — как океан. Нужно подвижничество — писательский подвиг,— чтобы умом и чувством объять эту громадность, проложить путь в океане, рассказать о Ленине, человеке простом и необыкновенном, борце, вожде, мыслителе, юным читателям, даже читателям маленьким. Нелегко найти слова, достойные великого образа, нелегко передать все величие ленинских идей словами, понятными самому маленькому читателю, нелегко в этих простых словах раскрыть сложность исторической обстановки, в которой действовал, боролся и побеждал Владимир Ильич. Но задача, поставленная перед собой писательницей, прекрасна и необходима: человек должен начинать жизнь с Лениным в душе и помыслах.

Книга «Жизнь Ленина», впервые опубликованная в «Пионере», поражает стремительностью. Но могло ли быть иначе, если каждая минута жизни Ленина вмещает океанские глубины и просторы, а рассказать об этой жизни надо на немногих страницах. Мастерство писателя — когда словам тесно, а мыслям просторно, когда всякое слово, определение, сравнение, образ наполнены смыслом. В стремительности повествования о Ленине мы чувству-

ем движение этих огромных ленинских минут.

Рассказ о недолгом периоде жизни Владимира Ильича между сибирской ссылкой и отъездом за границу, где он продолжал борьбу, наладил выпуск революционной газеты «Искра», занимает в повествовании всего два десятка строк. Считалось, что это «спокойная пора» в жизни Ленина. О «спокойной поре» Мария Павловна Прилежаева написала отдельную повесть — «Три недели покоя». «Покой» по-ленински — это создание новых революционных кружков, организация сети корреспондентов «Искры» и агентов — распространителей газеты в разных городах страны, отыскание средств на ее издание.

В повести «Удивительный год» также говорится о событиях на поверхностный взгляд не «бурной» полосы ленинской жизни: Владимир Ильич в далекой сибирской ссылке; власти и политические противники полагают, что он отстранен от активной деятельности, выключен из борьбы. Но где бы ни был Ленин, он лучше всех чувствует биение пульса живой жизни, зорче всех видит движение Истории.

В повестях «Удивительный год» и «Три недели покоя» рядом с Лениным, его близкими, друзьями, соратниками действуют герои не «исторические» — молодые люди того времени, которых судьба волею непростых обстоятельств свела с Владимиром Ильичем и его окружением, сделала свидетелями его революционной работы и повседневных поступков. В «Удивительном годе» это юноша-рабочий Прохор, в «Трех неделях покоя» — девушка из совершенно другого круга — Лиза, выпускница института благородных девиц. Конечно, писательница тем самым сильно усложнила свою творческую задачу, но избранный ею путь имеет глубокий смысл.

Писательница ясно, глубоко понимает значение жизни и дела Ленина; образ великого человека приобретает в повестях особую объемность, дополнительные штрихи и оттенки, когда рядом с ним оказываются люди, которые впервые узнают о Ленине, впервые встречаются с ним, всматриваются в него, стараются его постичь.

Прохор и Лиза сродни сегодняшним юным героям Прилежаевой. И им приходится пройти суровые испытания, житейские и нравственные, прежде чем задумаются они по-настоящему над смыслом жизни; их ждут новые испытания, но теперь им «не страшно»: после встречи с Владимиром Ильичем смысл жизни для них — следовать ленинскому делу.

Мир книг Марии Павловны Прилежаевой не стал бы таким цельным и убедительным, если бы не был заполнен живыми подробностями, зорко увиденными и очень точно рассказанными. Москва и Петербург, Нижний Новгород и Псков, Шушенское и Кокушкино, другие города, села, деревни, улицы, здания, пристани, базары, обстановка городского дома и крестьянской избы, сельский сход и школьное собрание, ремесла, одежда, особенности поведения — о чем ни пишет писательница, все отмечено достоверностью.

Хотите знать, как в праздничный день ходили старики по улицам Уфы? «...Белые чалмы поверх тюбетеек, ичиги на ногах из козьего хрома, галоши, которые надлежит оставлять у порога мечети. Старики шли молчаливо и, когда здоровались, складывали обе руки, вытягивая в знак приветствия и склоняя смиренно головы».

А знаете, как таскали вещи носильщики на петербургском вокзале? «...По чемодану под мышками, по чемодану в руках». Теперь так не носят: перекидывают на ремне через плечо или катят перед собой в тележке.

И еще. В книгах Марии Павловны Прилежаевой вольно живет природа. Зима и лето. Весна и осень. Стоят леса. Текут реки. Желтеют песчаные откосы. Просторно зеленеют луга. Серебрится листьями раскидистая ветла. Прозрачно зеленеет дуб. Древние осокори с шорохом роняют широкие листья. Поздней осенью как свеча догорает одинокая березка. Радуют глаз золотые жарки и похожие на кошелечки сиреневые и розовые кукушкины сапожки. В половодье зацветает бордовый, с желтой, как солнце, сердцевиной марьин корень. Деревья и цветы все названы по имени.

По свежей пороше пробегает рыжая лисица. Белый заяц мчится между кустами, путая след. Зимняя серая белка мягко перелетает с ветки на ветку. Звенят в саду желтогрудые синицы. Высоко в небе заливаются жаворонки. По черной земле важно расхаживает грач с большим серым клювом.

Даже напряженная и стремительная книга «Жизнь Ленина» наполнена шумом и зеленью деревьев, красками и ароматом цветов, птичьим пением.

«На то и художество, чтобы красоту видней показать», — говорит колхозница, рассматривая картины одного из героев повести «Всего несколько дней», безвременно умершего живописца. «Глядя на его картины, — прибавляет автор, — хотелось улыбаться и жить».

Книга «Жизнь Ленина» заканчивается не смертью вождя, а картиной цветения юных вишен с темно-красными, словно облитыми лаком, гибкими ветками.

Ленин отдал себя будущему.

Жизнь продолжается.

Наша Земля прекрасна.

Герои Прилежаевой ищут смысл жизни, перестраивают себя, чтобы сделать счастливой жизнь всех людей на Земле.

В. ПОРУДОМИНСКИЙ

Рисунки А. БОРИСОВА.

Дом возле поля

Сегодня ты прочитаешь в «Школе умелых хозяев» о картофеле и рисе. Наши корреспонденты побывали на Ярославщине и в Казахстане. И написали о том, как работают ребята на своей родной земле, как помогают взрослым выполнять Продовольственную программу.

* * *

Один человек съедает в год от ста до ста пятидесяти килограммов картофеля.

По калорийности картофель в два раза превышает морковь и в три раза — кочанную капусту.

В мире насчитывается более десяти тысяч сортов риса.

Рис, занимая второе место после пшеницы по площади засевания, превосходит ее в урожайности на десять центнеров с гектара.

* * *

Что можно приготовить из риса и картофеля? А вот что!

Эти начинки используй в пирогах и ватрушках.

Начинка из риса с яйцами

Промой в теплой воде рис. Свари в подсоленной кипящей воде (10—12 стаканов), после варки откинь в сито или дуршлаг, дай стечь воде. Сваренный рис положи в миску, прибавь рубленые крутые яйца, масло, соль, укроп.

На четыре стакана риса 3—4 яйца, 2—3 ложки растительного масла.

Начинка из риса с изюмом

Изюм перебери, 2—3 раза промой в теплой воде. Дай стечь воде. Обсуши салфеткой

Восемь лет назад в ярославском селе Мокеевском — центральной усадьбе совхоза имени Ф. Э. Дзержинского — выстроили новую школу. Строители ушли, а вокруг школы остался пыльный, каменистый пустырь, заваленный битым кирпичом и обломками ржавой арматуры.

Ребята решили — нужен пришкольный участок! Как же без сада и огорода в деревне? Ведь школа — второй дом, а раз дом, то и хозяйство должно быть.

Начали ребята убирать строительный мусор, таскать с полей на участок рыхлую черную землю, по туго натянутому шнуру разбивать грядки, сажать яблони и вишни. И получился у мокеевцев пришкольный участок чудо: красавец, кормилец.

А потом созрело у ребят серьезное деловое предложение: помогать совхозу. Выращивать элитный селекционный картофель для Ярославской области. Совсем новый, какого еще никогда не было на свете... Руководство совхоза сначала сомневалось, но учителя ребят поддержали. Особенно учитель биологии Ангелина Александровна Смирнова. И взрослые в их силы поверили... Так с квадратных метров пришкольного участка школьники шагнули на совхозные гектары.

Совхоз помог ребятам только в первую весну: вспахал поле и посадил картошку, а дальше, пожалуйста, все сами. Как просили.

Пришло лето. Поднялись кудрявые кустики картошки. Школьные бригады пошли вдоль бесконечных, уходящих за горизонт картофельных рядов. Шли и пропалывали картошку. Больные, чахлые, пораженные насекомыми кустики вырывали. Оставляли в земле только сильные и здоровые.

Наступила осень. Собрали урожай. И сели около огромной груды картошки — перебирать. Зимовать в хранилище оставили только самые сочные и крепкие клубни. Остальные — на школьную кухню.

...Прошел год, другой. Через три года получили ребята элитные семена сорта «Зорька». Эти семена — а стоят они недешево — охотно закупили многие хозяйства Ярославщины. Совхоз положил в свою копилку целых сто тысяч рублей! Было это в 1980 году. А в следующем году доход от продажи элитных семян, выращенных школьниками, составил уже более ста пятидесяти тысяч рублей...

Мокеевская школа обжита, уютна. Вокруг нее растет сад и разбиты грядки. Окна классов глядят на поля. Это не просто земля, заросшая разнотравьем. Это земля, на которой весной, летом, осенью трудятся люди: взрослые и школьники. Трудятся и знают цену каждому овощу, каждому зернышку.

Для ребят, которые учатся в Мокеевском, школа — дом родной. Дом возле поля.

Г. ПОТАПОВСКАЯ

Игры с водой

Говорят, человек жив столько времени, сколько жива о нем память людей. Рисовода Ибрая Жахаева нет в живых, но люди не забыли его.

Девяносто весен прожил колхозник из Кзыл-Ординской области Ибрай Жахаев. И почти каждую встречал на рисовой ниве. В нелегкие послевоенные годы звено Ибрая Жахаева выращивало рекордные урожаи: больше ста пятидесяти центнеров с гектара.

У известного рисовода — семь внуков и внучек. Застенчивый, большеглазый Меирбек, бойкая Элеонора, непоседливый Жолдасбек, хрупкая, изящная Бахтыгуль, степенная Мира, задумчивая Гульзира, молчаливый Каирбек. Именно они продолжают любимое дело деда. И все они — одно пионерское рисоводческое звено.

...Мы идем смотреть, как рис растет. Горячий ветер обжигает лица, ворошит песок. Вдали показалось изумрудное поле. Мы идем к нему, как к долгожданному морю. И чем ближе подходим, тем свежее кажется ветер, и степь пахнет по-особому остро, сильно.

Каирбек начинает разговор. Он вспомнил, как первый раз пришли сюда вместе с дедом. «Человек не может жить без воздуха, а рис — без тепла и влаги»,— сказал тогда дед.

Вот оно, поле. Залитое водой, похожее на огромную гигантскую шахматную доску. Земляные валы, напоминающие древние крепостные стены, окружают клеточки-чеки. К каждому чеку тянутся от каналов трубы. А каналы, будто кровеносные сосуды, пронизывают плантации, даруя им жизнь и силу.

— Сначала землю готовят для посева,— говорит Жолдасбек.— В феврале, когда еще зима, в нашей колхозной лаборатории изучают образцы почвы каждого чека. Я сам однажды изучал, в микроскоп смотрел... Потом, весной, поле вспахивают, сорняки уничтожают. В апреле и мае снова пашут землю. Надо, чтобы она прогрелась. И, наконец, высаживают семена. И вот рис начинает расти, а мы вместе со взрослыми его поливаем.

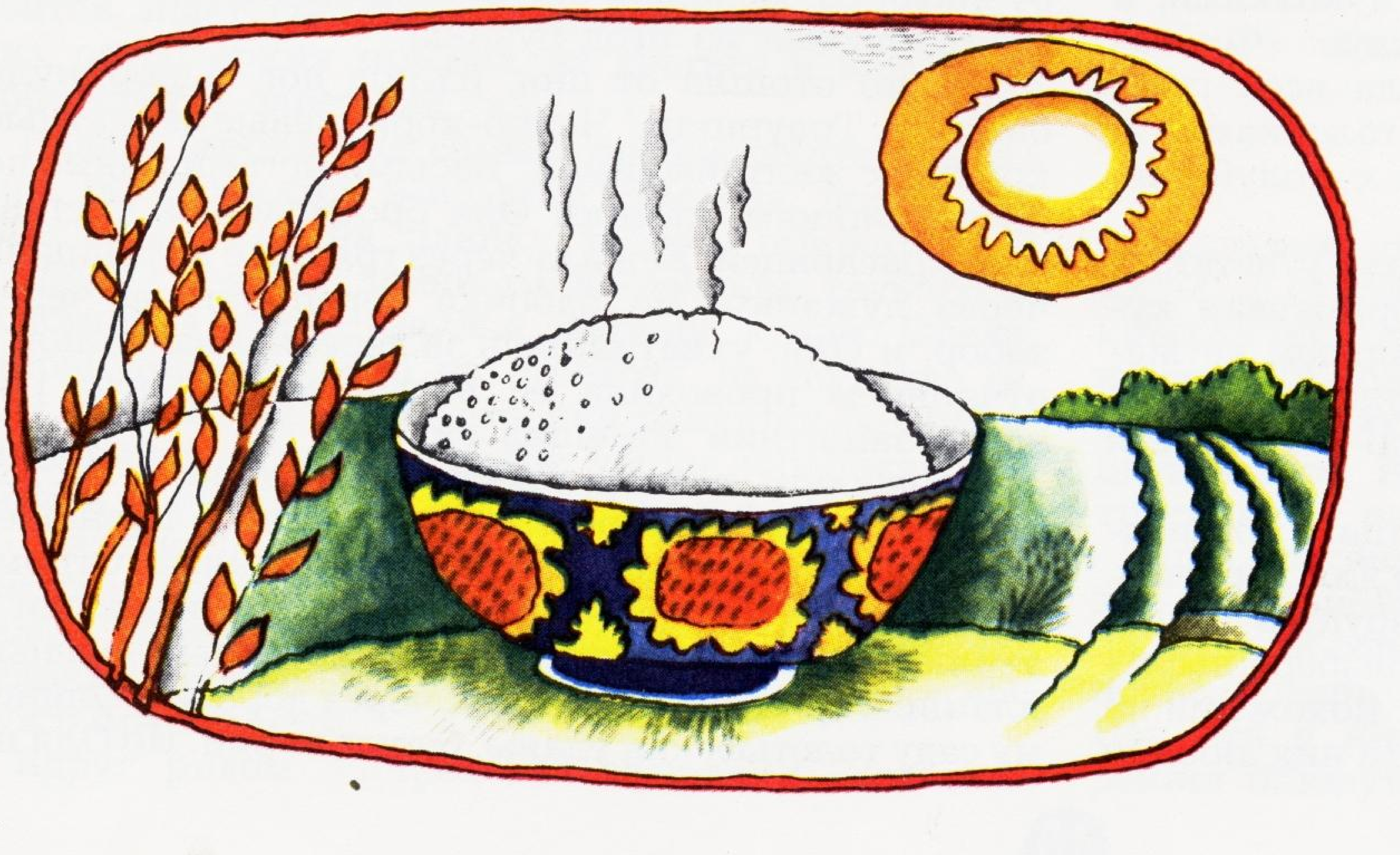
— Вода — она сильная!— В разговор вступает Элеонора.— Я люблю руку в арык опускать. И все время удивляюсь: какая вода живая. Когда рис поливаешь, нужно следить, чтобы сильная вода землю не размывала. Устанавливаем дежурства у водомерных реек. Главное, чтобы рис пил свежую воду. Сухость и стоячая вода — враги риса.

— А я больше всего люблю, когда семена проклевываются,— говорит Гульзира.— Поле тогда похоже на зеленого ежика. Мы в это время поливаем его вовсю. И следим, чтобы уровень воды превысил всходы камыша, просянки и других лишних на рисовом поле трав. Вода губит эти травы, а рис еще пуще колосится.

— А страда — самая лучшая, самая радостная пора,— говорит Бахтыгуль.— Тогда комбайны в поле убирают рис. А за ними идет наше пионерское звено. Серпами срезаем оставшиеся колоски. Каждое зернышко должно достаться людям.

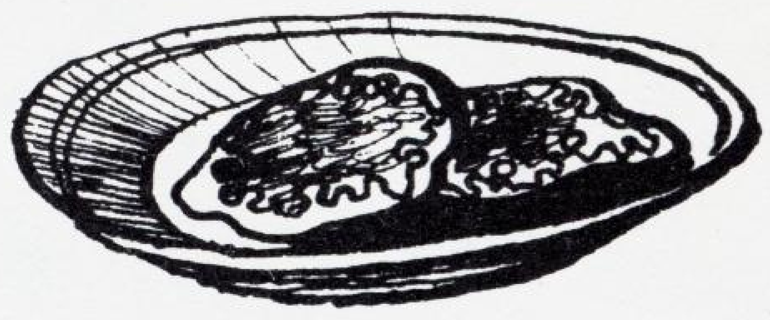
...Дома, в Москве, я варил рисовую кашу. Аккуратно мыл белые зернышки, чтобы ни одно с водой не убежало. Может, эти рисинки с пионерского поля?

А. КУДРЯШОВ



или полотенцем. Смешай с вареным рисом, сахарным песком и маслом.

На 1 стакан риса — 200 граммов изюма, 2—3 столовых ложки сахара, 1,5 столовой ложки растительного масла.



Картофельные оладьи

Очищенный картофель быстро, чтобы не потемнел, измельчи на терке, положи в кастрюлю или миску, добавь дрожжи, разведенные в половине стакана теплой воды, посоли, всыпь муку, добавь одно яйцо. Все это хорошо размешай и поставь в теплое место для подъема. Выпекать оладьи надо в сковородке на сильно разогретом масле, а подавать горячими со сметаной или маслом.

На 500 граммов картофеля полстакана муки, 25 граммов дрожжей, 1 яйцо, 2 столовые ложки растительного масла.

Картофельные пирожные

Картофель отвари, разомни, всыпь муку, крупно нарезанный зеленый лук. Нарежь кубиками шпик. Слепи лепешки, на каждую положи по нескольку кубиков шпика. Лепешки зажарь в сильно разогретом масле до образования золотистой корочки.

На 250 граммов картофеля 1 стакан муки, 60 граммов жирного шпика, 6 столовых ложек растительного масла.

* * *

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!

«Школа умелых хозяев» объявляет конкурс на лучший пришкольный участок!

Ребята! Ждем рассказы о ваших пришкольных участках, дневники наблюдений за овощами, ягодными кустарниками, фруктовыми деревьями, отчеты о помощи совхозам и колхозам.

Победители конкурса будут награждены.

Рисунки А. БОРИСОВА.

Ирма ДЕНИСОВА, Сергей МАТВЕЕВ

СКАРАБЕЙ

Рисунок А. ГРИШИНА.

На ночь бабушка закрывала окна дачи ставнями. Утром солнце отыскивало в них щели и разбрасывало в темной комнате длинные золотые соломины. Одна упала на ресницы девочки и разбудила ее.

Оля встала с кровати бесшумно и на цыпочках подошла к двери. Громко щелкнул ключ. Девочка замерла. Но бабушка лишь пробормотала что-то во сне и повернулась на другой бок. Кровать под ней гулко охнула. Оля шагнула на террасу и разом очутилась в сияющем праздничном мире: ослепительное солнце, душистый от хвои, цветов, трав, полный утренней свежести воздух, восторженный хор птиц, стрекотанье кузнечиков...

Ветерок прошелестел по листьям и алым цветам бобов, пружинисто взбегавшим по натянутым, как струны, бечевкам. Янтарные отблески задрожали на чистом полу, на деревянных столбах, подпиравших крышу террасы. Опаловым светом вспыхнула на столе банка из-под молока и две кружки — значит, отец и дед уехали на электричке в город, на службу. Оля подтянула повыше трусики и, шлепая по теплым половицам босыми ногами, спустилась с крыльца.

Посыпанная песком дорожка бежала от крыльца между пестрыми садовыми цветами к далекой калитке и делила сад на две части. Справа, за соснами, за грядками клубники затаилась пушистая солнечная полянка. Слева, за густыми хмурыми елями, почти у забора лежала большая куча хвороста, обросшая малиной и крапивой. Куда идти?

Поколебавшись, Оля побежала налево. Там, среди хвороста,она еще вчера заприметила куколку, из которой вот-вот выберется бабочка. Оля опасливо пробиралась среди малины и жгучей крапивы к заветному месту. Хотелось увидеть, как вылупится бабочка и какой она будет. Недавно мама нашла у Оли коробку с гусеницами. Оля кормила их листьями и ждала, когда же они станут куколками, а потом — бабочками. Но мама, вскрикнув: «Фу, гадость! Они вредители!» — уничтожила всех гусениц: и зеленых с шоколадными головками, и мохнатых, как ершики, и тех, что с голубыми, словно глазки, пятнами.

Обогнув кучу хвороста, Оля присела у ветки, к которой будто приклеилась буро-коричневая куколка. Девочка бережно тронула пальцем ее жесткую скорлупку и огорченно вздохнула: разве угадаешь, когда лопнет хитиновый, по словам тети Нины, домик?

От кучи хвороста было всего два шага до квадратной ямы, из которой брали песок для дорожек. Оля побаивалась глубокой ямы. Бабушка всегда пугала: «Не ходи туда. Упадешь — не выберешься!» Но рядом с ямой рос большой куст с похожими на белые кружевные зонтики цветами. На них любили отдыхать жуки-бронзовки. Такие красивые золотисто-зеленые бронзовки! Девочка отважно направилась к яме.

Белые цветы пахли так, что кружилась голова. Оля оглядела каждый кружевной зонтик, но бронзовок не нашла. С щекочущим холодком в душе все же заглянула в яму. Желтые песчаные стены отвесно спускались вниз. На одной из них угольно-черный жук. Большой, блестящий и не кусачий! Оля как-то принесла бабушке двух таких, чтобы и она полюбовалась. А бабушка рассердилась: «Это навозники. Брось немедленно! И вымой руки со щеткой и мылом!»...

Жук-навозник, угодивший в яму, деловито карабкался по отвесной песчаной стене, пытаясь выбраться из ловушки. Но вот песок под его лапками начал сыпаться, и желтый ливень сбросил жука вниз, на дно. Оля легла, с любопытством наблюдая за незадачливым жуком. А он, поблескивая антрацитными крыльями, снова полез вверх. Опять посыпался песок. Но жук успел ухватиться за торчащий рядом маленький корешок. Передохнув, пополз вверх. Вот-вот доберется до свисавших с края травинок! Оля схватила прут и столкнула жука. Он упал на спину и долго смешно дрыгал лапками, ерзал по песку, но наконец перевернулся и, удивляя девочку своей настойчивостью, снова полез вверх. Некоторое время они словно соревновались, кто кого переупрямит: Оля сбрасывала жука в яму, а он терпеливо и отважно выбирался из нее. Оле наскучило первой. Она ушла.

Выйдя на дорожку и увидев, что ставни закрыты, она свернула на лужайку. По пути собрала на клумбе опавшие за ночь цветы — обрывать их детям запретили. Собранные цветы и лепестки Оля положила на пенек и накрыла лопухом, решив взять их на обратном пути. Так интересно делать из них маленьких пестрых человечков с зелеными ручками из сосновых хвоинок-двойняшек и с алыми головками из ягод бузины.

Только отошла от пня, из-под ног выпорхнула бабочка. Траурница! Черно-коричневые бархатные крылья с желтой каймой! Босыми ногами прямо по хвое, шишкам, камням Оля бросилась за улетавшей красавицей. Бежала через грядки с клубникой, через лужайку. Но бабочка перепорхнула через забор, и Оля, ухватившись за деревянные колья, с отчаянием проводила ее взглядом. На этот раз забор-защитник помешал ей.

За забором лежала проселочная дорога. Густой лес сбежался и выстроился на противоположной ее стороне, как враждебная рать великанов. Огромные, бугристые, серо-коричневые сапоги вросли в землю, чуть не до земли свисают косматые зеленые плащи. Угрожающе тянутся через дорогу к Олиному саду толстые, как удавы, бурые корни. Но Оля не

Она очутилась в сияющем праздничном мире: ослепительное солнце, душистый от хвои, цветов, трав воздух...

боится, знает: светлый ряд ее защитников в маленьких островерхих шлемах не дрогнет и никого не пропустит в заветный сад...

Рядом, сверкая на солнце прозрачными крыльями, остановилась в воздухе стрекоза, потом, решившись, села на планку забора, прижалась к гладкому дереву длинным кофейным тельцем и подставила узкие крылья жарким лучам. Следя, чтобы тень не упала на стрекозу, не спугнула ее, Оля подкралась и, как створки ракушки-беззубки, захлопнула ладони. Колкие лапки забарахтались внутри, щекоча кожу. Оля села на траву и, медленно раздвинув руки, ловко ухватила стрекозу за жесткие крылья. Стрекоза висела, дергая длинным телом, перебирая в воздухе лапками, разглядывая девочку громадными — каждый вполголовы! — выпуклыми глазами.

Вдруг рядом застрекотал кузнечик. Зеленый, лупоглазый, он сел на высоком стебле перечной мяты и самозабвенно потирал друг о друга и о крылышки голенастые ноги. Стрекотал, не замечая ничего: ни солнца в небе, ни зеленой полянки, по которой стайкой пушистых цыплят разбежались одуванчики, ни сидящей рядом девочки в синих трусиках, с рыжими лохматыми волосами...

Оля протянула правую руку — в левой стрекоза — и двумя пальцами ухватила зеленое, похожее на стручок гороха тельце. Стрекот оборвался. Кузнечик подергался и застыл, лупоглазо таращась. Изо рта у него выступила бурая капля, словно решил плюнуть на все и покориться судьбе.

— Ты, стрекоза, все в небе летаешь, — сказала Оля, — а ты, саранчонок, лишь по земле прыгаешь. Вам пора познакомиться.

Она поднесла насекомых друг к другу. Стрекоза вдруг крепко, как друга-спасителя, обхватила кузнечика лапками. Верхний щиток над ее ртом поднялся, с двух сторон появились черные, как из проволоки, щупики и вцепились в голову лупоглазого музыканта. Проволочные челюсти торопливо зажевали, и ошеломленная Оля не успела спасти беднягу — его зеленая голова исчезла в прожорливой пасти. В выпученных глазах стрекозы остекленела безмятежность, будто крылья ее уже на свободе. Изумление Оли сменилось любопытством: «Неужели целиком съест? Такого большого! А отпущу — улетит или сперва слопает?..»

— Оля! — сердито окликнула бабушка. — Опять ерундой занялась? Выбрось сию минуту! Завтракать идем. Ты умывалась?

Насекомые упали в траву. Оля побрела за бабушкой, так и не узнав, что же предпочла стрекоза — улететь или доесть...

Когда она уже в сарафанчике, умытая, причесанная вышла на террасу, на столе шумел самовар, для которого Оля с сестренкой Нюсей каждый день собирали полную корзину круглых еловых шишек. Пахло дымком. Бабушка разливала чай. Оля села рядом с мамой. Мама недавно вернулась с юга и была непривычно загорелой, будто из шоколада. А зубы белые-белые, глаза синие-синие! На шоколадной шее янтарные бусы. Оля хотела сказать: «Мама, ты красивая, как бабочка-траурница!» — но вовремя передумала и вздохнула: «Мама брезгует насекомыми...»

Напротив Оли сидела тетя Нина, тоже красивая, но белокожая и рыжая. Она кормила Нюсю манной кашей с вареньем. Варенье Нюся слизывала, а кашу норовила обойти стороной.

Посередине стола стоял белый с голубыми цветочками по краю эмалированный тазик, почти полный клубничного варенья. Желтые с черными полосками осы падали на голубые цветы, сползали по краю таза и, как истомленные жаждой, припадали к сладкому красному озеру.

— Боюсь! Тигры прилетели! — жалобно пропищала Нюся и под шумок отодвинула от себя тарелку с манной кашей.

Тетя Нина снова придвинула тарелку к племяннице.

— Нюся, — сказала Оля, проглотив последнюю ложку каши, — я в твои годы не была такой шкодой! — и удивилась, почему все засмеялись.

— На днях Оленька в дом навозников принесла, — сказала бабушка, — от них же зараза!

— Мамочка! — Тетя Нина обняла ее и поцеловала. — В Египте жук-навозник назывался скарабей и считался символом солнца, приносящим счастье. Их берегли, дарили друг другу. Навозник-скарабей — это труженик, полезный санитар в природе.

— Ишь, академик мой! — уже ласково проворчала бабушка и распорядилась: — Пора идти на выборы. Наши мужчины уже заждались.

Оля вспомнила, что сегодня выходной день, значит, отец и дед не уехали на электричке в город. Только собралась спросить, где же они ждут, а тетя Нина и мама торопливо повели ее с Нюсей в комнату. На девочек надели лучшие платья, каждой завязали на макушке пышный, как пион, бант. Мама ярко накрасила губы. Тетя Нина приколола к волосам цветок шиповника, розовый, как ее щеки. А бабушка надела туфли на каблуках и взяла парадный шелковый зонтик. И нарядные, с букетами в руках, все пошли по посыпанной песком дорожке на выборы.

Это было последнее мирное лето.

С 1941 ПО 1945 ГОД ГРОХОТАЛА ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА.

В июне 1946 года солнечным утром Оля, выйдя из электрички, пошла по лесной дороге к даче. Она спешила. Ей казалось, стоит лишь отворить калитку, и она разом очутится в сияющем праздничном мире детства. Она так мечтала об этом все долгие жуткие годы войны! Оля спешила, но в рваные туфли то и дело попадал песок, приходилось вытряхивать его. Наконец сняла туфли и пошла босиком.

Калитки не было. Сохранились лишь два боковых столба. Они торчали, как два последних зуба во рту. Забор тоже исчез. Нет душистых садовых цветов. И посыпанной песком дорожки нет. Вместо нее лентой вытянулась зеленая лужайка. По траве, будто стайка пушистых цыплят, испуганно разбежались одуванчики... Спотыкаясь о толстые, как сытые удавы, корни сосен, Оля побежала к крыльцу.

На крыльце, перебирая клубнику для варенья, любила сидеть бабушка. Теперь уж не сядет на него. Получив похоронки на мужа и старшую дочь, мать Оли и Нюси, грузная старуха начала сохнуть, согнулась, сделалась маленькой, и как-то утром ее не смогли разбудить...

Вместо отмытого всегда до янтарного блеска крыльца Оля увидела сейчас серое, будто оно покрылось пеплом. Ступеньки поломаны. Из щелей фонтанчиками — трава и молодые кустики. Оля оглядела террасу. Серые, пепельные столбы подпирают крышу, и перила серые. С крыши свисают и шевелятся на ветру истлевшие бечевки. Прежде по ним пружинисто взбирались бобы. Прежде среди буйной листвы алели гроздья цветов. И каждый цветок был похож на краснокрылую птичку с зеленым клювом...

Достав ключи, Оля поднялась на террасу. Ключи не понадобились. Дверь с оборванной обивкой распахнута настежь. Этого Оля уже не вынесла. Она бросилась бежать в самый глухой уголок сада, чтобы выплакаться.

В зарослях крапивы желтела квадратная яма. Яма, которой Олю и Нюсю пугали в детстве, оказалась неглубокой. И сейчас она, на удивление, выглядела свежей. Недавно кто-то брал из нее песок — желтый ручеек тянулся к соседнему участку.

Оля спрыгнула в яму. Наклонилась, провела рукой по отвесной стене — зашуршали золотистые струйки. По соседней стене, антрацитно поблескивая крыльями, деловито карабкался черный жук. Оля присела, наблюдая за ним. Жук выбирался из ямы. Но вот песок под его лапками подался, и желтый ливень смыл жука на дно. Он высвободился из-под песка и снова отважно пополз по зыбкой отвесной стене. «Навозник! Фу, гадость!» — вскрикивала мама. «Брось его и вымой руки!» — приказывала бабушка. Никогда больше так не скажут. Ничего не скажут... Навозник. Скарабей. Падает!.. Оля подставила ладонь. Жук шлепнулся в нее, мигом перевернулся и, щекоча лапками, побежал по руке. Оля положила руку на траву. Жук перебрался с пальца на землю и убежал по каким-то своим важным делам.

Оля выбралась из ямы, стряхнула с ладоней песок и быстрым, деловитым шагом направилась к даче, чтобы хоть как-то прибрать ее к приезду тети Нины и Нюси.

ДИСКУССИОННЫЙ ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ

«За» и «против»

Сегодня в нашем дискуссионном клубе ведут разговор читатели «Пионера» и журналист Ирина Петровна ВЕЧНАЯ. Ты тоже можешь принять участие в споре, если напишешь нам письмо.

Вика с «Никой»,

или о том, что значат в нашей жизни вещи

Приходят письма

Из Кустаная к нам пришло письмо от Лены Василенко:

«Я учусь в седьмом классе. Учусь хорошо. Со мной дружат многие девочки. Но расскажу о Вике, которая дружить со мной не хочет. Я давно замечала, что, когда мы идем в кино или театр, она стесняется меня, сторонится. Вика очень любит одеваться в дорогие импортные вещи, хотя и неряха. Вика говорит: «Мне стыдно ходить с тобой, ты носишь все время одно и то же!» — и на каждом шагу делает мне пакости. А мне стыдно ходить с ней, потому что она слишком хорошо одевается».

Вспыхнул конфликт в одном седьмом классе города Ангарска. Оттуда пишут:

«Возвращаясь со стадиона на трамвае, Игорь и Вадя помогли пожилой женщине выйти из вагона и донесли ее тяжелые сумки до дома. На следующий день, в школе, одноклассники, ехавшие в том же трамвае, обсмеяли ребят. Говорили, что это сейчас не в моде и что главное сейчас — иметь японский магнитофон и «фирменные» джинсы».

Письма похожи. Тут и там — раболепие перед вещами, фирменной наклейкой и дрянное, высокомерное поведение. Как две стороны одной медали. Это заметили и ребята из села Приишимское Карагандинской области.

«Наш класс разделился на две команды, — сообщает восьмиклассница Ирина Кунц. — В одной — те, кто очень красиво одевается, имеет дорогие вещи в доме. В другой — четыре девочки (в том числе и я) и пять мальчиков, они одеваются скромно, но зато все справедливые и дружные. Мы с той командой поссорились еще в 7-м классе, потому что они сильно задирают нос и хотят везде командовать, а нам это не нравится».

Почему возник конфликт? Может, виноваты те, кто «сильно задирает нос»? Или «скромная команда» чересчур упряма?

«Они завидуют! — уверяет нас восьмиклассница Ольга Д. из Воронежа. — Когда я первый раз появилась в классе (это было три года назад), мальчишки смотрели на меня как заколдованные, а девочки разглядывали, во что я одета и обута... Стоило мне прийти на вечер (в 7-м классе), все девочки «попадали»... Некоторые меня возненавидели. Они завидовали тому, что я жила за границей, что папа и мама «большие начальники», что у нас свой дом, в котором у меня отдельная комната. «Пионер», помоги мне убедить их, что зависть — это порок!»

Ольга совершенно уверена, что она права, а усовестить, убедить нужно тех, кто с ней не согласен.

Что же думаем мы?

Что считаешь ты, наш читатель?

Своих чувств не стыдись

Что ты ценишь в вещах, которыми пользуешься? Наверное, не только деньги, уплаченные за них в магазине. Любимая старая кукла, потрепанная книжка могут быть тебе дороже всех сокровищ. Это знает любой малыш.

Взрослея, ты начинаешь уважать вещи за вложенный в них труд. Ты уже понимаешь, как они делаются, сколько людей над ними работало, какие понадобились для этого усилия, знания, навыки, инструменты, машины. Ты стараешься аккуратно обращаться с вещами, чтобы случайно не поломать, не испачкать, не разбить. Особенно, если вещи не твои собственные, а **общие.**

Бывают вещи, достойные восхищения, если их изготовил талантливый мастер. А какую радость и гордость вызывают вещи, сделанные твоими руками, полученные в награду, купленные на твои первые заработанные деньги! И поистине бесценны вещи, хранящие память: гусиное перо, которым писал сам Пушкин, — оно принадлежит истории, или часы твоего дедушки, погибшего на войне, — ваша семейная реликвия.

Однако больше всего ты общаешься с вещами, просто необходимыми. Платье, постель, стол, посуда, тетради — без них не обойтись. Число необходимых вещей ограничено. Не будешь же ты сидеть сразу на двух стульях или учить урок по двум одинаковым учебникам географии! Вещи стареют и изнашиваются, их заменяют новые. Со старыми мы обычно легко расстаемся. Но если вдруг тебе будет жалко выбрасывать драные кеды, в которых ты пробегал такое счастливое лето, — своей грусти не стыдись. Это похоже на привязанность к другу — хорошее чувство.

Кое-что про моду

Есть люди, в доме которых вещи потеряли разумную ценность. Угрюмо выстроились на полках ни разу не раскрытые книги. Пылятся горные лыжи, проекторы, кинокамера. Хозяин, вялый и никчемный, не утратил интереса только к самым новым вещам. Эту страсть подогревает **мода.**

Разумеется, ты, наш читатель, из-за моды, каких-то там штанов из вельвета, в лепешку не расшибешься. Но и за модой все же следишь. И ничего в этом дурного нет. Если, конечно, увлечение

модой занимает не главное место в твоей жизни.

Мода, как ты понимаешь, самих вещей не создает. Новые вещи, те же магнитофоны, дает нам производство в союзе с наукой и техникой. Мода только оформляет и рекламирует новые обиходные вещи. И лица времени, равно как и лица человека, не выражает. Иначе все люди были бы как манекены.

Иное дело — отношение к моде. Тут кое-что можно узнать о человеке.

Вещи, «добытые» на показ и похвальбу, вещи, которыми не пользуются, свой смысл, изначальную разумную ценность утрачивают. Смешно и жалко выглядят подростки, надевшие нелепые у нас, а порой неприличные рекламные заграничные майки и футболки. Один парень бездумно носил даже военную форменную рубашку иностранного легионера — наемного убийцы. Сестренка сделала брату подарок: связала шапочку расцветки американского флага. Прохожий посмеялся, парень покраснел, как рак, сорвал с головы злополучную шапку и засунул в карман. Понял!

К моде, особенно заграничной, следует относиться трезво. Критически. Выбирать только то, что подходит и нужно тебе.

Недавно мсье Дюкре, директор знаменитой французской фирмы «Диор», открыл один секрет сотворения моды. В торговых кругах речь шла о флакончике туалетной воды для мужчин под названием «Жюль». «Когда «Жюль» появился на свет,— рассказывает мсье Дюкре,— «Диор» не пустил его на прилавок — было решено сначала подготовить мужское «общественное мнение». Два года имя «Жюль» и его «портрет» — плечистый мужчина в темной куртке и светлых брюках спортивного покроя — мелькали по страницам популярных журналов, украшали салфетки, зонтики, куртки и яхты. Слово «Жюль» красовалось на капотах автомобилей, выигравших знаменитое ралли в Африке и гонки в Ле Мане. «Жюль» (точнее, спортсмен, облаченный в его одежды) прыгал с парашютом, целая эскадра «Жюлей» искусно маневрировала виндсерфингами. Так «Диор» лепил образ некоего мужественного человека по имени Жюль. Когда, наконец, одинаково украшенные флакончики с туалетной водой появились в продаже, парфюмерные магазины «Диора» подверглись массовой атаке: спрос вырос на четыреста процентов!»

Любопытно, что мсье Дюкре, отвечая на вопрос, пользуется ли он сам парфюмерной новинкой, дал понять, что считает себя умным человеком: «Во взглядах на моду я консервативен. Не люблю менять старых привычек».

А теперь слово за тобой, читатель. Напиши нам, как ты относишься к моде.

Ценишь ли ты модную одежду? И за что?

Совпадают ли твои взгляды на моду со взглядами родителей?

Выставляться неприлично!

Вернемся теперь к началу нашего разговора — письмам. Вспомним, что произошло в Ангарске, и немного пофантазируем, поставив себя на место надменных поклонников джинсов.

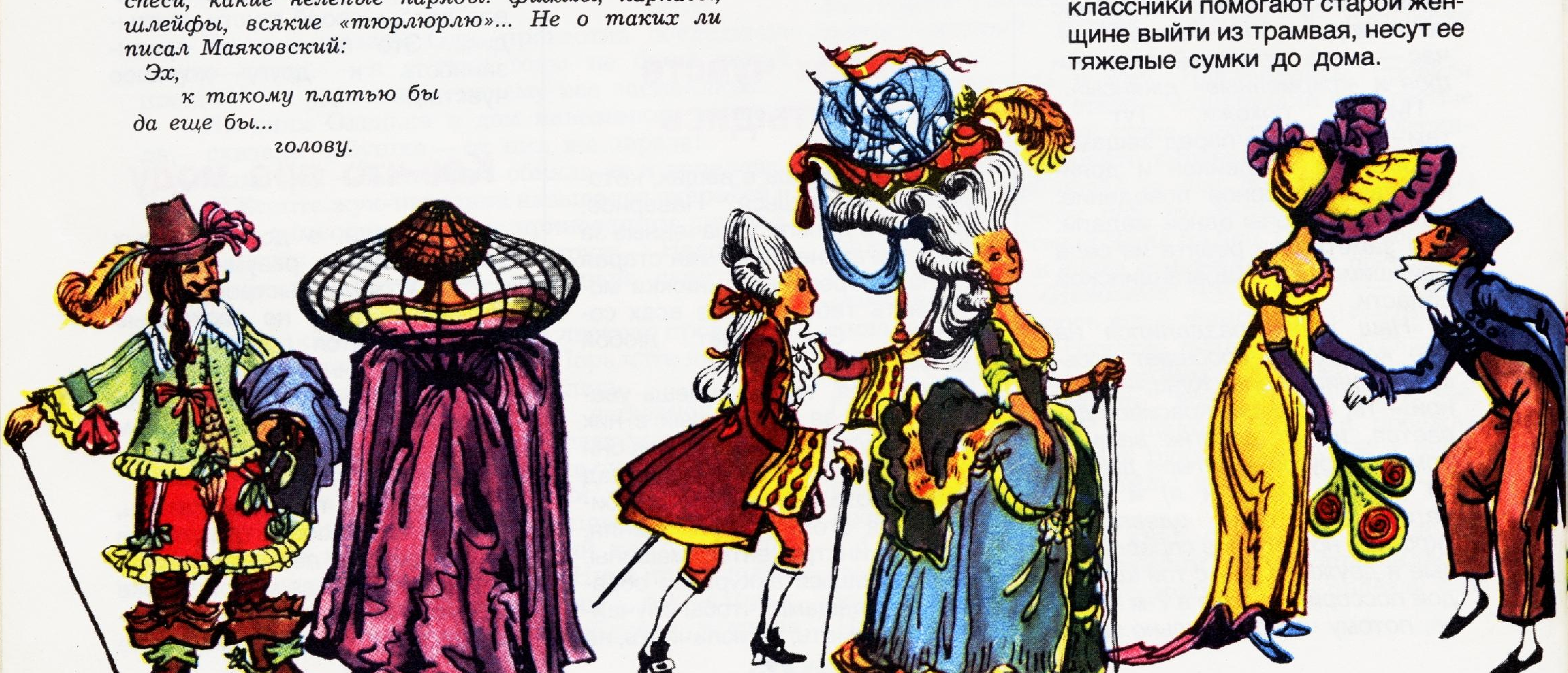
Какую цель они преследуют? «Чтобы все, как у людей»? «Чтобы не хуже соседей»? «Чтобы лучше других»? «Чтоб не как у всех?»

Быть не хуже, быть лучше — желание естественное и похвальное. Но только если **быть**, а не **казаться** с помощью вещей. Казаться все равно что обманывать. Отсюда такие черты характера, как самонадеянность, хвастовство, зазнайство, кичливость. Кстати, последнее слово происходит от «кички», или «кики», — старинного женского головного убора наподобие высокого кокошника с «рогами». Кичиться — то есть надеть «кику», прибавить себе на голову росту, казаться выше.

Надевая «кику», то бишь джинсы с наклейкой, выставляя напоказ японский магнитофон, подростки уже как бы не видят окружающих (как бы!). Остальные люди вертятся где-то там, внизу. Можно походя пнуть ногой чью-то тяжелую сумку, загородившую в трамвае проход. Лениво огрызнуться на упрек пожилой пассажирки. Но вот беда: окружающие «их высочеств» не замечают. Больше того: одноклассники помогают старой женщине выйти из трамвая, несут ее тяжелые сумки до дома.

Этих кичливых модников и франтих художник собрал из разных столетий. Смотри, сколько в них спеси, какие нелепые наряды: фижмы, каркасы, шлейфы, всякие «тюрлюрлю»... Не о таких ли писал Маяковский:

Эх,
к такому платью бы
да еще бы...
голову.



Ангарские «высочества» были чувствительно задеты. Кто-то другой оказался на высоте. Не они. Что ж! Есть еще способ возвысить самих себя, недозволенный способ — унизить других. И в классе вспыхивает ссора — ребята-рыцари высмеяны за «отставание от моды».

Ходит в «кике» и Вика из Кустаная. Хочет казаться лучше, выше, чем есть. Самозваное «высочество», судя по всему, тоже не находит признания.

Лена, обиженная Викой, негодует в письме: «Мне стыдно ходить с ней потому, что она слишком хорошо одевается». Стыдно за Вику, а самой больно. Потому что всякое оскорбление — душевное потрясение, рана.

Еще более кичлива Ольга Д. из города Воронежа. Себя она видит в сияющем ореоле вещей. И кажется себе недосягаемой: «Девочки «попадали», «Мальчики смотрели как заколдованные...» Читать стыдно. Не внушали Оле, что заслуг личных у нее пока нет. И права нет на особое материальное благополучие. Успехи ее в общем мизерны. Но Ольга смотрит на товарищей свысока. И разрешает себе приемы, называемые в спорте недозволенными.

Девочки невзлюбили ее. Как пощечина летит в их адрес недозволенный приемчик. «Они завидуют всему, всему, всему!» — топает ножкой раздраженное «высочество».

Но, как ни странно на первый взгляд, зависть — свойство именно «высочеств». Не удивлюсь, если узнаю, что Ольга завистлива. А девочки, которым она не нравится, видно, просто поумнели и поняли: не все то золото, что блестит.

«Примадонн» и выскочек в обществе не любят. Рано или поздно Ольга на горьком опыте это поймет. Если не найдет в себе силы отказаться от тщеславия и привычки выставлять напоказ незаслуженные привилегии.

Стыдно кичиться даже тем, чего ты достиг своим трудом. Ученый не хвалится знаниями и ведет разговор так, чтобы даже невзначай не унизить собеседника. Спортсмен не поигрывает бицепсами у постели больного. Добрый не ждет награды. Ибо, гласит восточная мудрость, истинная добродетель не нуждается в славе.

Есть великое искусство общения людей, именуемое **тактом**. Тактично ведет себя человек душевно развитой, воспитанный. Он всегда думает о чувствах окружающих. Он мало говорит о себе. И неброско одевается, чтобы не задеть чужого самолюбия.

«Я знаю,— пишет шестиклассница из Москвы Ксеня Шитова,— что вещи, купленные нам, детям, дорого стоят родителям. Для того, чтобы купить нам какую-нибудь вещь, родители должны работать целый день, а может, и два. И поэтому я с вещами обращаюсь как можно бережней, а с чужими тем более. Некоторые вещи доставляют мне радость. Но я считаю, что хвастать вещью неприлично. Если ты гордишься той или иной вещью, то держи свои чувства при себе, а не дразни товарища. Это мое мнение!»

Что хранишь ты — то пропало

Дружили в городе Волжском три девочки: Ира, Валя и Таня. Давно дружили, вместе учились, и все было хорошо. А в шестом классе двое из них поссорились с Валей. *«Поссорились потому,— пишут Ира Бондаренко и Таня Смирнова,— что судит она людей не по поступкам и характеру, а по тому, как человек питается, есть ли у него в доме мебельная стенка, есть ли тюль на окнах и красив ли он внешне. Теперь в нашем классе никто не имеет с Валей хороших отношений».*

Стенка, тюль, пища — до чего скучное, убогое представление о достойной жизни! Именно таков он, потребительский идеал. Не Валя его придумала. И не ее родственники. Накоплением вещей отличались и гоголевские помещики, купцы и чиновники в пьесах драматурга Островского, мещане из книг Горького. Мещанские суждения о людях, которым Валю, видимо, кто-то дома научил, отгородили девочку от товарищей в классе. Думаю, что в школе ей ох как несладко! Весьма возможно, это заставит Валю изменить свои ошибочные оценки, взятые из чужих, «взрослых» разговоров.

Семиклассница из башкирской деревни Давлетово Венера Каракаева сообщает в письме весьма неприглядный факт:

«У меня есть немецкая подруга Катрин. Я переписываюсь с ней с той поры, как начала изучать немецкий язык. Я очень люблю Катрин и пишу ей в своих письмах о наших пионерских делах. Она мне тоже пишет много интересного. Еще многие ребята из нашего отряда ведут переписку с зарубежными сверстниками. Они тоже любят их. И вот однажды я решила поделиться радостью с подругой, показала ей письмо, которое я получила от Катрин. Я протянула ей конверт. Она взяла его, вынула письмо и сказала: «Здесь же ничего нет!».

Я удивилась — письмо было у нее в руках. Я только хотела сказать ей об этом, но она вдруг прибавила: «Тебе плохая немка попалась, ничего не присылает». Меня это очень оскорбило. Я не понимаю, как можно дружить с человеком только из-за каких-то вещей?»

Да, как можно? Дружба — и маленький расчетец! Сколько в этом расчетце низких побуждений: ложь, обман доверия, попрошайничество, жадность! Девчонка этого пока не понимает. Не понимает, что своей корыстью (а ведь, верно, и она получает заграничные письма) пятнает честь не только своего отряда, но и всех советских пионеров в глазах ребят за рубежом.

Тот, кто жаден к вещам, духовно себя обкрадывает. Чем больше он приобрел, тем больше потерял. Вещисты любят хвалиться, дескать, вот как они «умеют жить». А жить они как раз не умеют. Много ль радости, когда ты отгородился от людей и одно только знаешь — потреблять? Люди не острова в океане. Общение — это и есть жизнь всех и каждого. Наша радость — во взаимном понимании и взаимной помощи, умении быть нужным, полезным людям. Приятнее сделать подарок, нежели получить его, защитить слабого, чем самому быть под защитой. Отдавая, ты душевно светлеешь, делаешься красивым в своих глазах и глазах окружающих.

Наш нравственный принцип «один за всех и все за одного» заложен глубоко в природе человека. Это закон самой жизни. Мудро выразил эту истину грузинский поэт Шота Руставели:

«Что хранишь ты — то пропало.

Что ты отдал — то твое».

Птицы летают налегке

Мне вспомнилась бригада «Ух!» — двадцать две москвички-комсомолки с Антоновской площадки. Так называлось место в Западной Сибири, где начинал расти металлургический гигант. Здесь недавние школьницы из Москвы стали штукатурами. Озорные, веселые, они не пели, только когда спали. Начали с «колышка», с «нуля». Какие трудности они одолевали! Как уставали, копая траншею теплотрассы — прораб эту работу им запретил, сами настояли — и сделали.

«Тут так хорошо! — восхищались девушки.— Сопки, простор! И одеваться можно свободно. Вещи не вяжут тебя по рукам и ногам».

Эти девушки умели строить и учиться, проводить комсомольские рейды и выступать на больших собраниях, танцевать на карнавале и печь пирожные. В рабочих брюках, ковбойках и куртках, с брызгами раствора на щеках, они все выглядели прекрасными...

Начало жизни может быть иным. Дорог много. Одно помни: птицы летают налегке. С потребительскими ухватками от земли не оторвешься. А ты, конечно, мечтаешь о звездах. Вот по ним и выверяй свой путь, а не по кочкам. Так, как написала в своем стихотворении Марина Рябкина из Арзамаса:

Жизнь твоя...
Легла дорога нитью.
Значит, ты по праву
капитан.
Что же, будь готов
(твое отплытье!)
Пересечь свой Тихий океан.
Быть за все — и за себя!—
в ответе.
Быть в ответе —
так труднее жить.
Выбор — вот что главное
на свете.
Верный курс сумеешь
проложить?
Нет, не график, нет,
не расписанье,
А всего лишь линию одну,
Чтоб душа твоя была
кристальной,
Чтобы совесть не пошла
ко дну.
Чтоб открыто мог смотреть
на звезды
И по звездам выверять
свой путь

Присылая эти стихи, Марина Рябкина прощалась с журналом «Пионер». Мы написали ей теплое письмо и вскоре получили ответ:

«Ваше письмо пришло в тот самый день, когда я получила паспорт. Сегодня на вечере прозвучало в наш адрес немало добрых слов. И ваше письмо, сразу после вечера, обрадовало меня, как никогда... Об этом трудно говорить, писать еще труднее. Я постараюсь «так держать», как завещает нам старшее поколение. Спасибо!

Марина».

А ты, читатель, как ты относишься к вещам? А к людям, которые выбирают друзей не за ум, способности и характер, а за множество дорогих и модных вещей?

Какие вещи ты считаешь для себя необходимыми?

Напиши нам. Включайся в наш разговор!

Рисунки Д. БАРАБАША.

С. БОГАТЫРЕВА

„Офтоби ман" в зените

До свадьбы заживет...

Она все-таки отбила мяч, но на ногах не удержалась и растянулась на жесткой, выжженной майским солнцем земле. Упала на руку, да так больно, что громко и горько охнула.

— Ударилась? Сильно? — зашумели, захлопотали девочки. Мусаллам неловко поднялась и ушла в дом, не оборачиваясь и не отвечая: боялась заплакать в голос. Девочки на ее молчание обиделись и за ней не пошли.

К вечеру рука раздулась и посинела. Под узорным шелковым рукавом ничего видно не было, но маму разве обманешь? Кончилось тем, чего и боялась Мусаллам: мама отвела ее в больницу.

— До свадьбы заживет,— весело пообещал доктор. Доктор был русский и пошутил он по-русски: так его самого утешали в детстве, когда случалось разбить коленку. Но Мусаллам поняла слова доктора буквально и ужаснулась:

— Мне нельзя до свадьбы! Мне надо в тот понедельник! В понедельник «Офтоби ман»! — и перевела для доктора: — «Офтоби ман» — «Солнце мое».

— Солнце у нас каждый день, что в понедельник, что в среду, не знаешь, куда и спрятаться... Не горюй, хватит нам с тобой солнышка! — Доктор повернулся к маме и стал объяснять, как лечить дочку.

Этого Мусаллам слушать не стала: рука, крепко схваченная гипсом, больше не болела, мама не сердилась — все страшное было позади. Но и впереди не было радости: Мусаллам сломала правую руку и теперь не сможет участвовать в конкурсе «Офтоби ман». «Вот чудак,— удивилась она, вспомнив слова доктора,— думает, «Офтоби ман» — это обычное солнце...»

Что же такое — «Офтоби ман»?

Доктор не был чудаком — он был очень занятым человеком. Каждый день с утра до вечера вели к нему тех, кто свалился с крыши, куда полез загорать, сверзился с дерева, когда срывал орехи, напоролся на гвоздь, наступил на змею, пережарился на солнце, перекупался в озере или сильно пострадал в честной мальчишеской драке. Доктору приходилось заниматься детскими бедами. Участвовать в детских радостях у него просто времени не хватало.

«Офтоби ман» — это большая радость в жизни душанбинских ребят: конкурс «Рисунок на асфальте».

Бывает он раз в году, в самом начале каникул, когда солнце («офтоби») сияет вовсю, но еще не печет нещадно, когда занятия в школах окончились, но ребята еще не успели разъехаться на каникулы, когда весь мир отмечает День защиты детей, короче говоря, 1 июня.

Каждый, кто любит рисовать, может в этот день прийти на одну из площадей города Душанбе, которая 1 июня отдана во власть ребят. Каждому отведут квадратный клочок асфальта на просторной площади, каждому вручат новенькую коробочку с цветными мелками. Играет духовой оркестр (какой же праздник без музыки?), высокое жюри (какой же конкурс без жюри?) занимает места за столами, расставленными прямо под открытым небом. Художник Рашид Абдурашитов, лауреат премии Ленинского комсомола Таджикистана, объявляет конкурс открытым и напоминает ребятам, что рисовать можно все, что хочешь и как хочешь: свой город или поселок, школу, друзей, маму и папу, себя самого, поля и улицы, игры, зверей и птиц, картинки к прочитанным книгам... Можно пользоваться углем и акварельными красками, если принес их с собой, можно работать вдвоем или втроем над одним рисунком. Об одном только деликатно просит художник: не копировать, не повторять то, что видел на плакате, на открытке или на картинке в книжке. Единственное условие конкурса — РИСОВАТЬ НАДО СВОЕ, РИСОВАТЬ НАДО ПО-СВОЕМУ.

Талант в подарок

На площади сейчас прохладно: солнышко придет сюда через час с лишним, к тому времени ребята закончат рисовать, спрячутся в тени соседнего сквера. Зато солнце ярко осветит их работы, хорошо будет их рассматривать. Жарко? Что верно, то верно, члены жюри помнят об этом, да не больно себя жалеют.

Ты знаешь, наверное, когда в твоей жизни происходит что-то хорошее — поход, самодеятельный спектакль, елка, веселый день рождения,— за этим детским праздником всегда стоит кто-то из взрослых. Человек, который знает, что тебе нужно, который не жалеет сил и времени на тебя и твоих ровесников и которому с вами по-настоящему интересно.

«Офтоби ман» — дело рук душанбинских художников. Эти прекрасные, серьезные люди много и охотно общаются с ребятами.

Помнишь сказку про добрую фею, подарившую ребенку талант на счастье? Художники из Таджикистана, должно быть, начитались в детстве волшебных сказок и сами научились дарить талант, вернее, открывать его в ребятах. Вышелушивать, как горошину из стручка.

— Художнику важно знать детское творчество,— говорит Рашид Абдурашитов.— Дети интересно подходят к изображению предметов, неожиданно видят цвет. Уверен, что дружба больших художников с маленькими нужна и тем, и другим.

Вячеслав Петрович Фомин — художник, график, режиссер, а кроме того, член Всесоюзной и председатель Таджикской комиссии по эстетическому воспитанию детей — кого угодно может убедить в том, что бесталанных людей вообще не бывает. «Рисовать может каждый,— считает Вячеслав Фомин,— только языку рисования, как и любому другому, надо учить с детства, учить всех подряд». Свою теорию он готов без устали проводить в жизнь: разработал программу эстетического воспитания школьников с первого класса по десятый.

А Светлана Франк, молодой художник, занимается даже с теми, кто еще в школе не учится. Сейчас они старательно водят мелками по своим квадратам, а Светлана, ни словом, ни жестом им не помогая,— состязание должно быть честным! — внимательно и ревниво следит за тем, что у них получается. Спроси у нее: «Кто лучше рисует?» — ответит убежденно: «Все». Спроси: «Кто из них самый способный?» — пожмет в ответ плечами: — «Каждый по-своему».

Маргарита Леонидовна Мелик-Саядян (она работает в Правлении Союза художников Таджикистана) выставки детских рисунков готовит так же серьезно и тщательно, как выставки профессионалов. Ребячьи картины путешествуют по школам города, ездят за границу, постоянно украшают залы Союза художников. Зимой устроили там огромную выставку детских рисунков — 700 работ!

В разное время занимались с душанбинскими ребятами художники Любовь Оборина, Убайдулло Раджабов, Лидия Ангелова, Мирзо Мирзоев, Светлана Хушматова...

Куда ишак не дойдет, туда самолет долетит

«Офтоби ман» — конкурс республиканский, в нем не только душанбинские ребята участвуют. А как быть, если живешь ты высоко в горах, откуда в столицу республики путь один — по воздуху, на верном и надежном «ЯКе»? Раньше в дорогу пускались верхом на ишаке, но в наше время кто же считает ишака транспортом?.. Конечно, надо лететь! Но если в последний момент набежит дымка и погоду объявят нелетной? Вот тут неизвестно, что делать, потому что на машине ехать долго, а верхом вообще невозможно: мама ни за что не отпустит.

В семь утра изостудия с высокогорного озера Куль в полном составе явилась на местный аэродром. Билеты были заказаны давно, чуть не за целую неделю. Аэродром от поселка недалеко, ребята каждый день бегали сюда: проверяли, не потерялся ли заказ. Диспетчер знал их в лицо. Каждый день он улыбался им и говорил: «Хоп». «Хоп» значит «хорошо», «порядок», мол, «все нормально». Но сегодня диспетчер встретил их хмуро, в глаза не глядел, а сказал, что метеосводка неважная, обещают грозу и «ЯК» в рейс пока не выпускают.

Ребята — 11 человек — и учитель рисования сидели прямо на летном поле, смотрели в небо и старались не смотреть на часы. Потому что время шло, и стрелки, сколько от них ни отворачивайся, ползли и ползли к девяти. Это значило, что другие мальчики и девочки — только не они! — собранные и торжественные, приближаются сейчас к площади возле Оперного театра. Вот-вот настанет минута, когда всем — только не им! — дадут запечатанные коробочки со скрипучими мелками и красивые эмблемы участников. Тишина воцарится на площади. И все — только не они! — сосредоточенно и торжественно проведут первую черту по асфальту.

Горы, цветы и космонавты

Тишина воцарилась на площади. Первые линии давно проведены. Теперь можно понять, кто что хочет изобразить, какой у кого замысел.

Лиловые горы, зеленые деревья, коричневая земля, синяя вода в арыке, фигурки людей...

— Что ты рисуешь, Джамиля?

— Хлопковое поле,— отвечает Джамиля Мурадова, серьезная, строгая девочка, сама под стать своему рисунку, такая же яркая и нарядная: пестрое платьице, расшитая зеленая косынка, много-много черных косичек.

Космонавт покинул звездолет, сделал первые шаги по неизвестной планете. Над ним сияют кольца Сатурна. Рустам Меликов берет зеленый мелок и зажигает в чужом небе, зловещем и фантастическом, ясный зеленый огонек: нашу далекую землю.

Сестры-двойняшки Ирина и Марина Ерошкины, шестиклассницы из Орджоникидзеабада, рисуют, друг на друга не глядя, пейзажи, похожие, словно сами художницы: огромные цветы и чудесные деревья на склонах гор под весенним солнцем.

А вот сказка! Лягушонок пошел по воду. Зеленый, на задних лапках, коромысло через плечо, на коромысле два ведра качаются.

— Он,— объясняет Марина Иванникова, автор,— земноводный, ему много воды требуется. У нас сухо, вот он и ходит с ведрами: у него дома бассейн, надо наполнить.

Зуля Фаязова начертила два круга, в каждом глаза, нос, рот — получились славные, добродушные рожицы. Пририсовала палочки-ножки, палочки-ручки, взялись человечки за руки.

— Что у тебя нарисовано, Зуля?

— Дружба планет,— отвечает.— Нашей и другой, еще не открытой.

Это все старшие, те, кому лет 10—12. Они работают слева от здания театра, вдоль его боковой стены. Тут собрались и новички и опытные бойцы — те на конкурс явились во всеоружии: захватили кисточки, акварельные краски, воду в стеклянных баночках.

В центре площади, перед фронтоном театра,

Каждый, кто любит рисовать, может 1 июня прийти на эту площадь.

стараются, высунув от усердия язычки, дошколята. Ползают по своим картинам на четвереньках, измазались с ног до головы, от мелков одни огрызки остались. Зато работы готовы у них у первых.

«Тик» да «так», «тик» да «так» — двигаются стрелки, солнышко подбирается к площади. Прошла половина конкурсного времени.

Прошла половина конкурсного времени, когда диспетчер появился на летном поле и направился к художникам. Те живо вскочили на ноги.

Старшие явились на конкурс во всеоружии: захватили кисточки и краски.

— Будет борт, — коротко сказал диспетчер.

Не успел он уйти с поля, как вынырнул из ущелья маленький «АН-2», верный друг путешественников, воздушный вездеход. Мест там хватило на всю изостудию. Они все еще надеялись успеть: с начала конкурса прошло 40 минут.

Какой рукой рисовать лучше?

С начала конкурса прошло 40 минут. Мусаллам сердито смотрела на свою работу.

Все шло хорошо поначалу. Цветными мелками нанесла она контуры рисунка, прошлась по ним сочными мазками акварели. Выросли по краю квадрата кудрявые деревья. Покрылся асфальт частыми лучиками-полосками, и стал клочок асфальта хлопковым полем. Черный квадратик в центре поля оброс колесами, превратился в трактор. А это что? Голубой конус в розовом закатном небе, рядом другой, третий... Горы? Верно, голубые горы встали на горизонте. Рисунок был почти готов. Оставалось написать цветным мелом название: «Мой край Таджикистан». Название Мусаллам придумала давно, когда начала готовиться к конкурсу «Офтоби ман». В ожидании праздника она до мелочей продумала свою конкурсную работу и по примеру взрослых художников делала к ней эскизы.

Летом, в каникулы, Мусаллам гостила у бабушки в кишлаке. Любовь Григорьевна Валиева, руководитель изостудии во Дворце пионеров Центрального района, где занимается Мусаллам, велела ей взять с собой альбом и рисовать каждый день. Верная доброму совету, каждое утро и каждый вечер

девочка вглядывалась в окружающую ее красоту, старалась запомнить, какие краски горят в небе ранним утром, какие — на закате. Весь год держала в памяти эти цвета, училась передавать их карандашами, красками, мелом. Додумалась: если мочалкой растереть меловую черту, можно получить нежный, тонкий оттенок.

Но все, что так славно получалось на бумаге, на асфальте выглядело тускло, безжизненно.

Задумалась Мусаллам. Опустила руки.

За спиной собрались незаметно болельщики, шепчутся одобрительно. Слышен тихий папин голос — выходит, и папа здесь? А сестры, брат? Нельзя обернуться, надо думать. Девочки из класса подбадривают, громко хвалят. Мусаллам хочется сказать им, чтобы не кривили душой, рисунок неудачный, она видит, но нет времени, нельзя глаз отвести от работы. Мусаллам разбирает отдельные слова и догадывается, что там рассказывают про то, как она в прошлом году сломала правую руку за неделю до праздника «Офтоби ман», как 6 дней тренировалась, с утра до вечера училась рисовать левой, а на седьмой явилась на площадь, чтобы участвовать в конкурсе, и даже получила специальный приз жюри «За мужество и преданность искусству».

Сейчас ей кажется: прошлогодний рисунок, сделанный непослушной, неумелой левой рукой, был лучше сегодняшнего. Пусть линии были нетвердые, краски — неверные, души там было больше. А здесь... красиво, да пусто.

— Пусто! — догадалась Мусаллам.— Красота есть, а для кого она — не поймешь.

Совсем немного времени оставалось до конца конкурса. Мусаллам схватила мелок, провела на первом плане несколько ярких вертикальных линий — синюю, желтую, красную, а пониже 3—4 черточки углем. Поколдовала кисточкой. И появился на картине человек! Старый таджик присел отдохнуть на краю хлопкового поля, опустил к ногам вязанку хвороста и залюбовался полем, горами, небом.

Ожила картина Мусаллам. Потому что рядом с красотой появился тот, на радость кому она существует.

И тут, словно того только и дожидался, грянул во всю мочь пионерский оркестр, а когда он смолк, звонкий голос Рашида Абдурашитова торжественно объявил:

— Все отложили мелки. Художники закончили работу. Работу начинает жюри.

Часы на его руке показывали 10 часов 15 минут.

Рисовать никогда не поздно

10 часов 15 минут показывали часы на здании Душанбинского аэропорта, когда шустрый «АН» приземлился на полосе, отведенной для местных линий. Нечего было и думать о том, чтобы поспеть на конкурс. Все это понимали, и никто об этом не говорил. Молча и понуро двинулись ребята с озера Куль в сторону Оперного театра.

К 11 часам члены жюри успели обойти меньше половины площади. Они не спешили, они внимательно рассматривали каждый квадрат, они обстоятельно обсуждали достоинства и недостатки работ и не скупились на похвалы.

— Могучий рисунок! — громогласно объявлял Рашид Абдурашитов, глядя на какую-нибудь работу.— Сильный художник!— высказывался он о другой.— Замечательный образ! — говорил о третьей.

Чем больше метров проходило жюри по площади, тем длиннее становился список награжденных.

— По-моему, они все гениальны,— улыбался в усы Абдурашитов.

Жюри добралось уже до зеленого газона, за которым начиналась проезжая часть улицы, когда из автобуса вывалились разгоряченные и несчастные художники с озера Куль.

— Здравствуйте,— сказали они охрипшими от горя голосами.— Мы что, совсем-совсем опоздали?

И, перебивая друг друга, все сразу и каждый по-иному принялись рассказывать историю своего путешествия. Потом все разом замолчали, а кое-кто, похоже, собрался заплакать. Но не успел.

— Молодцы! — сказал им Рашид Абдурашитов.

— Настоящие художники! — похвалил Вячеслав Петрович Фомин.

— Как раз успели к вручению наград,— сообщила Маргарита Леонидовна Мелик-Саядян.

— А рисовать когда? — робко спросил кто-то из ребят.— Мы напрасно приехали?

— Рисовать никогда не поздно,— наставительно сказал Рашид Абдурашитов.

— Художнику полезно путешествовать,— объяснил Вячеслав Петрович.

— Конкурс можно и продлить,— подсказала Маргарита Леонидовна.

И прежде, чем ребята догадались, к чему они клонят, члены жюри договорились с их руководителем о том, что в следующее воскресенье в полном составе приедут в кишлак, чтобы устроить там продолжение конкурса «Офтоби ман».

Счастливые ребята побежали пить «Фанту», а жюри продолжило свою работу.

Солнца хватило на всех

Солнце, офтоби, пекло вовсю. Оркестр играл так весело, как только мог. Рашид Абдурашитов и Вячеслав Фомин называли имена победителей, а Маргарита Леонидовна без устали вручала призы: альбомы для рисования, фломастеры, краски, цветные карандаши, игрушки...

Мусаллам Кудратова за картину «Мой край Таджикистан» получила Гран-при и большую золотую медаль конкурса.

Джамиля Мурадова получила 1-ю премию. Сестры Ерошкины получили 2-ю премию. Рустам Меликов получил 2-ю премию. Зуля Фаязова получила 3-ю премию. Марина Иванникова получила 3-ю премию...

А дальше шли специальные призы: за лучший плакат, за лучший портрет, за лучший пейзаж, за фантазию, за лучшую коллективную работу, премия самому младшему участнику...

Не кончался список награжденных, не кончались подарки...

Постойте, но где же те, кого миновала удача? Что-то не видно таких. Может быть, они затерялись в толпе счастливцев... А может быть, таких и не было?.. Праздник-то называется «Солнце мое». А солнца всегда хватает на всех...

Рисунок на асфальте живет недолго: домой его не унесешь, на стену не повесишь. Но ты унесешь домой память о нем, он будет жить в твоей душе и в душе тех, кто успел его увидать и порадоваться ему.

Фотографии В. МАШКОВА.

Валерию Владимировичу Медведеву, талантливому детскому писателю, исполнилось шестьдесят лет. Юным читателям «Пионера» он может показаться пожилым, потому что сами они моложе его на пятьдесят лет. Им трудно представить себе, что это такое — пятьдесят лет! Это же пять их жизней, сложенных в одну.

А на самом деле Валерий Медведев — молодой человек. Сильный, с громким голосом, с умными, озорными глазами, с потоком мыслей, которые радуют своей неожиданностью и неповторимостью.

Многие из вас, может быть, даже не знают, как ценно, если у человека есть собственные оригинальные мысли. Ибо когда говорят, что каждая человеческая жизнь неповторима, то имеют в виду именно создание мысли.

«А голова!.. Я на свою голову тоже раньше не обращал особенного внимания,— говорит Баранкин, герой повести Медведева, который родился на страницах «Пионера». — Голова и голова... Есть на плечах, и ладно! Нахлобучишь кепку — и хорошо »

А мы с вами, дорогой читатель, часто ли обращаем внимание на свои головы?.. А не бывает ли у нас так, что они служат нам вместо вешалки для кепки или модной меховой шапки? А может быть, мы используем эти несчастные головы как «предмет», которым можно крепко поддать футбольный мяч или стукнуть во время драки в живот противника?

Если так жить, большая незадача может выйти: спохватишься, а головы-то уже нет! Вместо нее пустой котел, который звенит невпопад — на уроках все путает, если острит, то глупо, если дает совет, то добра не жди.

Вы учитесь — постигаете чужие мысли, накапливаете опыт и знания, и у вас, наконец, появляются собственные мысли. И тогда про вас скажут: ваша жизнь состоялась. Это дорогого стоит! Я немного отвлекся, чтобы вам стало понятно, почему я выше всего ставлю в творчестве Валерия Медведева его неповторимые мысли и художественные образы.

В мире много написано замечательных книг, вы это и без меня знаете. Но теперь представьте себе, как трудно открыть на этом пути что-нибудь новое, увидеть нашу землю не так, как видели ее писатели, которые жили раньше. А Валерию Медведеву это удалось.

Я люблю книги Медведева «Флейта для чемпиона». «Капитан Совриголова», «Олимпийские тигры», которые печатались в «Пионере», и многие другие. За что? За то, что писатель силой своего воображения преобразует мир. Понимаете: преобразует, значит, изменяет, делает лучше. Особенно это ясно видно, когда читаешь замечательную повесть «Баранкин, будь человеком!». Она веселая и трагическая. Над нею смеешься и плачешь. Она очищает нас, вводя в опыт чужой жизни, и заставляет подумать над собственным существованием.

Про книги Валерия Медведева можно сказать словами Гоголя: «Нужно сильно потрясти детские чувства, и тогда они надолго сохранят все прекрасное».

И я надеюсь, что, читая книги Валерия Владимировича Медведева, каждый из вас испытывает такое потрясение.

В. ЖЕЛЕЗНИКОВ

Валерий МЕДВЕДЕВ,
дипломант Международного конкурса имени Андерсена

ФОТОГРАФИИ ПРОЯВИТЬ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

РАССКАЗ

Однажды в Союзе писателей мне предложили поехать на «Книжкину неделю» в город Чернигов и повыступать там в детских библиотеках. Я с удовольствием согласился и в двадцатых числах марта выехал из Москвы. Выступать приходилось очень много. Но больше других запомнилась встреча с читателями Центральной детской библиотеки. Есть библиотеки, где праздника ждут от писателя (таких много!), есть библиотеки, где не только ждут праздника от писателя, но и ему устраивают праздничную встречу (таких мало! Но эта была именно такой!). Все носило какой-то уютный, домашний характер: цветы, выступления юных читателей. Надо сказать, что я никогда не жалел о том, что окончил не Литературный институт, а театральный. Особенно же мне помогало мое театральное прошлое в выступлениях. Я умел усмирять шумную аудиторию, заставлял ее внимательно слушать, хохотать там, где надо, а где надо — улыбаться или грустить. Одним словом, там, в городе Чернигове, в милом помещении детской библиотеки, все шло как по маслу. Где-то в середине выступления, пока мои слушатели хохотали и аплодировали, в зал вошел невысокого роста седой прихрамывающий человек. Присев на стул в заднем ряду, он вместе со школьниками прослушал до конца мое выступление. А когда я, уже одевшись, собирался покинуть здание библиотеки, он подошел ко мне и, протянув руку, сказал:

— Карандин Борис Борисович! Рад с вами познакомиться! Очно! Заочно я с вами уже знаком! Если вы сейчас свободны,— продолжал Борис Борисо-

вич,— может быть, вы зайдете ко мне на чашку чая? У меня к вам есть очень интересный разговор.

Вечер был у меня как раз свободен, и я с радостью согласился. Забыл сказать, что у Бориса Борисовича Карандина, когда он вошел в зал, на плече на ремешке висел фотоаппарат, и, когда я выступал, Борис Борисович сделал несколько снимков. Я еще тогда подумал, что это какой-нибудь фотограф-любитель или, может быть, работник местной газеты. Как оказалось, я в общем-то не ошибся. Борис Борисович Карандин действительно оказался фотографом, но не любителем, а профессионалом, бывшим профессионалом. Он уже был на пенсии и сам себя в разговоре называл «пенсиональный фотограф» или «фотографический пенсионер».

Его маленькая двухкомнатная квартирка напоминала скорее всего фотовыставку, чем обыкновенное жилье. Стены были увешаны фотографиями, причем основную часть занимали фотографии довоенного времени. Другие были сделаны после войны и как бы говорили о том, что хозяину этого дома усиленно заниматься фотографией во время войны, естественно, не удалось. Пока я внимательно разглядывал снимки, хозяин успел приготовить чай и накрыть стол. Разлив ароматный чай по стаканам, Борис Борисович со словами: «Угощайтесь!» — скрылся в соседней комнате. Затем он вернулся оттуда, держа в руках ржавую, поломанную клетку для птиц. Клетку он поставил на краешек стола, а из кармана достал черные пакеты, в которых обычно хранят фотобумагу. Затем он протянул эти пакеты мне и сказал:

— Вот все, что осталось от истории, которую я сейчас вам расскажу... Канарейкина клетка... И вот эти пустые пакеты... Если бы эти вещи могли говорить,— продолжал он,— мы бы с вами, вероятно, услышали просто потрясающую историю. Итак, слушайте и помогите кое в чем разобраться.

Год тому назад я по делам своей корреспондентской службы был в почти что пограничном городе, назовем его по старым классическим образцам городом Б.

— Б.?— переспросил я.— Или Бобруйск, или Брест?

— Ну, неважно,— ответил Борис Борисович,— эта история могла произойти как в Бобруйске, так и в Бресте или еще в каком-либо пограничном советском городе, на который обрушилась война с фашистами. Одним словом, я был в этом городе в командировке. Вот... Я люблю окраины города, знаете, там, где кончается город и начинается лес или степь: в этом соседстве есть какое-то свое, я бы сказал, очарование. Проходя по окраинной улице с фотоаппаратом на плече, я увидел кран, который, покачивая тяжелой металлической клинбабой, рушил ветхие стены старых домишек. Может, я человек консервативный, но я люблю старую деревянную архитектуру, где каждый домик, как человек, имеет свое лицо, свой характер и даже настроение. Так вот, я подошел, стал делать снимки. Ну, знаете, из цикла «Старое и новое».

Продолжая слушать Бориса Борисовича, я стал рассматривать фотопакеты. К ним были приклеены кусочки клетчатой бумаги из ученической тетради, и на этой бумаге детским почерком были выведены слова. На одном пакете было написано: «Передать партизанам». На другом — «Эшелоны». На третьем — «Военные карты». Потом — «Каратели». Потом — «Портреты-пятиминутки». Затем — «Полицаи». Затем — «Люди, которые помогали врагу». И — «Люди, которые помогали нам».

— Следом за краном,— тем временем продолжал рассказчик,— в работу вступил бульдозер. Он растаскивал обломки, очищал от них площадку. И здесь, под снятым полом, стал виден подпол, обычно заменяющий холодильник в старых русских домах. Пока я фотографировал, бульдозерист вдруг открыл дверцу кабины, выскочил из машины и подошел к подполу. Заглянув вниз, он присел на корточки и стал что-то внимательно разглядывать, махнув мне при этом рукой. Я подошел поближе.

— Это, по-моему, по вашей части...

Я спрыгнул в подпол и увидел маленькую фотолабораторию, оборудованную по последнему слову довоенной техники. Под фонариком с красным стеклом, висящим на полусгнившем электрическом проводе над дощатым столом, стояли всевозможные фотографические приспособления: лотки для проявления бумаги, пакеты с пластинами, пакеты с бумагой. Пластины и бумага были немецкими. От стены до стены были натянуты веревочные и металлические растяжки, на которых, вероятно, сушились фотокарточки, здесь же на полу лежало множество бельевых прищепок, которыми они прикреплялись к проволоке. В углу лежала вот эта самая клетка для канарейки с выломанной дверцей и вся покореженная. В углу подпола стоял маленький неказистый шкафчик. Раскрыв его скрипящие дверцы, я обнаружил пачку черных фотографических пакетов с надписями, уже расплывшимися от времени. Пакеты были пусты. Собрав все это в сумку, которая профессионально всегда висела у меня на плече, я со своей добычей вернулся в номер гостиницы. До поздней ночи я разбирался с находками. Было ясно, что я напал на след замаскированной фотолаборатории, которая, судя по всему, работала при гитлеровцах в этом городе. Роясь в фотобумагах, конвертах, я пытался найти фамилию хозяина, хотя бы его имя, но безрезультатно. Ни свет ни заря я снова побежал на эту улицу. Обыскав еще раз яму подпола и не найдя ничего, что бы представляло интерес или служило ответом на мои вопросы, я перешел на другую сторону улицы и постучался в дверь дома. Открыла морщинистая, подслеповатая старуха. Я представился ей и спросил:

— Не скажете ли вы, кто жил напротив вас?

Старуха плохо слышала и долго не могла понять меня. На все мои расспросы она отвечала одной и той же фразой: «Родименький, сколько времени-то прошло... Я и свое-то имя иногда не могу вспомнить!»

Наконец мне пришла в голову неожиданная мысль, и я ее решил проверить. Иногда целое может вспомниться по каким-нибудь деталям. Так как я был убежден, что фотоаппарат мог быть подарен мальчику скорее всего до войны и вообще был в те времена большой редкостью, то я спросил громко:

— Мальчик с фотоаппаратом напротив вас жил, вы его, конечно, не помните?!

И о чудо! Сначала старуха задумалась, потом заулыбалась, потом сказала:

— Как же! Жил мальчик, жил. Все с фотоаппаратом бегал. Всех сымал... И меня сымал. Вон и фото у меня сохранилось.

Старуха подошла к висящим на стене фотографиям, на деревенский манер налепленным на картон и обрамленным рамкой из дерева.

— Его работа,— сказала старуха, морща и без того сморщенный лоб,— как же его звали?.. Степка?! Или Сережка?! Не помню уж...

С трудом старуха припомнила, что незадолго до войны в дом напротив приехала женщина с маль-

чиком. Болела все. И перед самой войной на юг уехала лечиться. Да так и не успела вернуться. А старуха здесь не жила в войну. В деревню уехала к родичам. Что с ее соседями стало, не знает.

— В город Б. они, возможно, приехали из Ленинграда,— сказал я.— Муж этой женщины погиб на финской войне. Она тяжело переживала это горе. Заболела. Врачи посоветовали ей переменить климат и уехать из Ленинграда.

— Похоже,— сказал Борис Борисович и замолчал.

Я думал о сопряженности множества жизней на земле и вспоминал, что делал я, когда этот мальчик приехал с мамой в город Б из Ленинграда. Летом я был в Москве... Ждал занятий на втором курсе театрального института. Совсем юный, полный радостей будущего, как молодой подсолнух с еще незрелыми семечками.

— Что же дальше?— спросил я.

— Обошел несколько домов,— продолжал свой рассказ Борис Борисович.— Обегал всех не успевших переселиться в новые дома, но, увы, нигде ничего нового не узнал. Да и как было узнать! Слишком много прошло времени с тех пор, как таинственный фотограф закончил работу в своем подземелье.

— А в Комитет госбезопасности не обращались? — спросил я.

— А как же,— сказал Борис Борисович,— в тот же день! Увы, и это не внесло в жизнь мальчика никакой ясности. Майор, ведавший архивами партизанского движения, сказал, выслушав мой рассказ: «Фотограф, фотограф? — Он задумался, словно что-то проявляя и закрепляя в своей памяти.— После оккупации города в центре вскоре открылось шикарное фотоателье. Ведал им бывший уголовник, бежавший перед самой войной из тюрьмы. Дело он поставил на широкую ногу. Понаоткрывал в разных частях города и пятиминутки, в том числе и на базаре. От партизан мы внедрили туда нашего человека. Очевидцы говорили, что иногда разведчика видели с каким-то мальчишкой,

Рисунок М. ЛИСОГОРСКОГО.

но человек наш погиб в случайной перестрелке. А кто был этот мальчишка и что с ним было дальше, никто не знал. Еще один какой-то мальчишка прислуживал предателю в фотоателье. Может быть, это был один и тот же мальчишка, жизнь которого вы стараетесь разгадать?»

Я спросил майора,— продолжал свой рассказ Борис Борисович,— ведь если мальчик был принят на работу в фотоателье, должны же были остаться какие-то документы? «Документы на маленьких во время войны не заводили,— сказал майор и добавил: — Вероятнее всего, жизнь мальчика-фотографа была слишком коротка, поэтому узнать, как оборвалась она, вряд ли возможно.— Майор похлопал по пустым фотопакетам.— Все это лишь загадочный след от маленькой звездочки-жизни, сгоревшей неизвестно когда и где в огне войны...»

— А какова судьба этого предателя-фотографа?— спросил я Бориса Борисовича.

— Перед уходом немцы его расстреляли. Но наши его выходили. Потом судили. Предатель получил срок и умер в тюрьме. Так что и эта ниточка тоже была оборвана...— Борис Борисович закурил сигарету, жадно затянулся и продолжал:— Прощаясь со мной, майор предложил мне выступить по местному телевидению и дал адреса оставшихся в живых партизан. Но ни выступление по телевидению, ни разговоры с бывшими партизанами тоже ничего нового не дали, кроме странного ощущения, что с некоторых пор за мной кто-то следит... Да, да,— повторил Борис Борисович,— еще во время разговора со старухой возникло у меня это странное ощущение... Так... на чем я остановился?

— На том,— подсказал я,— что майор вам посоветовал поговорить с оставшимися в живых партизанами.

— Ага!.. Так вот... Старый партизан, которого мне удалось разыскать, сказал, что в отряде появлялись раза два-три фотографии полицаев, но кто их передавал, он не знает.

Незадолго перед своим отъездом, возвращаясь в гостиницу, я еще раз подошел к снесенному дому и спрыгнул в подпол. Меня заставило это сделать предчувствие, какое, вероятно, иногда испытывает археолог, делая раскопки. Мне казалось, что в этом подполе есть еще что-то... Протыкая металлическим прутом землю в углу подвала, я наткнулся на металлическую круглую коробку от немецкого противогаза... С трудом открыв заржавевшую крышку, я извлек пакет с расплывшейся надписью, сделанной той же рукой, что и на предыдущих: «Проявить после войны». В пакете оказалась круглая кассета от фотоаппарата «ФЭД». Надо ли вам говорить, что в гостиницу я вбежал бегом, в том же темпе я проделал все проявительные операции. Что меня ждало?

Я подошел к окну. На еще не просохшей пленке были запечатлены, насколько можно было разглядеть на негативах, здание какой-то школы, речной берег, костер, удочка с поплавком, заброшенным в воду, потом портрет какой-то симпатичной девчушки с конопушками на носу... Восход солнца из-за городских крыш... Мальчишки купаются в реке.... Лесной пейзаж... Снова девчушка с конопушками... Затем довоенная автомашина «эмка», едущая по городу... Затем огород и куры на грядках... Затем портрет старушки... Вокзал... Перрон. У входа в вагон стоит какая-то симпатичная женщина с чемоданом... Затем подряд портреты двух мужчин и трех женщин...

И в конце то, что я ожидал,— автопортрет: мальчик, снятый с фотоаппаратом перед старым, тусклым зеркалом!.. Это был он! У меня не было никакого сомнения, что это был он. Мальчик как мальчик. Круглолицый, с беленькой челкой... Я долго рассматривал его лицо.

Остальные кадры были пусты... Будто оставлены для лучших времен. Первый раз я ждал, когда просохнет пленка, не выпуская ее из рук... Отпечатанные карточки я долго рассматривал через лупу с невероятной дотошностью и терпением. В особенности портрет мальчика и портреты неизвестных мужчин и женщин! Это было какой-то зацепкой, и новая надежда затеплилась у меня в сердце. Не может быть, что все погибли, чтоб не осталось ни одного свидетеля. Пусть снимки сделаны рукой фотолюбителя, с перекосом кадров, с неясной фокусировкой, точно такие в детстве делал я, когда отец мне подарил фотоаппарат «Пионер»... Может быть, по этим портретам мне все-таки удастся кого-нибудь разыскать?

— Борис Борисович,— сказал я,— что же вы томите мою душу?! Покажите мне скорее портрет этого мальчика!!

— Этого портрета у меня нет,— ответил Борис Борисович.

— Как нет?— удивился я.— Вы же его отпечатали!

— Вечером, перед самым отъездом из города, когда я уходил на вокзал за билетом, мой номер в гостинице обокрали. Украли чемодан и вместе с ним все пленки и все фотографии... Может быть, это была обычная кража?.. А может быть... Помните, я говорил вам о своем ощущении, что за мной все время кто-то следит? У меня никогда не было детей,— сказал тихо Борис Борисович после паузы,— но в тот вечер,— его голос задрожал и осекся,— я как будто сына потерял...

Он отвернулся от меня. По его плечам я понял, что он плачет. Больше он не сказал ни слова. Сначала ушел в ванную комнату, потом долго возился на кухне и, только когда молча разложил для меня раскладушку и застелил ее чистой простыней, сказал:

— Вы должны написать прекрасную повесть об этом мальчике! Обязаны! Непременно написать! Сколько ждать от вас?— спросил Борис Борисович.— Месяц? Два?.. Полгода?..

— Завтра утром,— сказал я,— начну работать.

Затем посмотрел на часы и поправил сам себя:

— Уже сегодня! Я сажусь за работу!

Уже под утро со страницами готового рассказа в руке я заглянул в комнату Бориса Борисовича. Я думал, он спит, но оказалось, что он даже не раздевался и терпеливо и бесшумно ожидал окончания моей работы. Я протянул ему страницы рассказа и, присев на стул, стал ждать, когда он их прочитает.

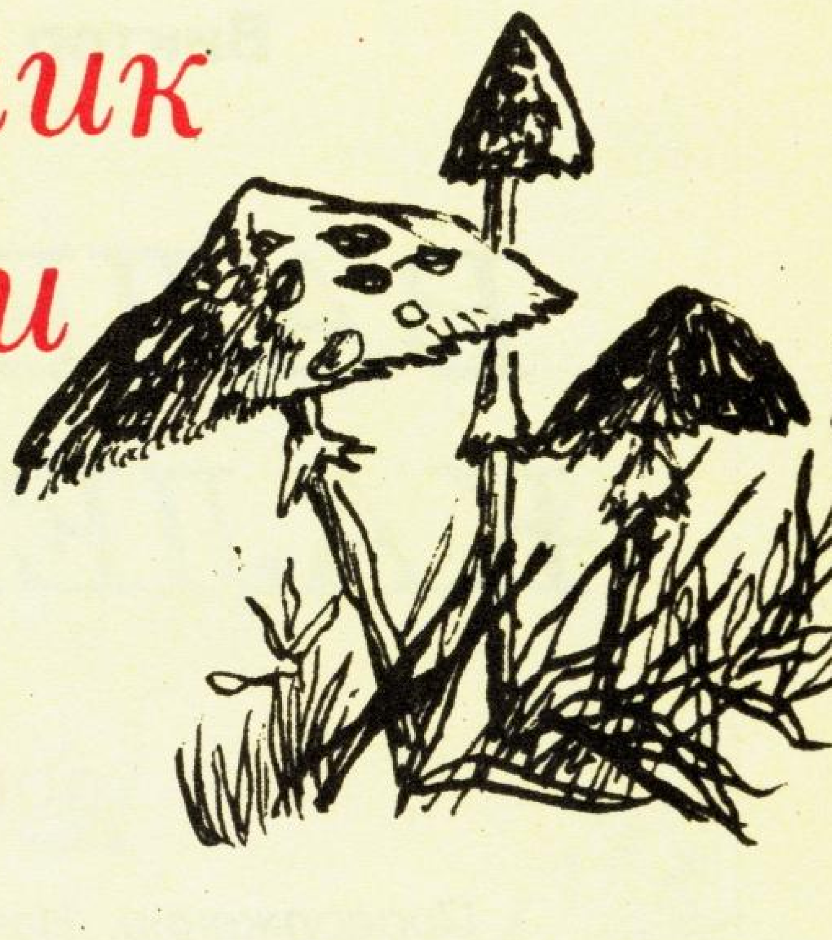
— Это начало?— спросил он, закончив читать последнюю страницу.

— Это начало,— подтвердил я,— это середина и это конец. Я описал здесь все с момента моего приезда в ваш город и до нашего сегодняшнего с вами разговора. Понимаете, Борис Борисович, первый раз в жизни мне не хочется сочинять жизнь героя. Когда я мысленно попробовал это сделать, мне это показалось кощунственным. Пусть каждый, кто прочитает этот рассказ, по-своему дорисует, по-своему досочиняет ее.

Борис Борисович подумал и сказал:

— Пожалуй, вы правы,— и добавил:— Точнее, вы правы без всякого «пожалуй»!

Про юннатский праздник и мухомор у тропинки



Лето в разгаре. Тысячи ребят отдыхают в пионерских лагерях, стараются за лето лучше узнать природу своего края, помочь в ее охране. Интересные дела у юных защитников природы из Краснодарского края. Об этом рассказывает ***доктор биологических наук М. Е. АСПИЗ****, участник экспедиции по этому краю, организованной журналами «Юный натуралист», «Вожатый» и «Пионер».*

Хочу начать с того, что природу хорошо охраняет тот, кто ее знает. Об этом мы не раз вспоминали в своей поездке по Краснодарскому краю...

Наше знакомство началось с городской станции юных натуралистов. Ее знают все ребята в городе. Еще бы! Здесь проходят замечательные праздники. И не только всем известные, юннатские — День птиц, День леса, День урожая,— но и свои, придуманные краснодарскими ребятами. Вот, скажем, праздник «Мое любимое животное». В этот день на станции толпа ребят со щенками и котятами, хомячками и ежами, с черепахами и птицами. Все собираются и идут в соседний парк, в зеленый театр: народу так много, что на станции им просто не поместиться. Начинаются выступления. Каждый может рассказать о своем любимце. А специальное жюри оценивает, точно ли ты подметил повадки животного, правильно ли за ним ухаживаешь. Победители получают награды, выращенные юннатами здесь же, на станции,— кто букет цветов, а кто огромную тыкву, кабачок или яблоки...

Приходя на станцию в обычный день, ребята всегда стараются забежать в свой музей природы — посмотреть на новые экспонаты. И лишний разок побывать в юннатском зоопарке. Там можно увидеть и коллекцию попугаев, и австралийского страуса эму, и дикобраза, и ламу — зверей и птиц почти со всех континентов!

Сельские ребята, конечно, не так уж часто попадают в музеи и зоопарки, но зато они наизусть знают свой лес и речку, все пруды и родники в округе. Со школьных лет стараются помогать взрослым. В Ленинградском районе нередко бывают засухи, и ребята, зная, как летом дорога каждая капля воды, взялись озеленить берега рек. За год посадили 10 тысяч деревьев и кустарников — треть всех посадок в своем районе! Но мало посадить — надо еще вырастить. Охрана саженцев и уход за ними стали теперь делом пионеров. И, конечно, все ребята всегда помогают на уборке урожая. С гордостью говорят они о своих делах на осеннем празднике «Сегодня школьник — завтра хлебороб» в колхозе имени Кирова.

В Краснодарском крае сейчас многие хозяйства разводят рыбу — в прудах и реках немало новоселов, прежде незнакомых здешним жителям. И в Новолабинской школе №13 Усть-Лабинского района открыли ихтиологический музей. Все «сотрудники» музея учатся в седьмом классе. Директор — Лена Афанасьева, заместитель — Света Панова, секретарь — Света Сапожникова. Девочки — замечательные экскурсоводы. И в музей теперь приезжают даже из других школ и районов!

Немало делают ребята из Краснодарского края, чтобы уже в школьные годы не только изучать, но и охранять природу, восстанавливать леса, беречь от загрязнения реки и озера. Особенно много стараются сделать летом. В пионерских лагерях от смены к смене передаются дневники природы с записями важных событий из жизни леса и его обитателей. А в живом уголке — «портреты» лесных жителей, рисунки и фотографии, сделанные ребятами. Там же нередко можно найти «Красную тетрадку», где записаны редкие для этих мест растения, животные и птицы.

А с недавних пор возле некоторых лагерей пролегли особые тропинки. По ним ведут всех новичков, тех, кто еще не знает окрестностей лагеря и может нарушить по незнанию лесную жизнь. А там все связано между собой: повредишь муравейник, а пострадать могут могучие деревья, не станет у них защитников от вредных насекомых... Вот почему такая тропинка называется экологической — от слова «экология», что значит наука, изучающая взаимосвязь животных, растений и человека.

Идешь по такой тропинке и видишь: ожог на земле от недавнего костра. «Не скоро зарастет это мертвое место,— говорят юннаты,— не скоро вернутся сюда лесные травы. Посмотрел? — спрашивают они.— А теперь запомни: для костра нужно сначала снять дерн, чтобы сохранить живой покров земли».

Идет новичок дальше, впереди — муравейник. Новичку напоминают, что каждый муравейник — огромная ценность для леса: за день муравьиная семья доставляет в свой дом почти килограмм насекомых. И в основном это вредители леса и культурных растений.

Вот под деревом объеденные кем-то шишки. Видимо, наверху дупло белки. Вот дерево-старожил. Рядом холмик, вырытый кротом. А теперь осторожно! После дождя на тропинку вылезли дождевые черви. Не наступи на них — по прорытым ими ходам в почву проникает воздух, нужный корням растений. Видишь, мухомор? Не сшиби его, он и глаз радует и животных лечит...

Побываешь в таком лагере и навсегда запомнишь пионерскую заповедь: «Не навреди природе!» И не только сам запомнишь, но и другим сможешь объяснить, не побоишься вступиться за сломанное дерево или за разрушенное гнездо.

Виктор БАНЫКИН

ВАЛЕРКИН КАЛЕНДАРЬ

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в №№ 1, 2, 3, 4, 5.

Рисунок М. ПЕТРОВА.

Глава седьмая

«Царевна плачет»

«Июнь — начало лета»,— записал Валерка в своем календаре ровными крупными буквами. Подумал-подумал и добавил: «Дедушка говорит: ночку июньскую стерегут две зари и три птицы — соловей, коростель и перепел. Самые длинные дни в июне».

Наморщил лоб, почесал переносицу. И стал вспоминать, что же примечательного видел он в июне.

Отправился дедушка Терентий как-то в луга стадо колхозное проведать, и Валерка с ним увязался.

— Вчера была еще весна,— раздумчиво проговорил дед.— А нынче лето к нам пожаловало.

— Откуда ты знаешь? — подивился внук.

— Глянь на обочину дороги и сам увидишь.

Покрутил Валерка вихрастой головой и ничего вроде бы не приметил. Одни жесткие стебли с зонтиками только что расцветшей кашки тянулись к высокому — сочной синевы — безоблачному небу.

Скучновато протянул:

— Какая невидаль: кашка-мохнашка! Летом ее под каждым кустом встретишь!

Разгладил дедушка Терентий свою огнисто-рыжую пышную бороду. В лучах припекающего с утра солнца борода его чуть не пламенела.

— То-то и оно: кашка! Какие в мае цвели растения? Вспомни-ка.

— Ландыш,— не сразу ответил Валерка.

Дед загнул на левой руке палец.

— Верно, ландыши. А еще?

— Еще незабудки.

Второй палец загнул дед Терентий.

— Ну, ну, а еще?

Долго думал Валерка.

— Одуванчики? Да, деда?

Третий палец пригнул на руке дедушка.

— Больше что-то не вспомню,— вздохнул Валерка.

— Купальницу забыл. А вот кашка только распустилась. Она возвещает о наступлении лета.

Потрепал внука за дыбившийся на макушке белый хохолок.

— Уразумел?

— Уразумел! — весело кивнул Валерка.

В лугах мальчишка сразу бросился разыскивать стадо телят. Телята паслись на отлете, отдельно от коров.

Тихие, степенные телочки Зорька и Милка старательно пощипывали молодой пырей. Они были такими же черножуковыми, как и мать. Лишь в белые носочки нарядились модницы.

А вот бычки Руслан и Пугач то и дело шалили, бодаясь понарошку друг с другом.

К ним и подбежал Валерка, на ходу вытаскивая из-за пазухи ломоть калача. Из-под его ног брызгами разлетались в разные стороны скрипучие кузнечики.

Завидев мальчишку в голубой футболке, пестробокие бычки подняли морды и промычали протяжно: «Му-у-у!»

— Идите ко мне, не стесняйтесь! — засмеялся счастливо Валерка.— Гостинчик вам принес!

Руслан сразу же потянулся к Валерке влажной мордой. Следом за ним вприпрыжку подбежал и Пугач с большим белым тавром на левом боку.

— Балуешь ты лентяев! — нестрого проворчал дед Терентий, когда внук искормил бычкам весь ломоть.— Умницы телочки сами себе добывают пропитание. Не надеются на всякие подачки.

Нежданно-негаданно зачастил дождь-брызгун. Чудно даже: в полную силу светило в зените солнце, а из легкомысленно перламутровой тучки летели и летели наперегонки теплые, увесистые бусины. И на донце каждой бусины переливалась капелька солнышка.

— Царевна плачет! — ухмыльнулся в бороду дедушка, стягивая с головы старую, блином фуражку.— Этак в старину говаривали.

Присмирели даже проказливые бычки, будто и они радовались пляшущим озорно по их гладким бокам прозрачно-искристым брызгам.

Зато Валерка скакал вокруг телят, сыпля скороговоркой:

Дождик, дождик, пуще,
Дам тебе я гущи!
Гущи сладкой и парной,
Вроде меда за щекой!

Резвый этот дождь-брызгун перестал так же внезапно, как и начался.

Телята, трава, стоящий вблизи березовый колок — все живое радовалось, умытое старательно заботливым дождем. И уж курились чуть приметным парком купоросно-синие ложки, курчавые телячьи холки, дедова широченная костистая спина, плотно обтянутая клетчатой рубахой.

А над цветастым лугом молниями носились острокрылые ласточки. Попискивая тоненько, они охотились за невидимыми мошками.

Прошагал однорукий пастух Митяй.

Поздоровавшись, Митяй протянул Валерке глухаренка.

— Держи.

Глухаренок был махоньким, но пестрыми крыльями всхлопывал сильно, норовя вырваться из цепких Валеркиных рук.

— Где подобрал? — спросил дедушка пастуха.

Тот взмахнул кнутом, показывая в сторону березняка.

Завидев мальчишку в голубой футболке, пестробокие бычки протяжно замычали.

— Искать ходил заблудившуюся Красулю, а из-под ног... у болотца... как прыснет мелкота! И матка с ними. А этого разиню я успел сцапать.

— Отнеси, Валерка, глухаренка,— сказал дед.

— Я его в школу... в наш живой уголок...

— Без матери он погибнет.

Горьким невольником поплелся Валерка к березовому колку по дурнотравью — зарослям обжигающей огнем крапивы, жилистого татарника с блекло-сиреневыми головками, шелестящего железно осота.

Вернулся же рысцой, размахивая руками.

— Дедушка, дедушка! Я на лисят напал. Потешные такие. Играли на полянке. Думал, поймаю одного, а они врассыпную!

— А глухаренка куда дел?

— На дубок посадил. У самой болотины.

— Умница! — похвалил дед Терентий внука.— Его в сей момент мать приголубит. И вырастет из мальша добрый глухарь. А про лисят поставим в известность лесника. У лисоньки где-то поблизости нора. Пусть на заметку возьмет.

— Дедушка, чуть не забыл: иволгу видел. Над поляной мелькнула, когда лисят спугнул. Спряталась в кустах и давай, и давай: «Фиу-лиу, фиулиу!» — Неожиданно Валерка засмущался:— У меня не получается, как у нее. Красивая и поет знатно!

— Во-во,— кивнул дед.— Иволга — она тоже славит начало лета!

Свои заметки об июне Валерка закончил такими словами: «Числа двенадцатого опустел наш скворечник. Еще накануне носились по двору чернокрылые со своими крикливыми скворчатами, то и дело лезли в колоду с куриным месивом. А утром вышел на крыльцо, а их нет как нет! Так жалко. И у Петьки, и у дедушки тоже опустели скворечни. Дедушка говорит: в поле, в лес улетели.

Чуть не забыл еще: в конце месяца встретили мы с папой лосенка с матерью. В самой что ни есть лесной чаще, у Кабаньего завала. Ходили смотреть, как цветет дикая малина. Там-то лосиха с лосенком и паслись. Лосенок смешной: большеухий и тонконогий».

Под этой записью Валерка нарисовал карандашом и лосиху-мать, и ее детеныша.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Занятия в пионерском спортзале ведет старший тренер по плаванию Спорткомитета СССР В. МЕДЯНИКОВ.

ШАГИ ПО ВОДЕ

1

2

Ты помнишь, в февральском выпуске «Пионерского спортзала» мы предложили тебе комплекс упражнений для пловцов. Наверное, ты уже хорошо освоил все девять упражнений первого занятия. И про закаливающие процедуры, надеемся, не забыл. Пора от слов переходить к делу: сегодня мы расскажем о первых упражнениях в воде. Они помогут преодолеть страх, неуверенность, которые присущи всем новичкам в плавании. А главное, мы постараемся научить тебя правильно дышать. Это очень важно для пловца! А еще — выполнять гребки, погружаться с головой под воду, открывать в воде глаза. Все эти навыки в плавании необходимы. Но, прежде чем войти в воду, повтори на берегу упражнения первого занятия и добавь к ним три новых. Времени у тебя на это уйдет не так много — пятнадцать — двадцать минут.

1. Выбери место на берегу и ляг на спину. Теперь согни ноги в коленях и подтяни их к плечам, обхватив руками голени. Голову опусти, подбородок положи на грудь, округли спину. Короче говоря, «сожмись в комок», словно готовишься к кувырку. А теперь распрямись, вернись в исходное положение. Это упражнение надо сделать восемь — десять раз.

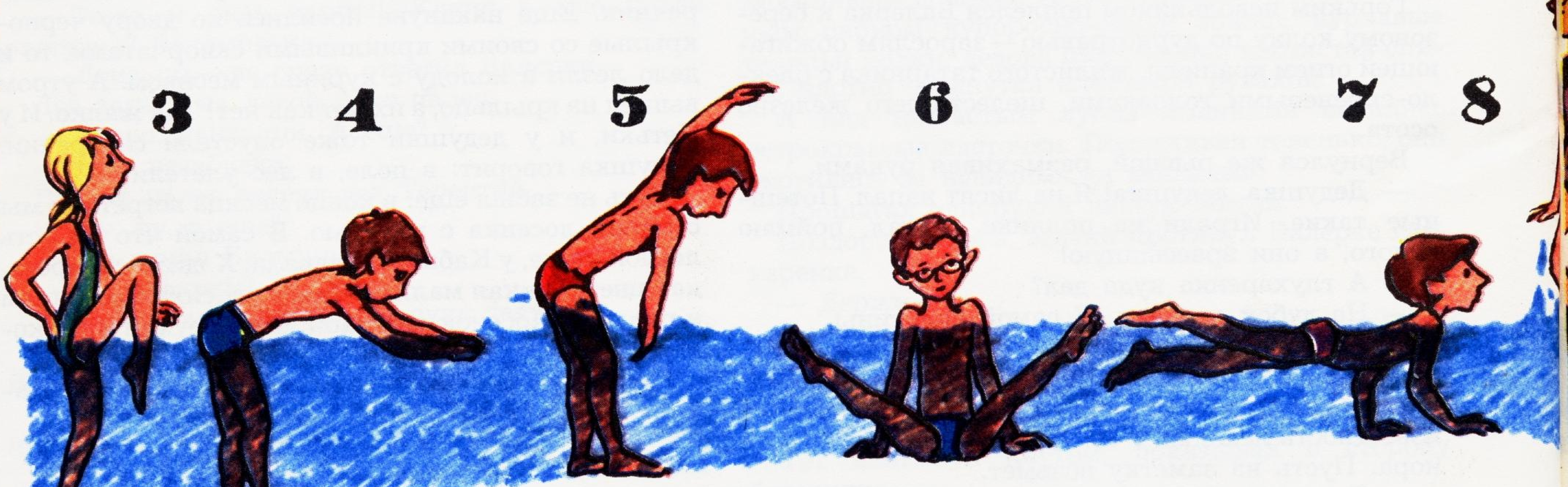
2. Снова ляг на спину, руки вытяни вдоль тела. Ноги — вверх. Постарайся перекинуть их за голову. Так, чтобы коснуться пальцами ног земли. Это упражнение тоже надо делать по восемь — десять раз, без долгих перерывов, энергично, в быстром темпе.

3. Это упражнение непростое, и все же постарайся выполнить его шесть — восемь раз. Исходное положение: лежа на спине, руки в стороны ладонями вниз. Приготовились? Рывком сядьте и как можно сильнее подтяните ноги: подобное упражнение вы делали на прошлом занятии. Соедините над головой прямые руки и сделайте два пружинящих наклона до касания земли руками.

4. Ну, а теперь можно и в воду. Только не забывай о таких правилах: не занимайся плаванием, если плохо себя чувствуешь; не перегревайся на солнце перед тем, как войти в воду; не заходи в воду глубже, чем по грудь. Ты когда-нибудь видел, как важно и горделиво вышагивают аисты? «Коленки» задирают чуть ли не к клюву. Вот такой и должна быть походка, когда ты начнешь делать первое упражнение в воде. Входи в воду медленно, постепенно увеличивая глубину. Постарайся при ходьбе как можно выше поднимать колени. Когда вода достигнет уровня пояса, можно считать, что ты добрался до финиша. Это упражнение так и называется — «аисты».

5. Второе упражнение посложнее. Наклонись и разведи в воде в стороны руки. А потом соедини ладони, будто хочешь построить из песка пирамиду. Соединил? Теперь все наоборот: разверни ладони наружу и сделай гребок в стороны, словно отгоняешь от себя воду. Следи, чтобы ладони испытывали как можно большее сопротивление воды.

3 4 5 6 7 8



6. Для третьего упражнения подойди ближе к берегу: пусть вода будет чуть ниже пояса. Наклонись немного вперед и делай попеременные круговые движения руками вперед, хорошенько загребая воду то правой, то левой рукой.

А теперь повтори это же упражнение, но вращай руками в обратном направлении. Туловище при этом отклони назад.

7. Цель следующего упражнения — научиться «грести» ногами. Сядь в мелком месте на дно и выполни такие движения: сначала подними прямые ноги, потом разведи их в стороны и снова соедини, как будто «режешь» воду. Это упражнение называется «ножницы».

8—9. Следующие два упражнения наверняка хорошо тебе известны. Вспомни, как здорово «идти» по дну на руках и представлять, что ты уже научился плавать. Тело легко скользит по поверхности воды, будто вода сама его поддерживает. А сколько удовольствия доставляют всегда «прыжки» в воде, когда стараешься посильнее оттолкнуться от дна ногами и выпрыгнуть из воды как можно выше, выше всех! Эти два упражнения советуем включить в общий комплекс и делать почаще.

10. Очень важно с первого же занятия приучить себя не трогать лицо руками и не протирать глаза, если в них попадет вода. Привыкнуть к этому просто. Вместе с товарищами устройте в воде «морской бой». Встаньте друг против друга и брызгайтесь водой как можно энергичнее, только не закрывайте глаза. Сначала летящие брызги раздражают, но постепенно к ним привыкаешь, и брызги уже не помеха тому, кто учится плавать.

11. А эти упражнения для того, чтобы научиться погружаться под воду с головой. Трудного ничего в этом нет, но овладеть навыком погружения необходимо. Только делать это надо постепенно. Поэтому сначала сделай полный вдох и опусти в воду лицо — не очень глубоко. Постарайся, не выдыхая воздух, не выныривать. Оставайся в таком положении пять — пятнадцать секунд. Потом погрузись под воду с головой и оставайся в таком положении уже подольше: десять — двадцать секунд. При этом попробуй открыть в воде глаза. Чтобы упражнение делать было интереснее, можно собирать со дна белые камешки. Погружения надо обязательно чередовать с энергичными разогревающими гребками или прыжками...

Теперь можно переходить к самому главному — дыхательной гимнастике.

12. Сделай полный вдох и ровной струей дуй на какой-нибудь плавающий предмет — мячик или кораблик. Старайся отогнать его от себя как можно дальше.

13. Теперь дуй на воду, будто перед тобой блюдце с горячим чаем. На поверхности воды должна образоваться воронка.

14. Держась за партнера или какую-нибудь опору, опусти лицо в воду и сделай полный выдох. Обязательно полный! В этом весь секрет: чем энергичнее и полнее выдох, тем полнее будет вдох, а значит, больше свежего воздуха ты сумеешь набрать в легкие. И дыхание при плавании станет ровнее, ритмичнее.

15. Теперь сделай то же упражнение, но погрузись в воду с головой. Если упражнение дается тебе без труда, научись делать целую серию выдохов и вдохов. Сначала — два-три, потом — пять-шесть, тренируйся до тех пор, пока не научишься делать попеременно вдохи и выдохи по двадцать раз.

Когда плаваешь, вода нередко попадает в нос, и от этого возникают неприятные ощущения. Чтобы избавиться от них, потренируйся дома в ванной, чтобы привыкнуть к выдохам через нос.

После купания надо как следует разогреться: сделай несколько энергичных прыжков, приседаний, вращений руками и разотрись полотенцем.

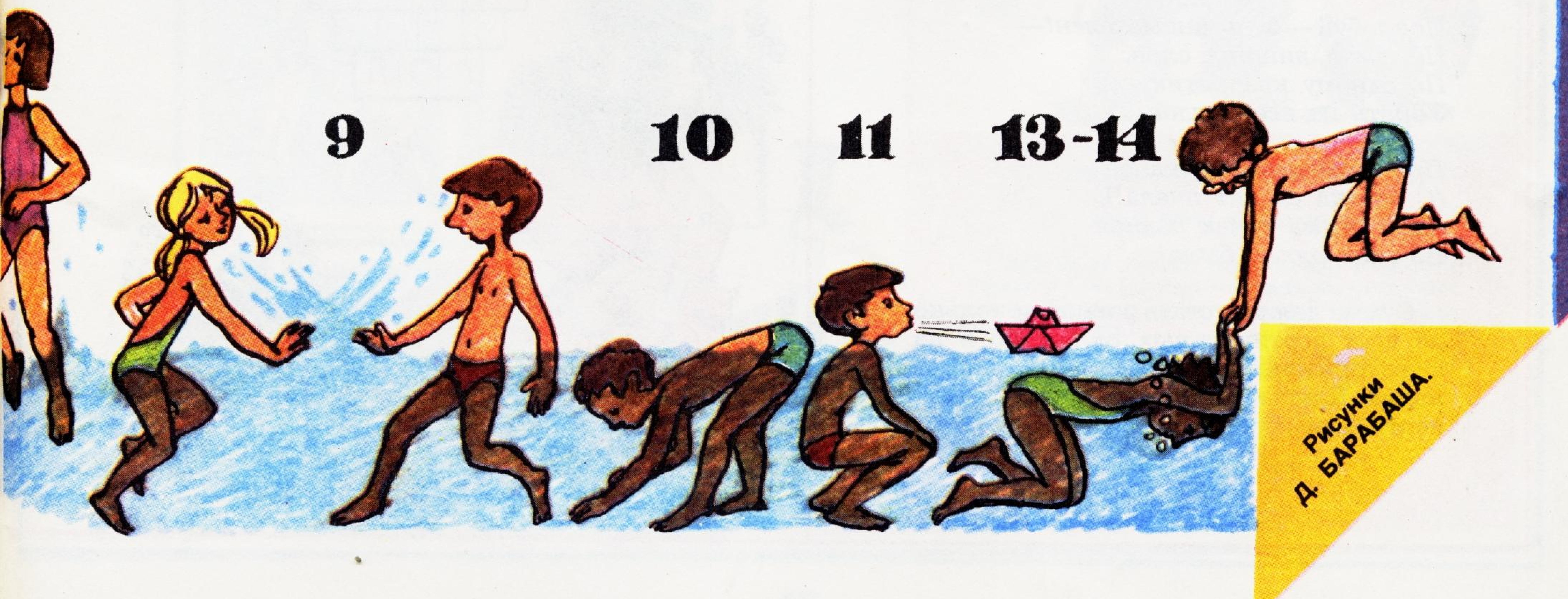
Мы познакомили тебя с новыми упражнениями. Они помогут тебе научиться плавать. **А значит, ты сделаешь еще один шаг к Всесоюзному физкультурному комплексу «Готов к труду и обороне»: сдашь один из его основных нормативов. Без этого не обойтись, если хочешь стать** СИЛЬНЫМ, СМЕЛЫМ, ЛОВКИМ.

***1963 год** — американский пловец **Дональд Шоландер** проплыл двухсотметровую дистанцию вольным стилем за 1 минуту 58,8 секунды. Его соотечественник **Ровди Гайнес** этот результат улучшил до 1 минуты 48,93 секунды.*

***1973 год** — мировой рекорд на дистанции 400 метров принадлежал американскому пловцу **Ричарду Демонту** и равнялся 3 минутам 58,18 секунды.*

***1983 год** — советский пловец **Владимир Сальников** 20 февраля установил на четырехсотметровой дистанции новый рекорд — 3 минуты 48,32 секунды. И еще раз доказал, что пределов совершенствованию мастерства нет, что каждый рекорд — лишь ступенька к рекордам новым.*

Может быть, следующий шаг за тобой?

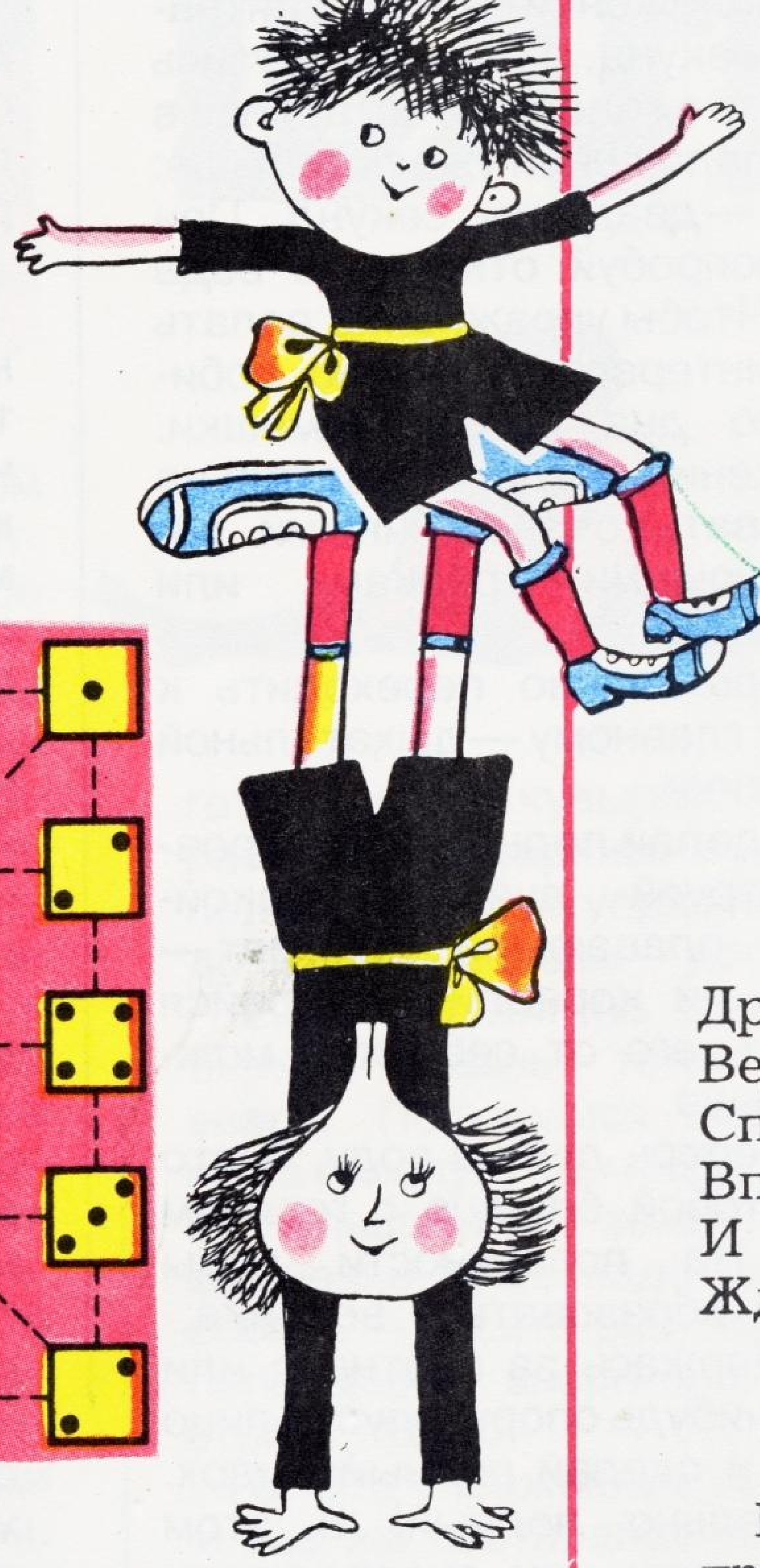


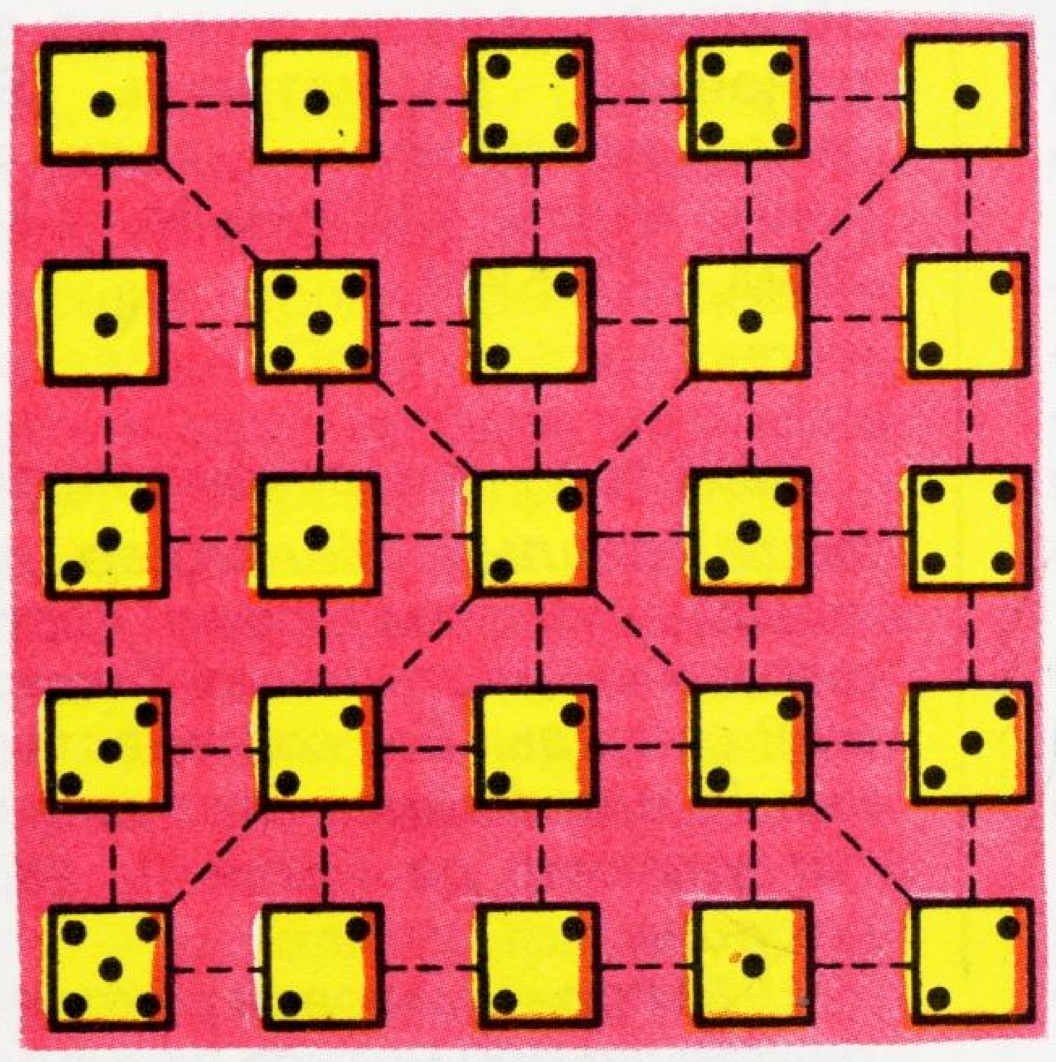
Рисунки Д. БАРАБАША.

УМА ПАЛАТА

Ответственный дежурный Никита Разговоров. Рисунки А. Вовиковой.

Капитан Перо ищет помощника





упражнение на квадратах

К уроку акробатики
Готовьте ум и глаз:
Задорные квадратики
Расставлены для вас!

Попробуй — будь внимателен! —
Не тратя лишних слов,
По одному квадратику
Убрать из всех рядов.

При этом помни главное
(С цветка следит пчела!),
Чтоб сумма точек равная
Во всех рядах была!

Сумма должна стать равной не только во всех вертикальных рядах, но и на всех горизонтальных и на обеих диагоналях. Ключ к решению — на последней вертикали.

МЯЧ В ВОРОТА БУЛЬДОГА

Игры деда Буквоеда

Друзья! Забейте гол бульдогу!
Ведет к победному итогу
Спокойный, правильный расчет.
Впиши три слова до ворот,
И от мяча спасенья нет!
Ждем ваших писем. Всем привет.

Дед Буквоед.

В каждом слове должны быть все буквы предыдущего (не обязательно в том же порядке!) плюс еще одна буква, взятая из слова «бульдог».

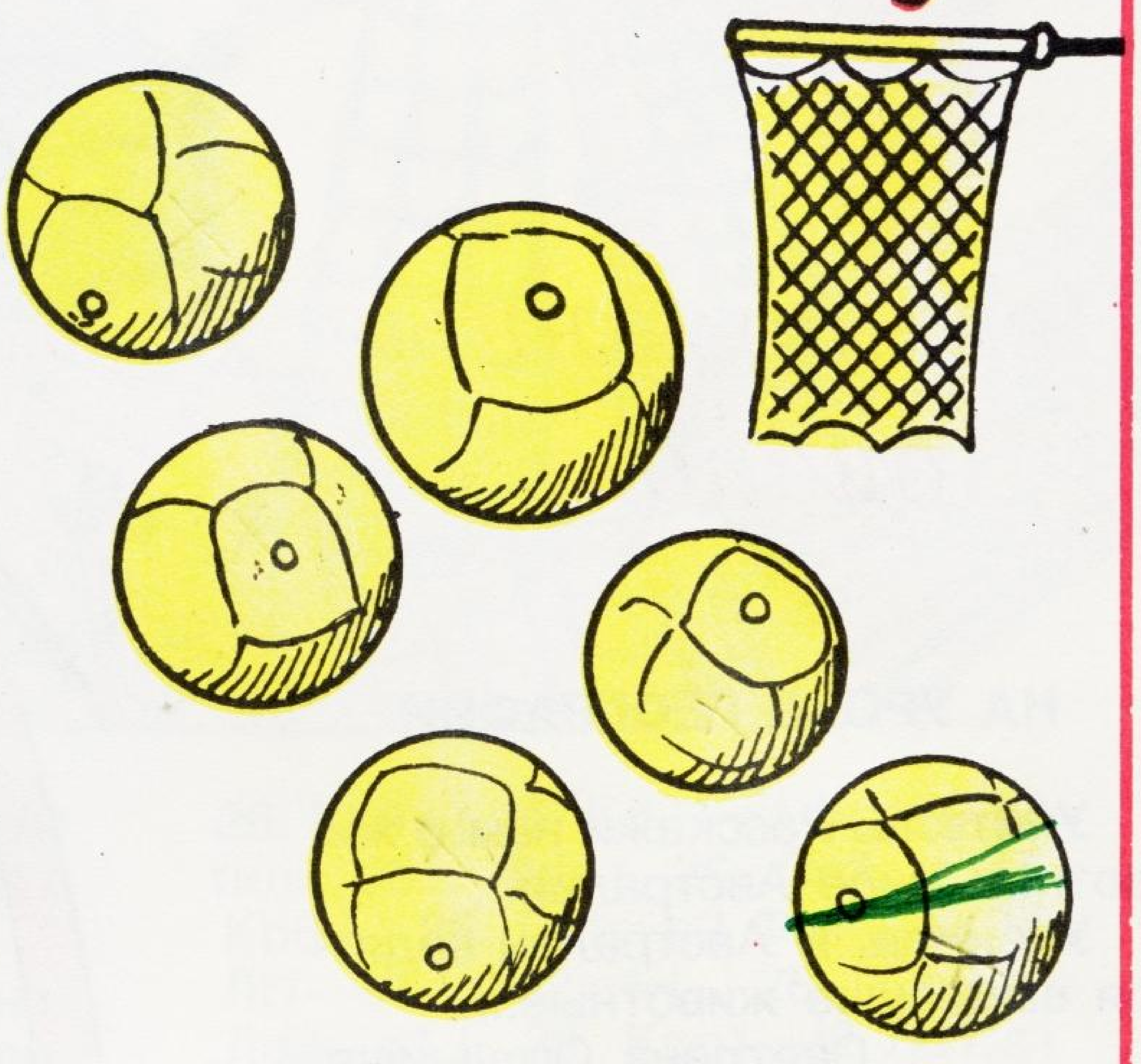
Шестиборье 100 очков

Игры Лупы и Пинцета

Побольше смелости во взоре!
Не отступай! Будь духом тверд!
Вас ожидает шестиборье,
Поставьте мировой рекорд!

Примечание: за выступление в каждом виде спорта, представленном на марках, присуждается количество очков, равное номиналу марки. Вы должны выступить в каждом виде спорта не менее одного раза. Ваша задача — за одиннадцать выступлений набрать ровно сто очков.

Мячи в корзину!



— Вот игра, для баскетбола —
Замечательная школа! —
Говорит горилла сыну.—
Разберись-ка поскорей,
Сколько здесь таких мячей,
Что легко войдут в корзину?

Вы нашли их или нет?
Срочно вышлите ответ.

Живживка.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 4

Игры Лупы и Пинцета

Спор из-за кабана. Кабаны водятся только в Европе и Азии. На марке — Бразилия, Австралия, Египет, Барбадос, Италия. Только Италия — европейская страна.

Запутанное дело. Слоненок дорисовал пламя на свечке.

Игры Деда Буквоеда

Обезьяны и бананы. 38 бананов.

ПЕРЕМЕНКА

Невыдуманные диалоги

НА УРОКЕ ГЕОГРАФИИ

Учитель. Расскажи нам о животном мире Австралии...
Ученица. В Австралии водятся вымершие животные...

Светлана Огонькова,
г. Москва.

НА УРОКАХ ИСТОРИИ

Учительница. Кто такие варвары?
Ученица. Это незнакомцы.

Ира Спиндлер,
г. Киев.

* * *

Учительница. Как первобытные люди использовали огонь?
Ученица. С помощью огня они загоняли свою пищу в ямы.

Лиля Иваненко,
г. Симферополь.

НА УРОКЕ МАТЕМАТИКИ

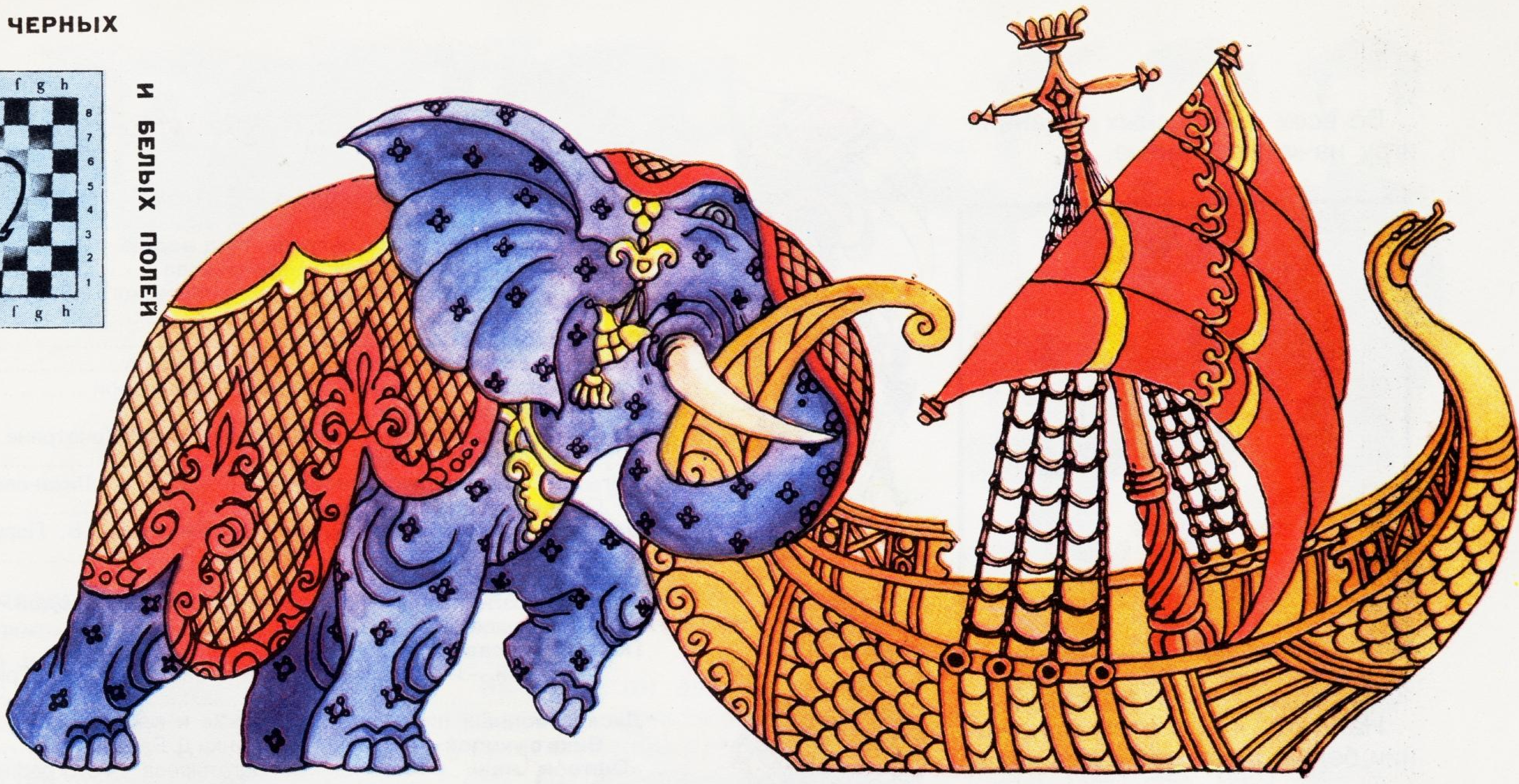
Учитель. Что такое параллельные прямые?
Ученик. Это прямые, которые идут все время вместе.

Костя Киселев,
г. Новокузнецк.

Из школьных сочинений

«Девочка спала, свернув голову в клубок».
«Белесые брови ее лежали вокруг глаз, а прямой нос был вздернут».
«Но всегда поперек горла Швабрину вставал Гринев».
«В открытом океане сидел кот».
«Прыгающий заяц сидел на пеньке».
«Тело человека со всех сторон окружено кожей».
«С сучка на сучок прыгала шустрая девочка».
«Болельщики были разных возрастов: начиная с маленькой девочки и кончая собакой».
«Остров Ява впадает в Атлантический океан».

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.



Капитан «Белой ладьи»

В журнале «Пионер» не раз рассказывали о Свете Матвеевой. За лучший личный результат на финальных соревнованиях клуба «Белая ладья» Свете был вручен специальный приз журнала.

Учится Светлана в седьмом классе школы №13 г. Фрунзе. Спорт отнимает у нее много времени, но плохих отметок в дневнике Светланы не встретишь. Ребята ее уважают за трудолюбие и за то, что она всегда готова прийти на помощь товарищам. Наверное, поэтому уже несколько лет Света уверенно стоит на капитанском мостике школьной «Белой ладьи».

«У нас в школе шахматный кружок работает четыре года,— рассказывает Света.— В нем занимаются многие ребята. Есть даже первоклассники. Играют малыши пока слабо, но так любят шахматы, что не хотят уходить после тренировок домой».

Сама Света занимается шахматами пять лет и достигла больших успехов. Сейчас у нее звание кандидата в мастера спорта, а не так давно Света Матвеева стала чемпионкой страны среди девушек.

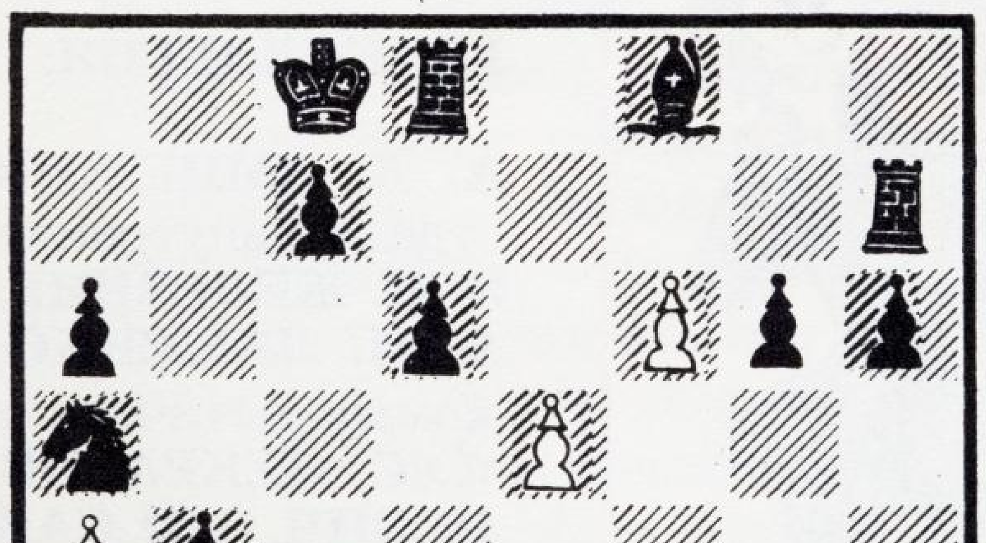
Успехи тбилисской школьницы

Кетино Арахмия стала самым юным мастером спорта среди наших шахматисток. Ей всего четырнадцать лет. Кетино упорно изучает шахматы, смело выступает на соревнованиях и не боится поражений во встречах с сильными соперниками.

Когда Кетино впервые принимала участие в женском чемпионате СССР, ей пришлось нелегко. В этом турнире соперничают опытные гроссмейстеры и мастера, поэтому добиться победы трудно.

«Я потерпела несколько поражений. Это были полезные уроки,— считает юная шахматистка.— Все партии, которые я проиграла, обязательно внимательно проанализирую. Чтобы не повторять ошибки, их надо понять».

А теперь посмотрите, как развивалась борьба в одной из партий, выигранных Кетино. Черными играла мастер Зоя Лельчук.



У черных лишняя ладья, но в их лагере ненадежна позиция короля, отрезан от театра военных действий ферзь. Кетино отлично провела атаку.

21. Фd3:a6+ Крc8—b8 (если 21... Kb7, то 22. Фа8+) 22. Фа6:а5 d6:e5 23. Фа5—b5+ Крb8—c8 24. Фb5—c6 Фа2—а1 (на 24... Cd6 белые ответили бы 25. Кc4! со смертельной угрозой 26. Kb6+) 25. Kd2—c4 Крc8—b8 (или 25... Фd4+ 26. Се3. и 27. Kb6+) 26. Cc1—b2 Фа1—а2 27. Лf1—a1 Фа2:а1+ 28. Cb2:a1 Лd8—d1+ 29. Крg1—f2 Лd1:a1 30. Кc4—a5. Черные сдались.

Победа приходит к упорным

Многие ребята приняли участие в шахматном турнире, который был организован в средней школе города Кежемы Красноярского края. Борьба была очень упорной. Первым чемпионом школы среди младших ребят стал ученик третьего класса Игорь Радаев. Игорь изобретательно ведет наступление, упорно защищается в трудных позициях.

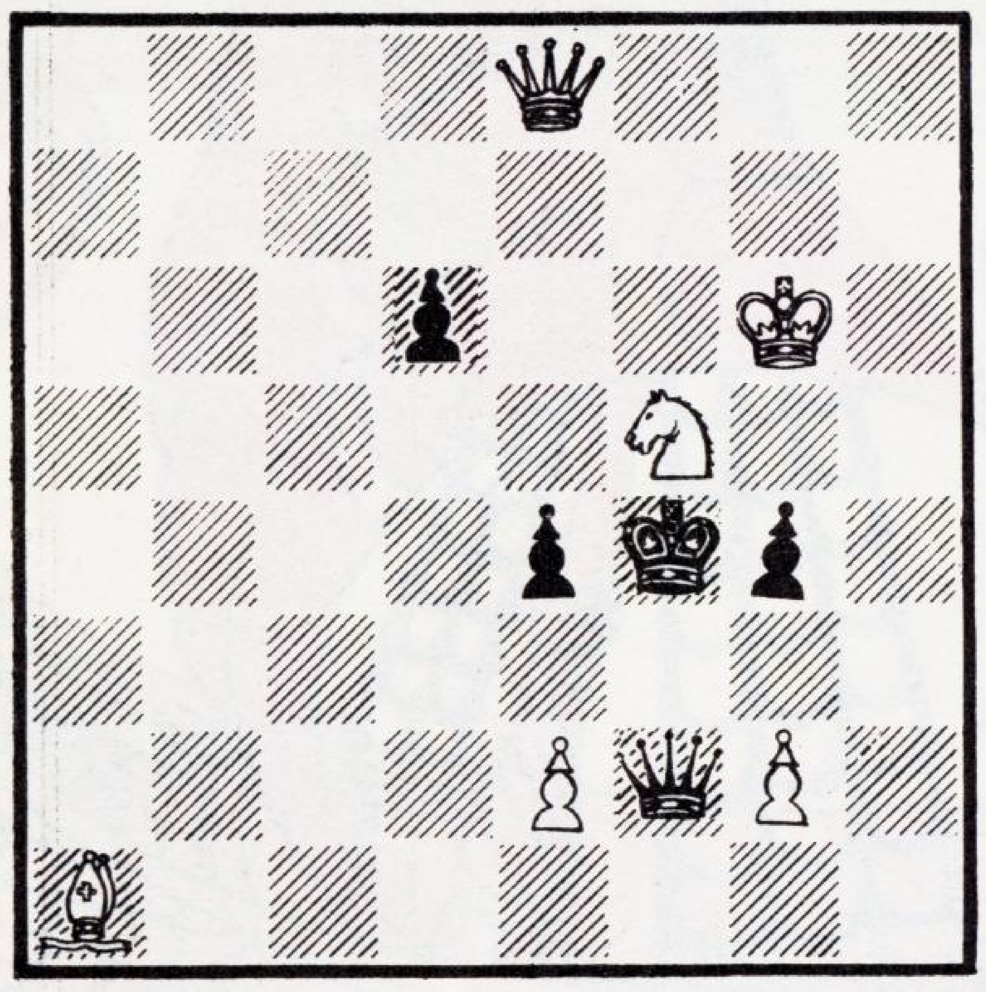
Второе и третье места разделили второклассники Женя Русских и Сережа Шевелев.

Кто получит книгу чемпиона?

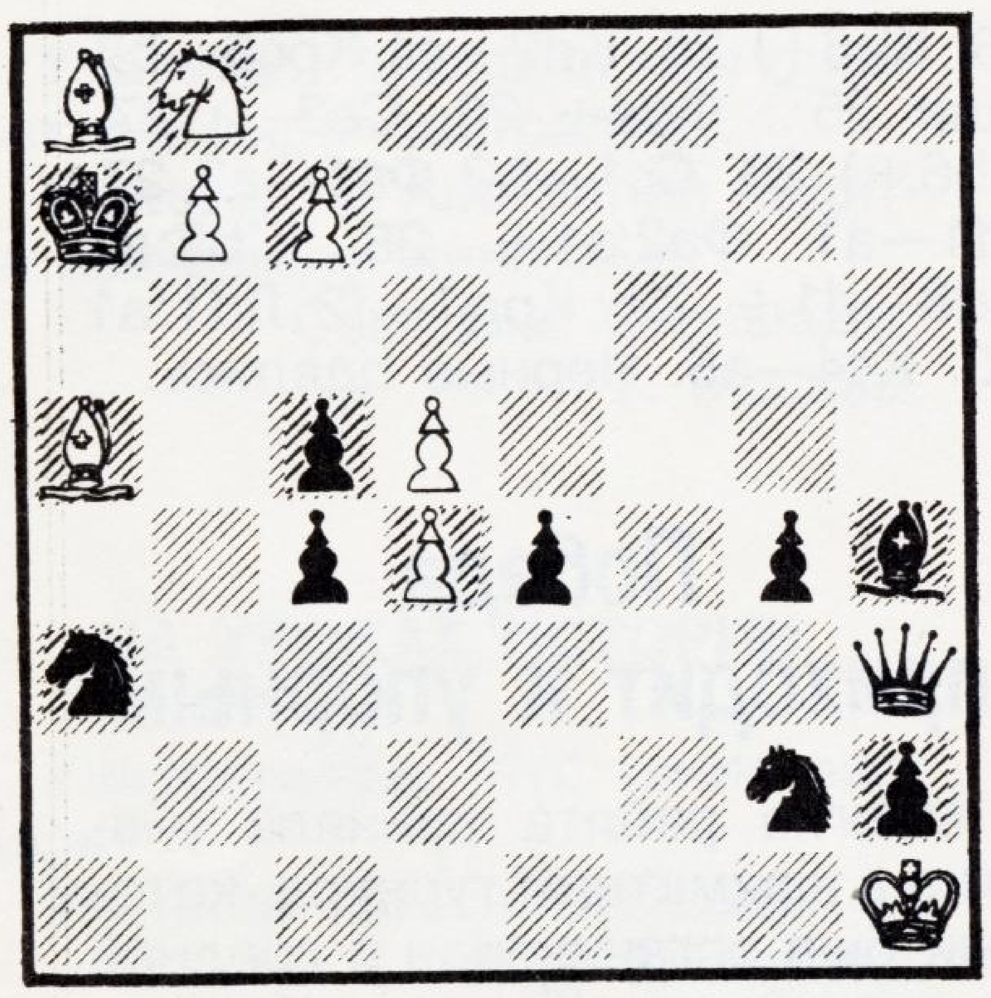
Соревнования на короткой спринтерской дистанции в шахматах тоже бывают. Предлагаем вам принять участие в таком конкурсе. В него включены две задачи и этюд. Оцениваться будет не только шахматное мастерство, но и ваша эрудиция. Поэтому придется ответить на такие вопросы.

Кто из знаменитых русских писателей был судьей международного шахматного турнира? Когда и где это было? В каком из своих произведений этот писатель говорил о своем увлечении шахматами?

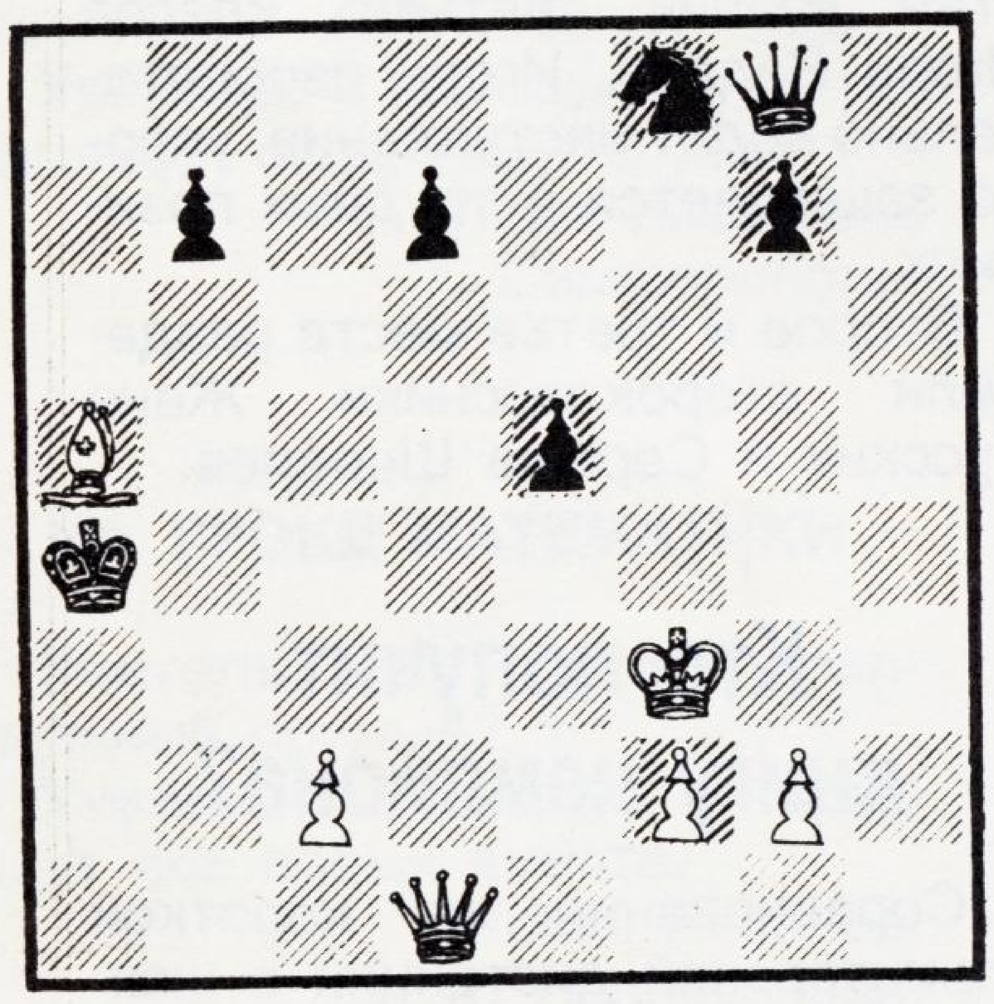
Во всех конкурсных заданиях игру начинают белые.



Найдите, как в этом положении белые дают мат в два хода.



А в этом положении мат достигается в три хода.



Трудно себе представить, что в позиции, приведенной на диаграмме, белые могут добиться победы. Но... в шахматах часто невозможное становится возможным!

Главный приз конкурса — книга чемпиона мира А. Карпова «В далеком Багио» с его автографом. Двадцать пять победителей заочного соревнования будут награждены грамотами журнала, они получат и шахматные книги.

СОДЕРЖАНИЕ

Союз разноцветных галстуков. — Е. Товма. Фотографии Б. Задвиля, В. Крупского 1
Слушайте все! Зеленый патруль. Под водой. — Стихотворения В. Орлова. Рисунок Г. Человечкова 3
Семейный экипаж. — Повесть С. Романовского. Рисунки В. Дудкина 4
Сами о себе 14
«Стих надо холить и лелеять...» — Д. Самойлов 15
Отряд говорит с отрядом. — Рисунки А. Вовиковой 16
На рубежах пятилетки
Мы едем по БАМу. — Т. Котенева. Рисунок Л. Хачатряна .. 18
«Кузнечик» учит прыгать 20
Магазин ненаглядных пособий. — Повесть А. Лиханова. Окончание. Рисунки А. Дугина 21
Время и пространство Марии Прилежаевой. — В. Порудоминский. Фотография Н. Кочнева 35
Школа умелых хозяев
Дом возле поля. — Г. Потаповская. **Игры с водой.** — А. Кудряшов 38
Первый рассказ в «Пионере»
Скарабей. — И. Денисова, С. Матвеев. Рисунок А. Гришина 40
Дискуссионный пионерский клуб «За и против»
Вика с «кикой». — И. Вечная. Рисунки Д. Барабаша 43
«Офтоби ман» в зените. — С. Богатырева. Фотографии В. Машкова 47
Фотографии проявить после войны. — Рассказ В. Медведева. Рисунок М. Лисогорского. Фотография Н. Кочнева 51
Красная тетрадка
Про юннатский праздник и мухомор у тропинки. — М. Аспиз 55
Валеркин календарь. — Повесть В. Баныкина. Продолжение. Рисунок М. Петрова 56
Путешествие в Спортландию 58
Ума палата 60
Переменка .... 62, III обл.
В стране шаха — владыки белых и черных полей 63
Пионерский вальс. — Музыка Ю. Чичкова. Стихи М. Пляцковского. Рисунок Ю. Родина .... IV обл.

На обложке:
Футбольная смена. — Рисунок Е. Шабельника.

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А. Л. АМПЕЛОНОВ, В. А. БЛИЗНЕНКОВА (редактор отдела внутренней жизни страны), **Т. А. ГАЙДАР, В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, В. И. ИВАНОВ, В. П. КРАПИВИН, А. И. ЛЯШЕНКО, М. В. МАТВЕЕВА** (редактор отдела коммунистического воспитания), **С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, В. Л. РАЗУМНЕВИЧ, О. М. САВВАТЕЕВА, Л. С. СИМОНОВА** (зам. главного редактора), **И. Н. ХРИСТОВАЯ** (редактор отдела литературы и искусства), **Ю. М. ЧИЧКОВ, Ю. Ф. ЯРМЫШ.**

Редактор отдела оформления **А. М. ГРИШИН.**
Технический редактор **Е. Г. ЕВДОКИМОВА.**
Макет **Ю. Л. РОДИНА.**

© Издательство «Правда», «Пионер», 1983.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 01.04.83.
Подписано к печати 18.04.83. А 02679. Формат $84\times60^1/_8$.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,25. Тираж 1660000 экз. Изд. № 1134. Заказ № 518.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Юрий ХАЗАНОВ

Кому сколько?

ЮМОРЕСКА

Началось с самой чепухи. Никитос загадал загадку, и никто не мог разгадать. Даже Вовос. И даже Андрос. Эти трое так себя решили называть с нового учебного года, а раньше они были просто Никита, Вовка и Андрей.

А первым затеял все Андрос. На большой перемене. Сказал, что скоро в школах будут всем ученикам задавать такие специальные вопросы, «тесты» называются. И сразу станет ясно, дурак ты или умный.

— Некоторым и задавать не надо,— сказала Оля Карпова.

— Не верите? — спросил Андрос.— Вот увидите. Тогда посмеетесь.

— Я знаю тесты,— сказал вдруг Никитос.— Вот. Слушайте. Идут по степи... нет, лучше по пустыне три путника. У одного в руках одна палка, у другого две палки, а у третьего... шесть монет. И решили они сварить себе обед. Для костра первый путник отдал свою палку, у него одна была, помните? А второй дал две палки. И все палки сгорели, и обед сварился. И тогда третий путник решил отблагодарить их и отдал им свои шесть монет. Каждому по заслугам. Ну, так кому сколько?

И тут одни задумались, другие, возможно, сделали вид, что задумались, а третьи и задумываться не стали. И все вместе хранили молчание довольно долго, а первым заговорил Вовос.

— Все ясно. Слушайте... Значит, первый дал одну палку, так? А второй — две, в два раза больше... Выходит, он и получить должен в два раза больше монет... Первому две монеты, а второму, значит, четыре. Вот и все. Всего шесть.

— Не все,— сказал Никитос.— Иди гуляй и не задавайся.— И снова спросил: — Кому сколько?

— Тебе! — в ярости крикнул Вовос, и его не успели удержать — он бросился на Никитоса.

Вряд ли он думал ударить приятеля — просто как следует толкнуть, чтобы этим восстановить свое душевное равновесие, но получилось так, что Никитос одновременно бросился на него, они сшиблись, обхватили друг друга, упали, покатились по коридору и чуть не свалили с ног учительницу математики Фаину Борисовну. Та громко вскрикнула, в коридоре смолк шум, вокруг начал собираться народ, и сюда уже спешил дежурный учитель.

— Идемте к завучу,— сказал он,— пусть он вас научит уму-разуму.

— ...Дневники принесете потом,— сказала завуч, выслушав дежурного.— А сейчас объясните, из-за чего все началось.

Вовос и Никитос поглядели друг на друга, на завуча, на ребят... Снова друг на друга...

— Понимаете,— сказал Вовос,— три путника шли по дороге. У первого одна палка, у второго две, у третьего шесть...

— Монет,— поспешил добавить Никитос,— не палок, а монет. А потом они костер зажгли и третий путник дал им...

— Постойте, постойте,— сказала завуч.— Вы что, шутки здесь шутите?

И Фаина Борисовна вдруг сказала:

— Нет, постойте, это довольно интересно. Ну, и что дальше?

— А третий путник отдал им все монеты, — послушно продолжал Никитос.— Шесть штук... А вопрос такой: кому сколько?

— Кому сколько? — задумчиво повторила Фаина Борисовна.— Если по законам благодарности...

— При чем тут благодарность? — сказал дежурный учитель.— Вы же математик! И так понятно, что один получает... один получает одну часть, а второй — две части. То есть, две монеты и четыре...

— И я так говорил! — закричал Вовос.

— А он...

— Нет! — крикнули два голоса сразу.— Неправильно! — Это были голоса Фаины Борисовны и Никитоса.

— Но, простите,— сказал дежурный учитель,— что за чепуха? Вопрос стоял: кому сколько? Так?... Я не понимаю...

— Да, не понимаете,— сказала Фаина Борисовна и добавила, как будто находилась в классе: — Думайте получше!

— Ну, знаете,— сказал дежурный учитель, но тут завуч снова постучала карандашом по столу и потом произнесла:

— Собственно, почему две и четыре?.. Ведь мог он и себе кое-что оставить? Или нет?..

— Конечно, нет, — решительно сказала Фаина Борисовна.— По-моему, вот как... Доля каждого путника в их общем костре — одна палка из трех. Верно? И что же отсюда следует? А то, что владелец одной палки дал ее, выходит, только за себя. Владелец же двух — и за себя, и за третьего путника. Понятно?... А ведь он мог этого и не делать. Значит, он больше всех заслужил благодарность, и ему по праву принадлежат все монеты!... Вот какая логика... Если по совести.

Никитос захлопал в ладоши, а дежурный учитель даже побледнел и сказал:

— Ну, знаете, это уж слишком...

Но тут завуч улыбнулась:

— Все свободны... А вы двое не забудьте принести дневники! — это уже без улыбки.

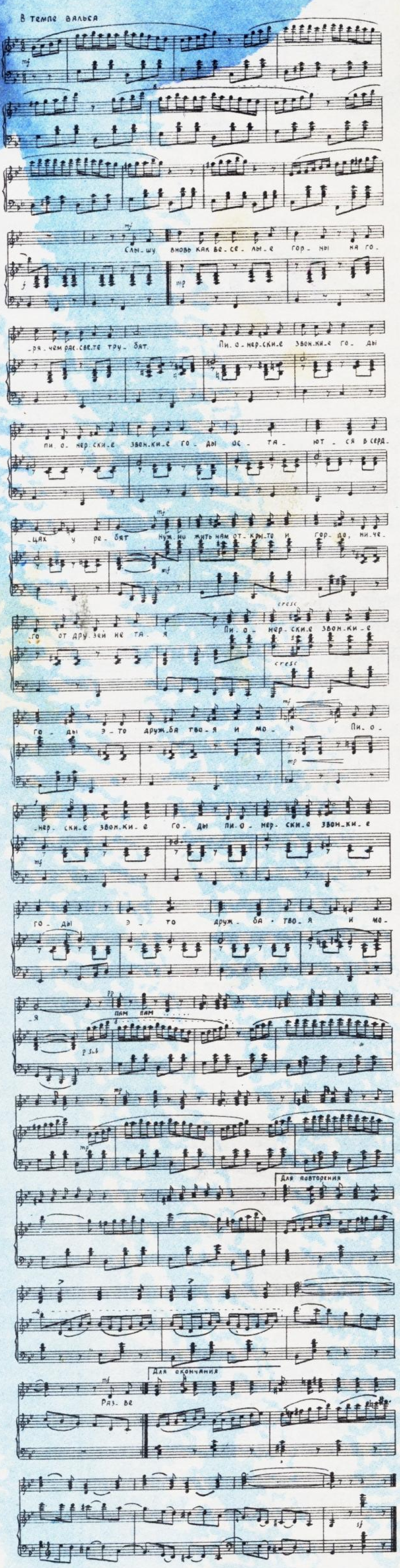
И все пошли на урок.

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Пионерский вальс

Стихи М. ПЛЯЦКОВСКОГО.

16·81

Музыка Ю. ЧИЧКОВА,
лауреата премии Ленинского комсомола.

Слышу вновь, как веселые горны
На горячем рассвете трубят.
Пионерские звонкие годы
Остаются в сердцах у ребят.

Припев: *Нужно жить нам открыто и гордо,*
Ничего от друзей не тая.
Пионерские звонкие годы —
Это дружба моя и твоя!

Разве мы позабудем походы,
Звезды в речке и вальс у костра?
Пионерские звонкие годы —
Это школьного детства пора.

Припев.

Нашим песням высокие горы
Откликаются эхом в ответ.
Пионерские звонкие годы —
В мире чуда волшебнее нет!

Припев.

ISSN 0130—8009

Цена 30 коп. Индекс 70694.